

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»

ДЗЯРЖАЎНАСЦЬ БЕЛАРУСІ Ў XX СТАГОДДЗІ

Да 100-годдзя абвяшчэння
Беларускай Народнай Рэспублікі
і Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі

Зборнік навуковых артыкулаў

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2019

Дзяржаўнасць Беларусі ў XX стагоддзі: да 100-годдзя абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі і Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі : зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал. : В. А. Міхедзька (гал. рэд.) [і інш.] ; Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2019. – 140 с.

ISBN 978-985-577-556-1

У зборніку змешчаны навуковыя артыкулы, якія асвятляюць разнастайныя эпізоды абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі і Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі, праблемы грамадска-палітычнага і сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі ў XX стагоддзі.

Выданне адрасавана вучоным-гісторыкам, студэнтам, магістрантам і аспірантам, а таксама настаўнікам і краязнаўцам.

Зборнік выдадзены ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй, пры ўдзеле выдавецтва.

Рэкамендавана да выдання навукова-тэхнічным саветам
установы адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»

Рэдкалегія:

В. А. Міхедзька (гал. рэд.), М. М. Мязга, С. А. Елізараў,
А. Р. Яшчанка

Рэцэнзенты:

кандыдат гістарычных навук Л. С. Скрабіна,
кандыдат гістарычных навук В. П. Пічукоў

ISBN 978-985-577-556-1

© Установа адукацыі «Гомельскі
дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны», 2019

М. М. МЯЗГА

(Гомель, УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»)

КАНЦЭПЦЫЯ ФЕДЭРАЦЫІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

У артыкуле дадзена характарыстыка польскай канцэпцыі федэрацыі з пункту гледжання яе ўплыву на працэс фарміравання беларускай дзяржаўнасці. Паказана, што ні праект стварэння федэрацыі на Усходзе Еўропы, ні рэальная палітыка, якая праводзілася пад сцягам федэралізму, не былі накіраваныя на падтрымку пабудовы Беларускай дзяржавы нават у федэрацыі з Польшчай, не гаворачы пра стварэнне суверэннай Беларусі ў яе этнічных граніцах.

Вырашэнне пытання беларускай дзяржаўнасці, якое набыло актуальнасць ва ўмовах Расійскай рэвалюцыі 1917 г. і заканчэння Першай сусветнай вайны, у многім залежала ад пазіцыі суседніх дзяржаў. Для абвясціўшай сваю незалежнасць БНР важна было атрымаць міжнароднае прызнанне. Вырашэнне гэтай задачы ў многім залежала ад пазіцыі Польшчы.

У правячай эліце Польшчы ў час аднаўлення яе назалежнасці сфарміраваліся дзве вядомыя канцэпцыі адносна тэрытарыяльных межаў краіны на ўсходзе і, адпаведна, вырашэння беларускага пытання: інкарпарацыя і федэрацыя. Канцэпцыя польскіх прыхільнікаў партый прадугледжвала інкарпарацыю часткі ўсходніх тэрыторый былой Рэчы Паспалітай, у тым ліку і беларускіх зямель, у склад новай Польскай Рэспублікі і не ставіла пытанне аб стварэнні якіх-небудзь дзяржаў на прасторы паміж Польшчай і Расіяй, у тым ліку і беларускай. Прыхільнікі канцэпцыі федэрацыі ў плане інкарпарацыі бачылі істотны недахоп, які заключаўся ў тым, як адзначаў блізкі паплечнік Ю. Пілсудскага Л. Васілеўскі, што частка Беларусі перадавалася Расіі [1, s. 191]. Польская гістарыяграфія яшчэ ў міжваенны час прыйшла да спарываючай высновы, што ў федэралісцкай палітыцы Ю. Пілсудскага аб'ядналіся дзве блізкія, але не супадаючыя мэты. Адна з іх заключалася ў аслабленні Расіі праз яе разчлянненне. Другая – ва ўзмацненні Польшчы з дапамогаю федэрацыі з Беларуска-Літоўскай і Украінскай дзяржавамі [2, s. 104].

Як бачым, гаворка ішла пра стварэнне на тэрыторыі былога ВКЛ Беларуская-Літоўскай дзяржавы. Тым самым тэарэтычна ідэя Беларускай дзяржаўнасці магла разлічваць на падтрымку прыхільнікаў федэралісцкай праграмы ў Польшчы.

На наш погляд, нельга абсалютызаваць разыходжанні паміж прыхільнікамі канцэпцый інкарпарацыі і федэрацыі пры вырашэнні беларускага пытання. 16 снежня 1918 г. С. Грабскі паведаміў Польшкаму нацыянальнаму камітэту аб выніках сваіх перамоў з Ю. Пілсудскім. У ходзе іх начальнік дзяржавы выказаўся за граніцу, якая павінна была праходзіць па лініі Ула, Бярэзіна, Случ, Гарынь. Гэта было блізка да “лініі Дмоўскага”, г. з. да граніцы, якую для Польшчы на ўсходзе намячалі прыхільнікі інкарпарацыі, і азначала непасрэднае ўключэнне асноўнай часткі Беларусі ў склад Польшчы [3, с. 185]. Пацвярджэнне палажэння аб блізасці пазіцый Ю. Пілсудскага і Р. Дмоўскага па пытанню ўсходняй граніцы Польшчы мы знаходзім у блізкага паплечніка кіраўніка польскай дзяржавы Л. Васілеўскага, які адзначаў, што «ў адносінах усходняй граніцы Пілсудскі ў цэлым пагаджаўся з лініяй, прапанаванай Дмоўскім» [1, с. 172].

У вядомай віленскай адозве Ю. Пілсудскі гаварыў аб праве народаў былога ВКЛ самім вызначаць свой лёс. 22 мая 1919 г. польскі сейм прыняў рэзалюцыю, у якой заяўлялася аб прызнанні прынцыпа самавызначэння ў адносінах народаў былога ВКЛ, падкрэслівалася, што гэтым народам будзе прадастаўлена права свабодна вызначыцца ў адносінах да польскай дзяржавы. Выступаючы ў сейме прэм’ер-міністр І. Падэрэўскі заявіў, што Польшча не адмаўляе Літве і Украіне ў праве на незалежнасць і Польшча «абсалютна не супярэчыць гэтым высакародным імкненням беларускага народа да самастойнага індывідуальнага развіцця», гатова аказаць ім шчырую і дзейсную дапамогу [3, с. 301]. Прадстаўляецца, што на пазіцыю Польшчы па пытанню аб лёсе «ўсходніх крэсаў» уплывала папулярнасць у той час лозунга права нацый на самавызначэнне ў краінах Захаду, і пастановы сейма, заявы польскіх палітыкаў мелі мэтай прадставіць у станоўчым святле палітыку Польшчы перад Антантай. Адна справа, калі польскае вайска прыходзіла на землі Літвы ці Беларусі з мэтай непасрэдна далучыць іх да Польшчы ў рамках канцэпцыі інкарпарацыі, і зусім іншая, калі гаворка ішла пра стварэнне федэрацыі, у рамках якой прадугледжвалася ажыццяўленне права на самавызначэнне народамі, якія жылі паміж этнічна рускімі і этнічна польскімі землямі. Гэта павінна было прадэманстраваць Захаду, што палітыка Польшчы на гэтых тэрыторыях не з’яўляецца імерыялістычнай, а будзеца ў адпаведнасці з прынцыпам

самавызначэння нацый, які актыўна прапагандаваўся Антантай, пачынаючы з завяршальнага этапа Першай сусветнай вайны.

Сам Ю. Пілсудскі ў гутарках са сваімі паплечнікамі больш адкрыта выказваўся аб сваіх планах адносна федэрацыі. 8 красавіка 1919 г. ён заявіў Л. Васілеўскаму, што не хоча быць ні імперыялістам ні федэралістам і ў сувязі з тым, што «на божым свеце, здаецца, перамагае балабатня пра братэрства людзей і народаў і амерыканскія дактрыны, я схіляюся з мілай прыхільнасцю да федэралістаў» [3, с. 266]. Гэтае «пакуль» хучэй за ўсё мела на ўвазе працу Парыжскай канферэнцыі. Ю. Пілсудскі не жадаў, каб Захад разглядаў яго палітыку як імперыялістычную, улічваючы негатыўныя адносіны Антанты да пашырэння Польшчы за яе этнічныя граніцы і зрабіў выснову, што большую карысць Польшчы прынясе палітыка лавіравання і адбыўшыхся фактаў. Варта пагадзіцца з сучасным польскім даследчыкам А. Чубіньскім, што вясной 1919 г. Ю. Пілсудскі ствараў адбыўшыся факты і маскіраваў іх ідэяй федэралізму [4, с. 61, 119, 135].

Важна вызначыць тэрыторыю, на якой планавалася ў рамках канцэпцыі федэрацыі стварэнне Літоўска-Беларускай дзяржавы. У інструкцыі МЗС Польшчы ад 7 ліпеня 1919 г. гаварылася, што, калі складуцца абставіны, якія дазваляюць далучыць да Польшчы ўсю, ці нязначна зменшаную тэрыторыю ВКЛ, то гэта трэба зрабіць у выглядзе федэрацыі. Але калі б гаворка ішла аб «этнаграфічна і цывілізацыйна польскіх тэрыторыях», то неабходна іх непасрэднае ўключэнне ў склад польскай дзяржавы. Раілася пытанне далучэння гэтых зямель да Польшчы вырашаць са згоды мясцовага насельніцтва. Пры гэтым неабходна пастарацца, каб гэтая згода была даказана Антанце» [3, с. 330].

Фактычнае нежаданне начальніка дзяржавы падтрымаць ідэю беларускай дзяржаўнасці праявілася ў час яго перамоў з кіраўніком урада БНР А. Луцкевічам восенню 1919 г. Польскі бок рашуча адхіліў прапанову аб заключэнні «Дагавора аб утварэнні саюза суверэнных дзяржаў – БНР і Польскай Рэспублікі». Пілсудскі адверг і просьбу Луцкевіча аб прызнанні БНР як незалежнай дзяржавы і параіў беларусам сканцэнтравацца на пытаннях асветы. Начальнік дзяржавы пагадзіўся на аднаўленне дзейнасці Рады БНР, але жадаў, каб яна адмовілася ад дзяржаўнага статусу і ператварылася ў непалітычны нацыянальны орган [5, с. 118–119]. У лісце Ю. Асмалоўскаму ад 21 лістапада начальнік дзяржавы пісаў, што ён параіў А. Луцкевічу, каб Рада БНР устрымалася ад шырокай палітычнай дзейнасці. Пілсудскі прапаноўваў Радзе зняць пастулат

аб незалежнасці БНР і сканцэнтраванна на развіцці школьніцтва, самакіравання, падрыхтоўцы да выбараў і абмежаваць сваю дзейнасць толькі раёнам Мінску [4, s. 185–186]. 19 верасня 1919 г. у Мінску адбылася сустрэча Ю. Пілсудскага з дэлегацыяй беларускіх дзеячаў. Яны выказалі просьбу аб аднаўленні дзейнасці дзяржаўных органаў БНР на тэрыторыі, занятай польскімі войскамі, і стварэнні беларускага войска. Пілсудскі адказаў, што Польшча не можа прызнаць БНР, покуль яе не прызнала Антанта, хоць і паабяцаў даць беларусам магчымасць самім вырашаць як будзе будавацца беларуская дзяржава [3, с. 349–350].

Можна зрабіць выснову, што вясной – летам 1919 г. у польскіх правячых колах калі і ішла гаворка аб магчымасці стварэння беларускай дзяржавы, то на абмежаванай тэрыторыі, якая ўключала Мінск і землі на ўсход ад яго. Астатняя беларуская тэрыторыя павінна была непасрэдна ўвайсці ў склад Польшчы. Гэта быў кампрамісны варыянт, да якога схіляліся прыхільнікі і інкарпарацыі, і федэрацыі. Пры гэтым гатоўнасць Ю. Пілсудскага падтрымаць стварэнне беларускай дзяржавы нават на абмежаванай тэрыторыі выклікае сумненні, таму што ён гаварыў пра падтрымку толькі культурна-асветніцкай дзейнасці беларусаў, а не палітычнай.

У пачатку 1920 г. Ю. Пілсудскі абмяркоўваў беларускае пытанне з Л. Васілеўскім. Па сведчанню апошняга, кіраўнік польскай дзяржавы адзначыў, што «Беларусь яшчэ зусім не гатова і ў дадзены момант занадта вострае выступленне з беларускім пытаннем было б кампраметацыяй іншых, больш сур'ёзных пытанняў. Трэба ... чакаць адпаведнай кан'юнктуры, пакуль што стварыўшы ў Польшчы беларускі П'ёмонт» [1, s. 216].

8 сакавіка 1920 г. адбылося пасяджэнне польскага ўрада. Па ўзгадненню з Ю. Пілсудскім ён адмовіўся ад стварэння саюзнай з Польшчай беларускай дзяржавы. Гарадзеншчына і Віленшчына безумоўна перадаваліся Польшчы, а на тэрыторыі Мінскай акругі мелася на ўвазе зрабіць беларусам саступкі ў галіне самакіравання і культуры. Такім чынам, гаворка ішла аб культурна-адміністрацыйнай аўтаноміі для зямель, размешчаных паміж інкарпараванымі непасрэдна ў склад Польшчы літоўска-беларускімі тэрыторыямі і Савецкай Расіяй [6, с. 151–152]. Тым самым была прызнана немагчымасць стварэння саюзнай Польшчы Літоўска-Беларускай дзяржавы. Фактычна правячыя колы Польшчы прыйшлі да ідэі нацыянальна-культурнага будаўніцтва для беларусаў, што знайшло адлюстраванне ў пагадненні паміж польскім урадам і прапольскай Найвышэйшай Радай 24 сакавіка 1920 г. Згодна яму беларусы

атрымалі гарантыі нацыянальна-культурнага развіцця, а беларускія дзеячы падтрымалі патрабаванні Польшчы да Расіі адмовіцца ад прытэнзій на землі на ўсход ад мяжы 1772 г. Выступаючы на пасяджэнні камісіі сейма па замежных справах прэм'ер-міністр Л. Скульскі заклікаў прадаставіць беларусам самакіраванне [7, с. 36]. Л. Васілеўскі адзначаў у сувязі з перамовамі з беларусамі ў сакавіку 1920 г., што «камендант згаджаўся на значныя культурна-фінансавыя канцэсіі для беларусаў, але выключаў трактоўку прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі ў Мінску як «урада» [1, с. 218]. Такім чынам, вясной 1920 г. правячыя колы Польшчы цалкам адмовіліся ад ідэі стварэння беларускай дзяржавы нават у рамках федэрацыі. Вясной 1920 г. для Ю. Пілсудскага на першы план выйшла ўкраінскае пытанне, стварэнне саюзнай Польшчы ўкраінскай дзяржавы, а пытанне беларускай дзяржаўнасці страціла сваю значымасць.

Летам 1920 г. ва ўмовах савецкага наступлення на кароткі час у польскіх палітычных колах адраділася ідэя стварэння беларускай дзяржавы ў федэрацыі з Польшчай. Кантакты савецкага кіраўніцтва з прадстаўнікамі БНР таксама паўплывалі на пазіцыю ўрада Польшчы па беларускаму пытанню. У чэрвені кіраўнік польскай дзяржавы і прэм'ер-міністр Л. Скульскі выступілі з заявамі на карысць незалежнай Беларусі [8, с. 330, 335]. Віцэ-прэм'ер Дашыньскі 1 жніўня 1920 г. у якасці ўмоў, на якіх Польшча гатова пайсці на перамір'е і мір з Расіяй, назваў, у прыватнасці, «права на самавызначэнне для народнасцей, якія знаходзяцца паміж Польшчай і Расіяй». Пасля перамогі на Вісле пілсудчыкі лічылі, што працяг ваенных дзеянняў можа прывесці да незаалежнасці Украіны і Беларусі. Але ўжо 27 жніўня 1920 г. на пасяджэнні Рады абароны дзяржавы Пілсудскі пагадзіўся з пазіцыяй, выказанай міністрам замежных спраў Е. Сапегай, які прапанаваў за аснову граніцы з Расіяй прыняць лінію нямецкіх акупаў часоў Першай сусветнай вайны, што азначала фактычны падзел Беларусі з Расіяй [9, с. 116, 120].

У час мірных перамоў у Рызе частка польскай дэлегацыі яшчэ не адмовілася ад ідэі федэрацыі і дзеля гэтага выступала за ўваходжанне ў склад Польшчы ўсёй Беларусі з Мінскам. Але гэтая пазіцыя не знайшла шырокай падтрымкі ні ў дэлегацыі, ні ў польскім урадзе. На наш погляд, Мінск мог стаць у складзе Польшчы не больш, чым нацыянальна-культурным цэнтрам беларусаў. Змешчаная ў Рыжскім дагаворы заява аб прызнанні незалежнасці Украіны і Беларусі насіла чыста дэкларатывы характар. Фактычна Польшча пагадзілася на савецкі варыянт дзяржаўнасці для Беларусі і Украіны, на кантроль Расіі над імі. Рыжскі дагавор, такім чынам, канчаткова пахаваў

федэралісцкія планы. Спроба Ю. Пілсудскага даць новае жыццё федэраліскай канцэпцыі праз стварэнне Сярэдняй Літвы і палескі паход Булак-Балаховіча поспеху не мела.

Такім чынам, не прыходіцца гаварыць аб тым. Што канцэпцыя федэрацыі давала рэальныя шансы для ажыццяўлення ідэі беларускай дзяржаўнасці. Ю. Пілсудскі ўжо з восені 1919 г. схіляўся не больш чым да падтрымкі культурна-нацыянальнай аўтаноміі беларусаў, ды і то толькі на частцы тэрыторыі цэнтральнай і ўсходняй Беларусі. Пытанне аб стварэнні нацыянальных дзяржаў польскія правячыя колы больш выкарыстоўвалі ў тактычных і прапагандысцкіх мэтах. Яны імкнуліся паказаць сябе прыхільнікамі ідэі самавызначэння народаў перад Антантай і атрымаць падтрымку нацыянальных рухаў у барацьбе з Савецкай Расіяй.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1 Wasilewski, L. Józef Piłsudski. Jakim Go znałem / L. Wasilewski. – Warszawa: Wyd. “Rój”, 1935. – 235 s.

2 Mackiewicz, St. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. / St. Mackiewicz. – London: M. I. Kolin, 1958. – 347 s.

3 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1918–1920 гг.) Зборнік дакументаў і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. Ч. 1. – Мінск: «Юніпак», 2008. – 539 с.

4 Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921 / A. Czubiński. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marczałek, 2002. – 444 s.

5 Лазько, Р. Спробы заключэння беларуска-польскага саюза ў 1919 г. / Р. Лазько // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – № 15. – Białystok, 2001. – S. 109–121.

6 Матвеев, Г. Ф. Юзеф Пилсудский и польская государственность (1892–1921) / Г. Ф. Матвеев // Российские и славянские исследования. Выпуск 5. – Минск: БГУ, 2010. – С. 131–158.

7 Чернякевич, А. Н. Точка отсчета: Польша и идея белорусской государственности в период польско-советской войны 1919–1921 гг. / А. Н. Чернякевич // Геополитическая трансформация в Восточной Европе между двумя мировыми войнами. (К 90-летию подписания Рижского мирного договора): сборник материалов Международной научно-практической конференции; Брест, 17–18 марта 2011 г. / редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест: БрГУ, 2011. – С. 30–38.

8 Лазько, Р. Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. / Р. Лазько // Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki. – Toruń: Wydawnictwo naukowe UNK, 2007. – S 325 – 337.

9 Гамулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фармаванняў (1918–1922) / К. Гамулка. – Вільня, 2008. – 256 с.

УДК 94:321.01(476) «1917/1918»

И. Ф. РОМАНОВСКИЙ

(Минск, УО «Белорусский государственный университет»)

**РАЗРАБОТКА ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ
И ОРГАНИЗАЦИЯМИ КОНЦЕПЦИИ БЕЛОРУССКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1917–1918 ГОДЫ)**

Рассматриваются программные установки политических партий и организаций по вопросам белорусской государственности. Определена их роль в формировании идеи неделимости и независимости Беларуси.

Февральская революция 1917 г. внесла коренные изменения в общественно-политические процессы, происходившие в белорусских губерниях. Наиболее существенным ее результатом было появление на политической арене различных партий и организаций, в программах которых формулировались требования создания белорусской государственности, более определенно указывались пути ее достижения. В марте-октябре в Витебске, Минске, Могилеве и многих уездных центрах действовало более 20 политических партий, различных по своей социально-классовой сущности и политической ориентации. Именно это и обусловило формирование в белорусских губерниях двух блоков политических партий и организаций – революционно-демократического и либерального, в том числе белорусских национальных, еврейских и общероссийских.

Либерально-демократической ориентации придерживались в той или иной степени Витебский союз белорусского народа, Гомельский союз белорусский демократии, Могилевский белорусский национальный комитет, Белорусская партия

автономистов, Оршанский белорусский народный комитет, Белорусская партия народных социалистов.

В программе Витебского союза белорусского народа утверждалось, что Беларусь представляет вполне самостоятельную национальную величину, поэтому она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения в самостоятельную административно-территориальную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления. В границах белорусских губерний для национальных меньшинств предусматривалось создание национально-культурной автономии. Одновременно подчеркивалось, что Беларусь есть лишь неделимая часть Великой России. В проекте «Об основах самоуправления Беларуси», направленном Временному правительству в июле 1917 г., подчеркивалось, что самоуправление должно строиться на основе существовавших городских дум и земств и ограничиваться лишь вопросами хозяйственного характера. Руководить краевой жизнью должны Белорусская рада, избранная из представителей всех местных народностей на основе всеобщего, равного, тайного и пропорционального голосования.

Могилевский белорусский национальный комитет, оформившийся в конце марта 1917 г., своей основной задачей считал разработку вопросов, которые должно будет разрешить Учредительное собрание в согласии с национальными устремлениями белорусского народа, с учетом экономического и культурного устройства Беларуси [1, с. 1].

С подобными требованиями выступал белорусский народный комитет в Орше, программа которого признавала федеративное устройство России, а Беларусь – как федеративную ее часть с передачей высшей власти выборному белорусскому народному Совету. Комитет провозглашал возрождение белорусской нации, всестороннее развитие национальной культуры, гарантию прав национальных меньшинств на территории Беларуси [2, л. 55].

Анализ программных установок партий либеральной ориентации свидетельствовал о том, что они выступали за реализацию областнической идеи. Сторонники этого общественно-политического направления считали, что Беларусь не является национальным регионом, а только областью России, которая отличается от центральной России административно-хозяйственной спецификой и местными этнографическими особенностями. Поэтому такая специфика требует принятия специальных законов, регулирующих экономическую жизнь региона. Реализация концепции областников,

несомненно, ограничивала бы возможности создания белорусской государственности, но вместе с тем была бы направлена на объединение белорусских земель под властью краевого центра, подчиненного общероссийским органам, но ориентированного на решение местных хозяйственных проблем.

Среди политических партий, придерживающихся более конструктивных взглядов на будущее государственное устройство Беларуси, были Христианско-демократическое объединение (позже Белорусская христианская демократия – БХД), Белорусская партия автономистов (БПА), Белорусская партия народных социалистов (БПНС).

Под влиянием БХД, возникшей в конце мая 1917 г. в Минске, находилась значительная часть белорусского католического духовенства, интеллигенции, зажиточных слоев крестьянства. В основу практической деятельности партии была заложена теория самобытности развития белорусской нации, отрицания классовой борьбы. В национальном вопросе она поддерживала идею предоставления Беларуси широкой автономии в Российской демократической республике, обучения в школах на белорусском языке, постепенного перехода на белорусский язык в богослужении [3, с. 28].

Особое внимание разработке концепции по национальному вопросу уделяли белорусские автономисты. В документах партии признавалось право белорусов на национальное, культурное и политическое самоопределение в границах широкой краевой автономии Беларуси с сохранением единства и неделимости её с Россией и обеспечением прав меньшинств края. Высшим законодательным органом для Беларуси должна стать Рада, избранная на основе всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права, и пропорционального представительства национальных меньшинств [4, с. 327]. Кроме того, автономисты стремились реализовать этот проект, подавая петиции Временному правительству, работая в его комиссиях. Они требовали также присоединения к автономной Беларуси всех забранных земель и городов, лежащих в границах этнографического расселения белорусского народа [5, с. 3].

Близкой по своим программным установкам к БПА была Белорусская партия народных социалистов. БПНС делала ставку на те силы, которые оставались верными национальной идее и выступали за создание белорусской государственности. Она требовала для Беларуси национально-территориальной автономии в составе

Российской демократической республики с законодательным органом – Белорусской краевой Радой. Партия добивалась возрождения белорусской культуры и всестороннего развития белорусской национальной жизни.

Как видно, после Февральской революции перед белорусским народом, как и другими народами России, встала проблема политического и национально-культурного самоопределения. Однако реальное политическое положение, сложившееся в то время в Беларуси, не привело к реализации этих планов. Идея белорусской государственности пробивала себе дорогу с большими трудностями. Белорусскому национальному движению противостояли мощные центристские силы. Определяющее влияние на положение Беларуси в 1917 г. оказывали общероссийские партии, исходившие из приоритетов великодержавных или классовых интересов. Так, требование лидеров национальных партий немедленно предоставить политическую самостоятельность народам национальных окраин России пришедшая в 1917 г. к власти партия конституционных демократов (кадетов) решительно отклонила, твердо отстаивая унитарное государственное устройство. Кадеты стремились утихомирить белорусское национальное движение в рамках единой и неделимой России, не допуская даже культурной автономии в границах территориального проживания белорусов. Аналогичных позиций придерживались и другие российские партии, в том числе эсеры, социал-демократы, правые черносотенные организации. При этом часть из них прикрывалась белорусскими названиями: «Союз белорусского народа» в Витебске, «Союз белорусской демократии» в Гомеле, «Белорусский национальный комитет» в Могилеве.

Вместе с тем, революционные события 1917 г. создали относительно благоприятную историческую ситуацию для дальнейшего развития белорусского национального движения и его победы в борьбе за создание собственной государственности. Под их влиянием заметно оживилась деятельность белорусских революционно-демократических партий, заявивших о своей социалистической ориентации. В марте 1917 г. возобновила свою деятельность Белорусская социалистическая громада (БСГ). Она активно включилась в борьбу за национальные права белорусского народа. Её организации сформировались в Минске, Витебске, Гомеле, Бобруйске, Орше, а также в Петрограде, Казани, Москве, Саратове и других городах. К осени 1917 г. партия насчитывала около 10 тыс. человек. В это время она стала одной из самых популярных партий в Беларуси. Все это свидетельствовало о росте

национального самосознания, стремлении к официальному признанию факта существования белорусского народа, его равноправия с другими народами.

В новой программе партии, принятой III съездом (25 октября 1917 г.), БСГ подтвердила свою политическую ориентацию и заявила, что своей конечной целью считает осуществление социалистического строя [6, с. 74–75]. Являясь революционно-демократической партией, громадovsky в своей практической деятельности стремились в первую очередь решить национальные задачи, добивались, как и другие политические партии, национально-территориальной автономии Беларуси в составе демократической федеративной Российской республики с собственными законодательными и исполнительными органами власти.

Однако направленность лидеров белорусских организаций и партий на первоочередное решение национального вопроса без взаимосвязи с вопросами о земле и мире в условиях разрухи и нищеты населения, естественно, не могла иметь массовой поддержки, о чем свидетельствовали результаты выборов в Учредительное собрание. Белорусские политические партии получили только 0,59% голосов избирателей.

В целом же, среди белорусских политических партий, действовавших после Октябрьской революции, не было единых подходов к разрешению проблемы национально-государственного строительства Беларуси. Так, Белорусский областной комитет (БОК), Белорусский национальный комиссариат, Белорусская социал-демократическая рабочая партия, выражая настроения основной массы рабочих и крестьян, стремились к самоопределению Беларуси в составе РСФСР на советской основе.

Великая Белорусская рада, партии и организации, входившие в ее состав, представляли второе направление белорусского национального движения. Они выступали за отделение Беларуси от России и создание самостоятельной Белорусской Народной Республики. В своем большинстве белорусские национальные партии не поддерживали Октябрьскую революцию. В «Грамоте к белорусскому народу», опубликованной 27 октября 1917 г. от имени Великой белорусской рады, БСГ, других партий и организаций, подчеркивалось, что переход власти в руки Совета народных комиссаров (СНК) может погубить «святое национальное дело защиты свобод и прав белорусского народа».

Таким образом, отсутствие единства по принципиальным

вопросам, столкновение двух диаметрально противоположных позиций в белорусском национальном движении свидетельствовали о размежевании социально-политических сил нации. Главным пунктом расхождения «радовцев» и «областников» стал вопрос о признании Белорусской Республики, отношении к органам власти, к России.

После Октябрьской революции белорусское национальное движение вышло на качественно новый этап своего развития. В политической жизни края всем предшествующим ходом развития событий был поставлен вопрос самоопределения Беларуси.

Закономерным результатом развития белорусской государственности явился I Всебелорусский съезд 1917 г. Он стал неординарным событием для белорусского народа. Съезд провозгласил право Беларуси на самоопределение, утверждение республиканского строя, принял решение создать временный исполнительный орган власти. Несмотря на то, что съезд был разогнан большевиками, он впервые в новейшей истории Беларуси засвидетельствовал осознание белорусским обществом его государственно-политических интересов. Белорусские партии и организации, их лидеры, провозгласившие Белорусскую Народную Республику, придали идее независимости официальное звучание и смогли заложить первые камни в фундамент национального государства.

Список использованных источников и литературы

- 1 Могилевский вестник. – 1917. – 20 апреля. – С.1
- 2 Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 60. Оп. 3. Д. 81.
- 3 Палітычныя партыі Беларусі: гісторыя і сучаснасць (У. К. Коршук [і інш.]. – Мінск, 2011. – 208 с.
- 4 Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку ХХІ ст.: у 2 кн. – Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя, А. А. Яноўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 584 с
- 5 Вольная Беларусь. – 1917. – 19 октября.
- 6 Программа Белорусской Социалистической Громады (принята III партийным съездом 14–25 октября 1917г.) // Палітычныя партыі Беларусі: Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. –Мінск: Згода, 1994.

Р. Р. ЛАЗЬКО

(Гомель, УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»)

**УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД 1917 ГОДА:
АДМОВІЦА АД НЕНАВУКОВЫХ ШТАМПАЎ
У ЯГО ТРАКТОЎЦЫ**

У артыкуле прааналізаваны устойлівыя гістарыяграфічныя уяўленні, што да I Ёсебеларускага з'езда 1917 г. У артыкуле паказана, што у айчыннай гістарыяграфіі захаваліся ацэнкі асноўных падзей з'езда, якія не абаніраюцца на вывучэнне і аналіз рэчаіснасці, але застаюцца ў рэчышчы ленінска-сталінскай трактоўкі. Сярод важнейшых аспектаў, якія патрабуюць перагляду – акалічнасці дзейнасці Беларускага абласнога камітэту ў справе склікання з'езда, і пытанне яго разгону.

Гісторыя Ёсебеларускага з'езда 1917 г. выдатна ілюструе адну істотную ўласцівасць гістарычнага працэсу: здольнасць Яе Вялікасці Гісторыі іранізаваць над сваімі занадта даверлівымі і павярхоўнымі служкамі. Здавалася б, сюжэт адносна невялікі, храналагічна абмежаваны, а колькі ўжо створана вакол яго моўных штампаў, моцна спрашчаючых гэту складаную і важную гістарычную падзею, колькі нічым не абгрунтаваных спекулятыўных заключэнняў! Вось і пасмейваецца Гісторыя: напісана на гэтую тэму ўжо шмат, а ведаў прыбаўляецца мала. Прычыны гэтай з'явы розныя, хоць пераважае інерцыя мыслення, няздольнасць, а то і нежаданне асобных аўтараў пераадолець уплывы аўтарытэтаў, якія ў свой час не мелі магчымасці сыйсці з пракрустава ложка ленінска-сталінскай ідэалогіі. Сярод існуючых штампаў назавем найбольш растыражываваныя. Гэта прыняцце без спробы выяўлення прычын факту выбару ленінскім Саўнаркамам у якасці свайго партнёра ў правядзенні палітыкі адносна Беларусі на пачатку снежня 1917 г. Беларускага абласнога камітэта пры Ёсерасійскім Савеце сялянскіх дэпутатаў (БАК) – толькі што створанай тады, мала каму вядомай нацыянальнай арганізацыі; гэта і прыпісванне даследчыкамі, следам за асобнымі мемуарыстамі, Саўнаркаму Заходняй вобласці і фронту самастойнай ролі ў рзгоне Ёсебеларускага з'езда без уліку існаваўшай адміністрацыйнай субардынацыі і прынцыпу дэмакратычнага цэнтралізму, які вызначаў

арганізацыйную будову бальшавіцкай партыі Але найбольш вульгарны з гэтых штампаў, генетычна праросшы з ідэалагічнай барацьбы супраць «буржуазнага нацыяналізму» – гэта сцвярджэнне аб тым, што «народ не падтрымаў» Усебеларускі з’езд, сцвярджэнне, якое яго сённяшнія прыхільнікі прыводзяць без спасылкі хоць бы на якую-небудзь гістарычную крыніцу. Яно расцягваецца і на Беларускаю Народную Рэспубліку (БНР), з той карэкціроўкай у некаторых аўтараў, што яе стваральнікі папракаюцца імі ў адыходзе ад рашэння Ўсебеларускага з’езда, у якім гаварылася аб аўтаномнай рэспубліцы ў складзе Расійскай Федэрацыі, а не аб самастойнай беларускай рэспубліцы. У тэзіснай форме, якую дыктую ўстаноўлены аб’ём артыкула, правядзем разгляд названых штампаў [крыніцы і літаратуру змешчаны ў 1–4].

Найперш нам неабходна прыняць да ўвагі, што ленінскі Саўнаркам прымаў рашэнне аб падтрымцы Ўсебеларускага з’езда пад ціскам даволі нялёгкіх для бальшавікоў палітычных абставін. Якраз у час, калі ў Мінску разгарнулася падрыхтоўка Ўсебеларускага з’езда, імі была ўсвядомлена пагроза страты ўлады дэмакратычным шляхам, у выніку рашэння Ўстаноўчага сходу, выбары ў які яны прайгралі. Хоць сумарныя вынікі выбараў па акругах Заходняй вобласці і фронту былі станоўчыя для бальшавікоў (звыш 50 прац. галасоў за іх спіскі), але і яны не давалі падстаў для аптымізму. Справа ў тым, што бальшавікі прайгралі выбары ў буйных прамысловых і адміністрацыйных цэнтрах Беларусі – у Мінску і ў Магілёўскай выбарчай акрузе. Заклапочанасць ленінскага Саўнаркама выклікаў таксама развал дэмаралізаванага Заходняга фронту, салдацкія масы якога да таго часу былі галоўнай апорай бальшавікоў у краі. Гэта сітуацыя штурхала бальшавікоў да палітычнага мезальянса, які ў нацыянальных раёнах мог быць рэалізаваны ў форме саюза з нацыянальнымі рухамі.

Важна падкрэсліць, што ў Беларусі «мезальянс» быў рэалізаваны ў сітуацыі, якая стварала для ленінскага Саўнаркама магчымасць выбару партнёра – Вялікай Беларускай Рады (ВБР) або БАК. Прадстаўнікі абедзвюх арганізацый пасля абвешчання аб скліканні Ўсебеларускага з’езда хадзілі па саўнаркамаўскіх кабінетах з грашовымі просьбамі, ствараючы для Саўнаркама выгадную для яго сітуацыю. Маючы магчымасць выбіраць, Саўнаркам выбраў БАК як свайго партнёра ў беларускай палітыцы, хоць, як паказалі падзеі, на непрацяглы час. На погляд бальшавіцкіх кіраўнікоў, Камітэт быў бліжэй звязаны з сялянскімі арганізацыямі ў Беларусі, меў больш памяркоўную ў параўнанні з ВБР нацыянальную праграму. Так, у

сваёй дэкларацыі ад 17 лістапада БАК моцна акцэнтаваў сваё імкненне ратаваць Расію «як магутную і незалежную дзяржаву» шляхам выдзялення ў ёй аўтаномных абласцей, якія будуць знаходзіцца ў федэратыўных адносінах паміж сабою. Гэта ідэя поўнасьцю адпавядала поглядам кіраўніка Наркамнаца Сталіна на дзяржаўнае ўладкаванне савецкай Расіі.

Акт выбару быў зафіксаваны на пасяджэнні Саўнаркама 2 снежня 1917 г., дзе сярод іншых быў абмеркаваны «Даклад т. Сталіна аб Беларускай радзе і аб неабходнасці фінансавай дапамогі Беларускаму абласному камітэту». Такім чынам, у адной звязцы фактычна разглядаліся два пытанні, што падкрэслівала сітуацыю выбару. У выніку БАК атрымаў грошы і тэхнічную падтрымку, а ВБР – не. Гэты выбар быў зроблены з улікам усяго беларускага і нават шырэй – агульнарасійскага нацыянальна-палітычнага кантэксту.

Дасягнутае пагадненне ў шасці пунктах было выкладзена ў публікацыі «Известий» 6 снежня 1917 г. Дакумент нацэляваў БАК на супрацоўніцтва з Абласным выканаўчым камітэтам саветаў Заходняй вобласці і фронту – Аблвыканзахам. Адным з вынікаў гэтага супрацоўніцтва з пункту гледжання Саўнаркама павінна было стаць стварэнне на Ўсебеларускім з’ездзе агульнабеларускага («краёвага») савета рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў, што азначае б рашэнне ў Беларусі той задачы, якая ў расійскім маштабе была часткова вырашана 15 лістапада. У гэты дзень у выніку пагаднення Надзвычайнага сялянскага з’езда і ВЦВК саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў быў створаны агульны ВЦВК саветаў, што было крокам да аб’яднання ўсёй сістэмы саветаў пад кантролем большавікоў. Мы гаворым, што ў Петраградзе гэта задача была вырашана часткова, бо паклала пачатак адрыву ад партыі расійскіх сацыялістаў-рэвалюцыянераў і перацягвання на бок большавікоў левага крыла гэтай партыі, а тым самым і пачатак падпарадкавання ім арганізаванага сялянскага руху. Яго раскол завяршыўся праз некалькі тыдняў на чарговым сялянскім з’ездзе. Але частка сялянскіх саветаў Расіі захавала сваю прыхільнасць правым эсэрам, не ўзяўшым на душу грэх супрацоўніцтва з партыяй, здзейсніўшай 25 кастрычніка дзяржаўны пераварот, і наіўна спадзяваўшымся ўзяць рэванш на Ўстаноўчым сходзе. Пагадненне з БАК давала ленінскаму Саўнаркаму шанс пазбегнуць такога расколу сялянства ў Беларусі і ўстанавіць палітычны кантроль над ім у цэлым ужо ў бліжэйшы час, на Ўсебеларускім з’ездзе. Нездарма «Известия», друкуючы паведаленне аб дасягнутым з БАК пагадненні, падкрэслівала, што гэты камітэт уяўляе сабой «чыста сялянскую арганізацыю, якая стаіць

на грунце канфіскацыі памешчыцкіх зямель і прызнання савецкай улады ў цэнтры і на месцах». А беларускі з'езд быў прадстаўлены газетай як з'езд «сялянскіх дэпутатаў», які склікаецца «дзеля ўмацавання савецкай улады ў Беларусі».

Выбраўшы БАК як свайго партнёра ў беларускай палітыцы, Саўнаркам спадзяваўся, што менавіта ён павядзе за сабой з'езд і дазволіць рэалізаваць у Беларусі сцэнарый «растварэння» нацыянальных арганізацый у сістэме саветаў, а ў выніку і падпарадкаваць іх. Гэта быў такі ж самы сцэнарый, які бальшавіцкае кіраўніцтва спрабавала рэалізаваць ва Украіне. Аднак там ён праваліўся якраз у тыя дні, калі «Известия» друкавалі сваё паведамленне аб пагадненні з БАК, а ў Мінск пачалі з'язджацца дэлегаты Ўсебеларускага з'езда. Правал бальшавіцкай палітыкі ў Украіне стварыў новую сітуацыю і ў беларускай палітыцы ленінскага ўрада. У гэтай сітуацыі ён быў вымушаны адмовіцца і ад беларускага варыянта сцэнарыя «растварэння», не чакаючы, калі ён будзе адкінуты волевыяўленнем прадстаўнікоў беларускага народа. Пасля настойлівых, але няўдалых спробаў «спакушэння» левага крыла з'езда ён быў разгнаны.

Пытанне аб разгоне з'езда таксама не стасуецца з распаўсюджаным штампаваным адказам на яго як аб выніку рашэння Саўнаркама Заходняй вобласці і фронту. Вывучэння крыніц прыводзіць да высновы, што разгон быў звязаны з канфліктамі ленінскага Саўнаркама з Украінскай Народнай Рэспублікай (УНР), і толькі ў гэтай сувязі ён набывае рацыянальнае вымярэнне. 3 снежня Саўнаркам адным і тым жа дакументам прызнаў УНР і выставіў ёй ультыматум, у якім пагражаў «без усялякіх ваганняў» аб'явіць вайну ёй, калі яна на працягу 48 гадзін не прыме наступныя патрабаванні: не здымаць украінізаваныя часці войск з фронту; не прапускаць без згоды Вярхоўнага Галоўнакамандуючага праз сваю тэрыторыю вайсковыя часці на Дон, на Урал; даць згоду садзейнічаць барацьбе з контррэвалюцыяй на Доне і спыніць раззбройванне савецкіх часцей ва Украіне. 4 снежня ультыматум быў накіраваны Радзе. На наступны дзень Саўнаркам разгледзеў адказ на яго, прызнаў яго нездавальняючым і вырашыў, што Рада знаходзіцца ў стане вайны з Савецкай Расіяй. У гэты ж дзень Саўнаркам прызначыў наркама Ул. Антонова-Аўсеенку арганізатарам узброенай барацьбы супраць Рады.

У абстаноўцы расійска-украінскага кафлікту тэрыторыя Беларусі пераўтварылася ў важны плацдарм мабілізацыі і перамяшчэння сіл для барацьбы супраць украінскай Рады. Пасля размовы з Леніным Антоная-Аўсеенка тэрмінова выехаў у Магілёў,

дзе 7 снежня правёў нараду з кіраўнікамі Стаўкі і камандуючымі франтамі, на якой быў выпрацаваны план аперацыі. На гэтай нарадзе Мяснікоў адыграў выдатную ролю як галоўнакамандуючы Заходнім фронтам. Пазней гэта адзначыў Антонаў-Аўсеенка: «У Стаўцы дамовіўся з Мясніковым, – пісаў ён – што той выдзеліць адпаведныя сілы на гомельска-бахмачскі напрамак». Гэта азначала – у раён Харкава, куды з Кіева адправіліся мясцовыя балышавікі, каб стварыць там савецкі прарасійскі ўрад.

Адным з вынікаў нарады ў Стаўцы быў загад Глаўкаверха, у якім ён абвінаваціў Раду ў пераходзе на бок контррэвалюцыі і на гэтай падставе заклікаў “братоў-украінцаў” скінуць яе. Адначасова ён загадаў спыніць украінізацыю вайсковых часцей, а тым, якія ўжо ўкраінізаваліся, прадставіць на выбар: прызнаць уладу петраградскага Саўнаркама, адправіцца на фронт, або раззброіцца. Гэты ж ультыматум быў пастаўлены і ўсім існуючым у войску украінскім радам, якія падлягалі арышту, калі б адмовіліся прыняць яго.

Такім чынам, рашэнне савецкага ўрада аб пераходзе да барацьбы з Украінскай Радай, падтрыманае рашэннямі Стаўкі, мела значэнне агульнага, а не толькі антыўкраінскага павароту ў яго нацыянальнай палітыцы. Таму следам за сваім «антырадаўскім» загадам Крыленка выдаў дапаўненне дазагаду №12 ад 23 лістапада, у якім, спасылаючыся на дзеянні Рады, прыпыніў прадугледжаны тым загадам агульны працэс выдзялення нацыянальных часцей і забараніў нацыянальныя з’езды ў прыфрантавой паласе. Праўда, кіраўнікі Заходняй вобласці і фронту не адважыліся даць гэтаму загаду зваротны ход і Ўсебеларускі з’езд працягваў працаваць. Але «дамоклаў меч» над ім быў занесены.

Вяртаючыся з нарады ў Стаўцы, Мяснікоў адправіў у Саўнаркам Заходняй вобласці і фронту тэлеграму, у якой патрабаваў прыняць рашучыя меры супраць франтавой і іншых украінскіх рад, устанавіць нагляд над штабам польскага корпуса, спыніць арганізацыю нацыянальных палкоў і г. д. Змест гэтай тэлеграмы даўно вядомы даследчыкам па тэксту экстрэнна прынятай у яе духу пастановы Саўнаркама і прэзідыума Аблвыканзаха (хоць і датаванай публікатарамі памылкова). Мяркуем, што ў гэты ж час Мяснікоў адправіў з Магілёва яшчэ адну тэлеграму, вядомую толькі з газетнай публікацыі 1918 г., да нядаўняга часу недаступнай большасці гісторыкаў. Гэта была яго тэлеграма начальніку штаба Заходняга фронту па палітычнай частцы і начальніку Мінскага гарнізона П. М. Палукараву аб пазіцыі, якую належала заняць адносна Ўсебеларускага з’езда. Працытуем яе поўнасьцю на рускай мове,

маючы на ўвазе сэнсавыя разыходжанні адных і тых жа слоў у рускай і беларускай мовах. «Телеграмма. Западофронт. Полукарову. Сообщите товарищам, чтобы на съезде белоруссов Рады (відаць, «белорусской» – Р. Л.) они произвели переворот умов, раскол и выяснили буржуазность её. Это требуется. Главкозап Мясников».

Змест тэлеграмы дазваляе зразумець, што яе аўтар у момант яе падачы знаходзіўся пад свежым уражаннем ацэнкі ўкраінскай Рады, прагучаўшай на нарадзе ў Стаўцы, як арганізацыі буржуазнай, контррэвалюцыйнай. Для яго было ясна, што такой з’яўляецца і беларуская Рада, хоць яна яшчэ не выявіла гэтай сваёй сутнасці, вось таму і патрэбна было яе выкрыць. Пазней у такім выкрыцці ўжо не было неабходнасці, бо адхіліўшы кампрамісныя прапановы Саўнаркама ад 12 снежня, Вялікая Беларуская Рада, усё кіраўніцтва з’езда, і нават яго левае крыло поўнасцю «выяснілі» сваю «буржуазнасць». Гэты сэнс тэлеграмы Мяснікова Палукараву дазваляе датаваць яе вячэрнім часам 7 снежня, а першым яе вынікам, відаць, быў арышт у Мінску членаў украінскага франтавога камітэта, аб якім падымалася пытанне на Ўсебеларускім з’ездзе падчас выступлення Берсана.

Пасля вяртання Мяснікова са Стаўкі ў Мінск на працягу некалькіх дзён якраз і разгортваецца ліхаманкавая работа Саўнаркама, накіраваная на забеспячэнне перавароту ў свядомасці удзельнікаў з’езда («переворот умов») і дасягненне яго расколу. У святле вынікаў нарады ў Стаўцы з удзелам Мяснікова новае значэнне набывае дзейнасць на з’ездзе «ўрадавага камісара» Усцінава, аб якой ён напісаў сам у розны час і ў розных варыянтах. У фальсіфікатарскім па змесце артыкуле, які быў апублікаваны ў «Советской правде» праз некалькі дзён пасля разгону Ўсебеларускага з’езда, побач з кпінамі на адрас з’езда ён прыводзіць і рацыянальную інфармацыю. Усцінаў апавядае пра тое, як, нацярпеўшыся пакут, стараючыся атрымаць мандат на з’езд, у чарговы раз пайшоў у яго мандатную камісію на плошчу Свабоды з пытаннем: «Буду я дапушчаны на з’езд ці не, бо мне неабходна было тады аб’явіць з’езд толькі што атрыманае распараджэнне Стаўкі». Якое? Аб гэтым Усцінаў напісаў толькі праз некалькі дзесяцігоддзяў для юбілейнага зборніка мемуараў. Аднак важнейшы раздзел яго ўспамінаў у зборнік не трапіў, затое яны захаваліся ў поўным выглядзе ў архіве. Усцінаў пісаў, што атрымаў ад Саўнаркама «тры мандаты: 1) пасведчанне, што я з’яўляюся ўрадавым камісарам; 2) загад зняць з парадку дня з’езда пытанне аб арганізацыі нацыянальнага войска; 3) загад аб закрыцці з’езда, калі пытанне аб войску не будзе знята з абмеркавання» [3, с. 8].

Супаставіўшы сведчанні Усцінава з вынікамі нарады ў Стаўцы, прыходзім да адназначнай высновы аб тым, што прынцыповае рашэнне аб роспуску Ўсебеларускага з'езда было прынята бальшавіцкімі ўладамі Заходняй вобласці і фронту ўжо ў перыяд з 8 па 11 снежня, яшчэ да чарговага ад'езду Мяснікова ў Стаўку 12 снежня. Пры такім разуменні сітуацыі ўстае на сваё месца і настойлівае сцвярджэнне Кнорына ад 1925 г. што менавіта Мяснікоў спыніў існаваўшыя сярод бальшавіцкіх кіраўнікоў Заходняй вобласці і фронту ваганні наконт неабходнасці разгону Ўсебеларускага з'езда. Але рэалізавана гэта рашэнне было амаль што праз тыдзень, калі канчаткова выясніўся правал намаганняў раскалоць з'езд і быў здабыты праект яго рэзалюцыі. Хоць з'езд і выказваўся ў ёй за савецкую форму ўлады ў Беларусі, але за беларускія саветы, а створаныя бальшавікамі не прызнаваў.

На карысць нашага сцвярджэння гавораць і некаторыя іншыя факты, у тым ліку і меркаванні асобных удзельнікаў з'езда аб тым, што «за спінай Ландара стаяў Мяснікоў», калі прымалася рашэнне аб яго роспуску. Зразумела, гэта не самы важкі аргумент. Але вось факт адсутнасці Мяснікова ў Мінску напярэдадні і ў момант разгону Ўсебеларускага з'езда непераканаўчым аргументам нельга назваць. Ужо 11 снежня (верагодна, ўвечары) бальшавіцкая фракцыя Аблвыканзаха абмяркоўвала пытанне аб выбары намесніка камандуючага Заходнім фронтам без яго ўдзелу, бо Мяснікоў тэрмінова выязджаў у Стаўку. А 12 снежня ён ужо выдаў загад аб сваім уступленні «з гэтага чысла» ў часовае выкананне абавязкаў Вярхоўнага Галоўнакамандуючага, і выконваў іх да 21 снежня ўключна. Дык як жа ён мог «стаяць за спінай Ландара,» гэта значыць, вызначаць рашэнне Саўнаркама, не будучы ў Мінску? Праўда, магчыма дапусціць, што Мяснікоў на кароткі час вяртаўся ў Мінск, каб увечары 17 снежня прыняць удзел у пасяджэнні, на якім было вырашана разagnaць Усебеларускі з'езд. Мы нямала часу страцілі на тое, каб высніць наяўнасць такой магчымасці і, самае галоўнае, самога факта яго знаходжання ў Мінску на нейкім пасяджэнні, аб якім гаварыў Кнорын. Аднак ні адзін з вядомых нам дакументаў не фіксуе яго ад'езду з Магілёва раней 21 снежня нават на самы кароткі час.

Несумненна, аднак, што нават знаходзячыся ў Магілёве, Мяснікоў працягваў уплываць на палітыку мінскіх бальшавіцкіх уладаў. Такую магчымасць яму стварала яго імклівае набліжэнне да самага цэнтру савецкай улады, наяўнасць адпаведна са службовай пасадай пастаяннай сувязі з урадам і з абласнымі ўладамі, і ўсё гэта ў той час, калі савецкія войскі сцягваліся ў раён Харкава і рыхтаваліся

да наступлення на Ўкраінскую Народную Рэспубліку пад сцягам спешна створанага там украінскага савецкага ўрада. Гэта наступленне на Кіеў было не толькі вайсковым, але і палітычным, яно адлюстроўвала карэнную перамену метадаў нацыянальнай палітыкі.

У гэтай сувязі варта звярнуць увагу на іншыя падзеі, якія папярэднічалі перадачы Крыленкам вярхоўнага камандавання Мяснікову. Першая з іх – гэта размова Крыленкі па прамым провадзе з Саўнаркамам 11 снежня, у якой ён прадставіў Леніну інфармацыю па шэрагу пытанняў, у прыватнасці, далажыў аб ходзе аперацыі супраць Украінскай Цэнтральнай Рады. У кантэксце нашай тэмы важна адзначыць два аспекты размовы. Першы: Саўнаркам адобрыў рашэнне Крыленкі аб прыпыненні фарміравання на фронце нацыянальных часцей. Другі: Ленін патрабаваў прыняць самыя энергічныя меры, каб як можна хутчэй адправіць у раён Харкава «паболей цалкам надзейных войск, не спыняючыся пры гэтым ні перад якімі перашкодамі». Ён жа даў згоду на прыезд Крыленкі ў Саўнаркам для вуснага даклада, але запатрабаваў перад ад'ездам перадаць яго рспараджэнне наконт адпраўкі войск у раён Харкава «найбольш энергічным людзям». Відаць, Мяснікоў быў першым сярод такіх энергічных і заслугоўваюшых даверу людзей. Гэта факт неабходна адзначыць, перш за ўсё, як сведчанне таго, што Мяснікоў са сваімі партыйнамі таварышамі ў Заходняй вобласці і на фронце праводзілі палітыку цэнтральнага савецкага ўрада, а не сваю мясцовую – як у адносінах да Ўкраіны, так і адносна Беларусі.

У сувязі з канфузам, напаткаўшым ленінскі Саўнаркам ў Украіне, дзе давялося перайсці да сілавых метадам барацьбы з УНР, пад прыкрыццём «другой», савецкай, Украіны, ён быў вымушаны да апошняй магчымасці адцягваць пераход да такой жа канфрантацыі на беларускім геапалітычным полі. Іначай фіктыўнасць лозунга самавызначэння стала б занадта відавочнай, а прыватным вынікам такой сітуацыі было б выпадзенне з рук ленінскага Саўнаркама і ЦК бальшавіцкай партыі аднаго з аргументаў, накіраваных на падпарадкаванне Устаноўчага сходу. Сталін прызнаваў у друку, што ён у тыя дні як наркам па справах нацыянальнасцей атрымліваў «мноства рэзалюцый і лістоў» ад украінцаў, аўтары якіх патрабавалі ад яго тлумачэння дзеянняў Савецкай Расіі адносна Ўкраіны. На працягу снежня яму давялося неаднойчы публічна апраўдвацца ад імя ўрада, у тым ліку і на пасяджэнні УЦВК, перад абвінавачаннямі ў тым, што канфлікт узнік на грунце барацьбы ўкраінскага народа за самавызначэнне. «Гэта няправільна, – казаў Сталін на пасяджэнні УЦВК 14 снежня. – Рада прапануе ўстанавіць у Расіі федэратыўны

лад. А Совет Народных камісараў ідзе далей Рады, аж да аддзялення». Трэба было б дадаць: каб толькі ўлада ў такой Украіне заставалася ў руках бальшавіцкай партыі і яе малодшых партнёраў.

Улічваючы гэту палітычна нявыгадную для ленінскага ўрада сітуацыю, створаную канфліктам з УНР, адзіным яшчэ адзін фрагмент выступлення Сталіна на пасяджэнні УЦВК (заўважым: усё яшчэ шматпартыйнага). Апраўдваючыся ад абвінавачанняў у правядзенні Саўнаркамам цэнтралісцкай палітыкі, Сталін сказаў: «Абласныя цэнтры, пабудаваныя па тыпу Савета Народных Камісараў (Сібір, Беларусь, Туркестан), звярталіся ў Совет Народных Камісараў за дырэктывамі. Совет Народных Камісараў адказаў: вы самі ўлада на месцах, таму самі павінны выпрацаваць дырэктывы...». З кантэксту прамовы Сталіна вынікае, што абласныя савецкія цэнтры звярталіся да Саўнаркама за дырэктывамі, у тым ліку, па пытанні аб дапушчальнасці падзелу ўлады паміж буржуазіяй, з аднаго боку, пралетарыятам і сялянствам, з другога, як падзяліла яе, адпаведна з ацэнкай Сталіна, украінская Рада. А ў адказ ім паведамілі, што яны самі з'яўляюцца ўладай. Такімі выкрунтасамі Сталін запойніў шэраг сваіх выступленняў па пытаннях нацыянальнай палітыкі ў канцы 1917 – пачатку 1918 г. Як іх зразумець у кантэксце беларускай палітыкі савецкага ўрада? Даволі проста. Не жадаючы пасля Украіны адкрыта выступіць у ролі душыцеля нацыянальнага самавызначэння яшчэ і ў Беларусі, калі б беларуская Рада вырашыла пайсці шляхам украінскай, ленінскі ўрад вырашыў схавацца за кулісамі. А кулісамі была быццам бы самастойная палітыка абласной савецкай улады. Мясцовым бальшавіцкім органам было даверана самім выбраць той момант, калі належала ўжыць сілу супраць нацыянальна-дзяржаўных намаганняў беларусаў.

Мы ўжо выказвалі думку пра тое, што прынцыповае рашэнне, якое развязвала рукі Саўнаркаму Заходняй вобласці і фронту для выкарыстання сілы супраць Усебеларускага з'езда, было прынятае неўзабаве пасля нарады ў Стаўцы і ў выніку гэтай нарады. Аднак прамая дырэктыва на гэты конт нам невядомая. Ці захавалася яна наогул? На заканчэнне, аднак, прывядзем тэлеграму старшыні абласнога Саўнаркама К. Ландара, у якой ён дакладваў цэнтральным уладам аб мерах, прынятых дзеля рэалізацыі пастаноў названай нарады. Тэлеграма пасылалася на два адрасы і, несумненна, патрабавала адказу Цэнтра (курсіў у публікацыі): «Стаўка. Глаўкаверх. Петраград. Урад Народных Камісараў. Украінская Рада Захфронта арыштаваная. Паведаміце [аб] далейшым напрамку спраў і аб лёсе арыштаваных. Украінскія эшалоны раззбройваюцца і

накіроўваюцца ў тыл. За астатнімі радамі і Доўбарам [устаноўлены] неаслабны нагляд.

Старшыня Абласнога Савета Народных Камісараў Ландар» [3, с.10].

Адказ на прыведзены запыт нам, у прынцыпе, вядомы: ён прачытваецца ў разгоне Ўсебеларускага з'езда.

Што да сцвярджэння аб тым, што «народ не падтрымаў» Усебеларускі з'езд, то яго прысутнасць у сучаснай гістарыяграфіі вызначаецца ўжо не толькі ідэалагічнай абмежаванасцю асобных аўтараў, інерцыяй мыслення іншых, але і ўплывам псіхалагічнага комплексу непаўнацэннасці, усё яшчэ ўласцівага шмат каму з беларусаў. Апошнія дзве прычыны, як можна заўважыць, нярэдка спалучаюцца ў падыходах аднаго і таго ж аўтара да адпаведнай праблематыкі. Такі «даследчык» убіў сабе ў галаву, што беларускі нацыянальны рух напярэдадні рэвалюцыі 1917 г. быў слабы, а беларускі народ інертны. «Мая хата з краю, мы людзі маленькія». Для такога гісторыка з'яўляецца аксіёмай, што «маленькія людзі» не маглі падтрымаць такую вялікую, рэвалюцыйную праграму, як перабудова Расіі ў федэратыўную дэмакратычную дзяржаву ў выніку руху недзяржаўных народаў. На самай жа справе інертны ён сам, і гэтым спосабам ухіляецца ад прафесійнай адказнасці за становішча ў гістарычнай навуцы. Пры большай адказнасці і свежасці мыслення, грунтуючыся на дастатковым веданні адпаведных крыніц, прафесійны гісторык здольны прыйсці да разумення, што беларускі нацыянальны рух у гады Першай сусветнай вайны перажываў незвычайны перыяд у сваім развіцці, перыяд скачка, фарміравання ў ім новых якасцей. Ён развіваўся ва ўмовах паскараўшага яго сусветнага цывілізацыйнага крызісу, набыўшага ў Расіі найбольш глыбокі і драматычны характар.

За некалькі год сусветнай вайны палітычнае развіццё Расіі прайшло кругабег ад адной формы аўтарытарнасці, манархічнай, да другой – плебейска-радыкальнай, праскочыўшы праз этап адкідвання дэмакратычнага рэспубліканскага ладу. Набіраючы сілу стыхіі, расійскі крызіс вырваўся за межы палітыкі, ахапіў усе сферы грамадскага жыцця і ўключыў працэс «разб'ягання» народаў Расіі ад імперскага цэнтра. У канцы 1917 г. гэты многапланавы расійскі крызіс дасягнуў новага рубяжа ў сваім развіцці, выявіўшы варыянтнасць, альтэрнатыўнасць яго пераадолення на тэрыторыі карэннай Расіі і на яе нацыянальных ускраінах. Следам за акупаванымі Германіяй тэрыторыямі Польшчы, Прыбалтыкі па-зарасійскія мадэлі пераадолення крызісу склаліся і ў іншых нацыянальных раёнах у выглядзе праектаў выхаду гэтых раёнаў са

складу Расіі. Калі гаварыць аб Беларусі, то менавіта ў гэтым годзе ва ўмовах расійскага крызісу ўпершыню за многія гады гістарычны працэс накрэсліў перад беларускім народам асобны ад расійскага варыянт гістарычнага развіцця. Узнікшая сітуацыя ўжо вызначана беларускім гісторыкам як «час выбару» [5], і да гэтай слушнай ацэнкі застаецца толькі дадаць, што працэс гістарычнага выбару беларусаў набыў хвалепадобны, дыскрэтны характар, і зацягнуўся на некалькі год. Але першы яго этап абмежаваны рубяжом 1917–1918 гг.

Разглядаючы ўплыў на беларускую супольнасць расійскага крызісу перыяду Першай сусветнай вайны, варта звярнуць увагу на заклік С. Рудовіча адыйсці ад спрошчанага погляду на гэту вайну як толькі на паскаральніцу расійкай рэвалюцыі 1917 г. Неабходна імкнуцца да асэнсавання таго, «як у разбуральным хаосе вайны і рэвалюцыі крышталізавалася стваральная ідэя нацыянальнага самасцвярджэння беларускага народа» [6, с. 78]. Працягваючы гэту думку, асмелімся сцвярджаць, што вайна для беларускага народа хоць і была трагедыяй, але трагедыяй аптымістычнай. У ходзе яе ўзнікла не толькі неабходнасць, але і прынцыповая ажыццявімасць для беларускага народа гістарычнага рыўка ад стану «рэчы ў сабе» да стану гаспадара свайго краю і свайго лёсу ў ім. Менавіта дзеля таго, перш за ўсё, каб зразумець неабходнасць і адначасова прынцыповую магчымасць такога рыўка, беларускім гісторыкам неабходна з максімальнай паўнатай прасачыць уздзеянне на Беларусь расійскага крызісу 1914–1918 і некалькіх наступных гадоў як сістэмнага складанага фактару фарміравання новых якасцей беларускага народа, уключаючы і яго здольнасць да ўласнай дзяржаватворчасці. А прасачыць з максімальнай паўнатай азначае ўлічыць усе істотныя кампаненты гэтага глыбокага крызісу, разам з яго маральным складнікам, што з рознай сілай выяўляўся ва ўсіх сляях расійскага грамадства і разам з іншымі кампанентамі стымуляваў дынамічны, хоць і не прамалінейны, дэфармаваны іншымі фактарамі, працэс самавызначэння беларускага народа, уключаўшы і варыянт яго аддзялення ад расійскай дзяржавы.

Сфармуляваўшы гэтыя пастулаты, вернемся да пытання аб падтрымцы (ці непадтрымцы?) беларускім народам (*nota bene!*) Усебеларускага з'езда. Ён, як вядома, пачаўся 5 снежня, хоць афіцыйнае яго адкрыццё адбылося 7 снежня, калі з'ехаліся 500 дэлегатаў з вырашальным голасам і 200 – з дарадчым. Усяго ж да 17 снежня мандатная камісія выдала 1872 мандаты, з якіх 1167 – дэлегатам з вырашальным голасам і 705 – з дарадчым. Гэтыя лічбы абапіраюцца на сведчанні кіруючых асоб з'езда, у прыватнасці,

старшыні мандатнай камісіі П. Крачэўскага, і таму набылі шырокае прызнанне гісторыкаў. Разам з тым, самое параўнанне прадстаўленых лічбаў дазваляе зразумець, што колькасны склад дэлегатаў з'езда на працягу яго працы не быў стабільным. Акрамя аб'ектыўных прычын недастатковай яўкі на з'езд у першыя яго дні, выкліканых разрухай у краі, на гэта паўплывалі і амбіцыі кіраўніцтва БАК, якое заклікала беларускія арганізацыі на 5 снежня ў Мінск не выязджаць, а з'явіцца толькі 15 снежня. Аб'ектыўна гэта была дэзарганізатарская пазіцыя. Аднак ні аб'ектыўныя, ні суб'ектыўныя прычыны не здолелі істотна знізіць прадстаўнічасць гэтага агульнабеларускага форуму.

Гэта ацэнка будзе тым больш пераканаўчай, калі мы заўважым, што восенню 1917 г. рознага роду выбары і з'езды ішлі адзін за другім, а то і супадаючы ў часе. Адбывалася пакутлівае пераўтварэнне мас людзей з аб'екта палітыкі ў яе суб'ект. У гэтым патоку палітызацыі насельніцтва ішло выдзяленне і пашырэнне беларускай нацыянальнай плыні. Параўнанне колькасных параметраў Усебеларускага з'езда з такімі ж параметрамі іншых з'ездаў, што ўтваралі гэты паток, дасць нам лепшае ўсведамленне працэсу фарміравання ў ім гэтай плыні. Мэтазгодна ўзяць для параўнання тыя тры з'езды, якія мінскія большавікі правялі з мэтай легалізацыі сваёй улады ў краі і адначасова дзеля ўмацавання ўладных пазіцый напярэдадні выбараў ва Ўстаноўчы сход. Першы з гэтых з'ездаў – 3-ці з'езд сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губерняў – праходзіў 18–20 лістапада. Адпаведна з паведамленнем газеты «Звезда», адна з пастановаў з'езда зафіксавала лічбу ў 335 яго ўдзельнікаў. 20–25 лістапада прайшоў 2 з'езд армій Заходняга фронту, які быў больш прадстаўнічым, што і зразумела, паколькі менавіта салдаты фронту былі галоўнай апорай большавікоў у краі. У дзень яго адкрыцця на з'ездзе прысутнічала 450–500 чалавек, у наступныя дні, калі меркаваць па справаздачы той жа «Звезды», колькасць яго ўдзельнікаў вагалася ад 310 да 633 чалавек. Відавочна, салдаты-дэпутаты аказаліся не надта дысцыплінаванымі. Але найбольшы клопат мінскія большавікі мелі са з'ездам саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў Заходняй вобласці. «Звезда» не здолела назваць колькасць яго ўдзельнікаў, былі пералічаныя толькі прадстаўленыя на з'ездзе саветы, якіх аказалася 16. Гэта была прыкладна трэцяя частка ўсіх існаваўшых у Беларусі на момант большавіцкага перавароту саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў разам з агульнымі саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў. Большавікам на з'ездзе быццам бы належала дзве трэці месц, астатнія – левым эсэрам. Выходзіць, што Усебеларускі з'езд у першыя дні сваёй працы па колькасных

паказчыках пераўзыходзіў скліканы балышавікамі сялянскі з'езд і быў блізка да франтавога з'езда, а ў апошнія дні працы пераўзыходзіў усе тры гэтыя з'езды. Што датычыць тэрытарыяльнага і сацыяльнага прадстаўніцтва, то з'езд меў поўнае права назваць сябе ўсебеларускім, бо прадстаўляў усе рэгіёны Беларусі, у тым ліку дзякуючы ўдзелу бежанцаў – і акупаваную заходнюю частку краю, а таксама і ўсе яго сацыяльныя слаі. У адрозненне ад асобных сучасных аўтараў, мінскія балышавікі, якія не толькі назіралі за з'ездам, але і былі прадстаўлены на ім, ведалі аб яго прадстаўнічым і народным характары і адзначалі ў сваім друку, што «ў працы беларускага з'езда запрошаны прыняць удзел усе партыі і прадстаўніцтвы ў Беларусі без выключэння» і што з'езд сабраўся «шматлюдны», «настрой [на ім] узняты» [«Советская правда» 9 снежня 1917 г., 13 снежня 1917 г.].

Варта звярнуць увагу на яшчэ адну акалічнасць, звязаную з Усебеларускім з'ездам, – на той гістарычны момант, калі беларускія арганізацыі выбіралі сваіх дэлегатаў на з'езд, і на тыя лозунгі, пад якімі выбары праводзіліся. Яны праходзілі літаральна назаўтра пасля выбараў ва Ўстаноўчы сход, з якімі масы людзей на працягу некалькіх месяцаў звязвалі свае спадзяванні на замацаванне ў законах ужо праведзеных рэвалюцыйных пераўтварэнняў, у прыватнасці перадачы зямлі зямельным камітэтам для яе раздзелу паміж сялянамі, і іншых. Здавалася б, што яшчэ можна было выбіраць? Тым не менш, многія тысячы людзей, прадстаўленыя ў сялянскіх саветах, гарадскіх і земскіх самакіраваннях, беларускіх радах у войску не палічылі лішнімі выбары на беларускі з'езд, папярэдняя праграма якога была намечана ў звароце да гэтых арганізацый Вялікай Беларускай Рады ад 18 лістапада 1917 г. «З'езд гэты павінен выявіць волю народа беларускага, які не можа і не жадае далей абыхава адносіцца да свайго лёсу у цяперашні небяспечны і адказны момант. З'езд павінен абмеркаваць і вызначыць усе магчымасці самаабароны шматпакутнага беларускага народа і прыняць меры для яе самаарганізацыі», – гаварылася ў звароце. Выбаршчыкі галасавалі за ўдзел у з'ездзе, на парадак дня якога прапанаваліся наступныя пытанні: «1. Міжнароднае становішча Беларусі (вайна і мір). 2. Зямельнае пытанне. 3. Будучае палітычнае ўладкаванне Беларусі. 4. Стварэнне органа краёвай улады» [2, с. 8]. Такім чынам, дэлегаты з'езда адпраўляліся ў Мінск, усведамляючы свае задачы як паўнамоцных прадстаўнікоў беларускага народа, а найбольш дасведчаныя з іх глядзелі на маючы адбыцца з'езд як на Беларускі Ўстаноўчы сход (ці Ўстаноўчы сойм).

Няўстойлівасць Расіі ў барацьбе з яе імперыялістычнымі сапернікамі, крызіс расійскай дзяржаўнасці ў ходзе вайны і пачатак яе распаду па нацыянальных швах, растучае імкненне спыніць ішоўшае з Усходу «бязладдзе», дэмаралізацыю пераўтварылі вайну ў аптымістычную трагедыю для беларускага народа. Аптымістычны яе кампанент заключаўся ў тым, што яе вынікі не толькі прымушалі шукаць паратунак на шляху аддалення ад імперыі, але і стваралі шансы поспеху на гэтым шляху. Не апошнім сярод гэтых шансаў была эвалюцыя свядомасці беларускага сялянства ў нацыянальным духу, у духу «будаўніцтва сваёй хаты», што ўпершыню ў гісторыі алкрывала перспектыву пераўтварэння беларускага руху ў масавы. У гэтай сувязі звернем увагу на тое, што адным з ініцыятараў правядзення Усебеларускага з'езда – рубажнай падзеі ў працэсе самавызначэння беларускага народа – была арганізацыя, выступаўшая ад імя беларускага сялянства – Беларускі абласны камітэт пры Усерасійскім савеце сялянскіх дэпутатаў. З'езд адбыўся пры падтрымцы, уключаўшай і фінансавую, мясцовых земскіх арганізацый і Сялянскага саюза, сяляне складалі значную частку яго ўдзельнікаў. Хоць лідарам БАК нялёгка ўдавалася ўтаймаваць свае амбіцыі, а сяляне займалі на з'ездзе найбольш памяркоўную і няўстойлівую пазіцыю, але здзіўляе не гэта. Уражвае іх масавы ўдзел у гэтым нацыянальным форуме, што яшчэ за паўгода да з'езда немагчыма было ўявіць. Заўважым у гэтай сувязі, што на скліканы Беларускім камітэтам агульнакраёвы сялянскі з'езд у красавіку 1917 г. з'явіліся толькі 52 дэлегаты, а на Мінскім губернскім, які ў тым жа месяцы правялі бальшавікі, было прадстаўлена звыш 800 дэлегатаў ад сялян, і прайшоў ён у антыбеларускім духу [5, с.125–127].

Разам з тым, канстатуячы эвалюцыю сялянства на нацыянальных пазіцыі, неабходна ўсведамляць, што і ў той час, і на працягу наступных некалькіх год яна стрымлівалася істотнымі аб'ектыўнымі фактарамі. Гэта эвалюцыя ішла двума геаграфічна адзеленымі адзін ад другога патокамі – бежанскім і мясцовым – і адчувала на сабе ўплыў незавершанай барацьбы сялян за зямлю. Павольнае злучэнне двух патокаў у адзін пачалося пасля падпісання Савецкай Расіяй і Германіяй Брэсцкага міру, калі пачалі вяртацца ў Беларусь бежанцы з Расіі. Аднак праз кароткі час пасля завяршэння Першай сусветнай вайны Беларусь была зноў падзелена, на гэты раз фронтам польска-савецкай вайны, і кожны паварот польска-савецкай барацьбы зноў абвастраў зямельнае пытанне для беларускага селяніна. Аднак выпрацаванае ім да канца 1917 г. усведамленне аб «чужаніцах», на якіх нельга спадзявацца,

уладкоўваючы сваё жыццё, з таго часу моцна засела ў яго свядомасці і ўплывала на яго паводзіны.

Беларуская нацыянальная ідэя аказалася зразумелай і хутка пашыралася ў масах у апошнія месяцы 1917 г. як ідэя спынення бязладдзя, нармалізацыі жыцця соцыума, як ідэя нацыянальнага ўратавання. Усебеларускі з'езд, абапіраючыся на масавую падтрымку, намеціў праграму рэалізацыі гэтай ідэі, але быў раз агнаны. Можна папракаць арганізатараў з'езда ў нявопытнасці, у палітычнай наіўнасці, і нават у тым, што не паспрабавалі прымусіць бальшавікоў ужо ў снежні адступіць у Магілёў ці Смаленск, як украінцы прымусілі сваіх адступіць у Харкаў. Але гэта б азначала папракаць іх у тым, што не прынялі ўжо ў той час іншую канцэпцыю нацыянальнага самавызначэння, канцэпцыю поўнага дзяржаўнага разрыву з Расій, якая выпявала як адна з альтэрнатыў і даспела пад уплывам трагедыі Брэсцкага падзелу. Можна нават папракаць беларускіх сялян, што не пабеглі з цапамі і сякерамі ў Мінск ратаваць сваіх дэлегатаў, замест таго, каб заканчваць малацьбу і нарыхтоўваць дровы. Але пры чым тут навука?

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1 Лазько, Р. Р. Супрацоўніцтва ленінскага Саўнаркама з беларускімі нацыянальнымі арганізацыямі напярэдадні Ўсебеларускага з'езда 1917 г. / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – №1. – С. 3–12.

2 Лазько, Р. Р. Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам (Да пытання аб разгоне Усебеларускага з'езда 1917 года. Частка 1). / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – №3. – С. 5–12.

3 Лазько, Р. Р. Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам (Да пытання аб разгоне Усебеларускага з'езда 1917 года. Частка 2) / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – №4. – С. 3–10.

4 Лазько, Р. 1914–1917: аптымістычная трагедыя Беларусі / Р. Лазько / Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2015. – №44. – S. 153–168.

5 Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – 201 с.

6 Рудовіч, С. Беларусь у Першай сусветнай вайне і рэвалюцыі 1917 г.: актуальныя праблемы даследаванняў / С. Рудовіч // Гісторыя, якой няма ў падручніках: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 27 красавіка 2002 г.) / Пад рэд. Н. Стужынскай. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2002. – С. 77–82

Е. Н. ДУБРОВКО

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»)

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В ОТРАЖЕНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ 1918 ГОДА

В статье на основе анализа материалов американской газет декабря 1917 года – февраля 1919 года показано, что в содержащейся в американской прессе информации о процессах государственного строительства на территории Беларуси последняя была представлена как часть бывшей Российской империи, населённая «белыми русскими», то есть одной из трёх частей русского народа. Установлено, что внимание к территории Беларуси было связано с интересом к событиям на Восточном фронте Первой мировой войны, а провозглашение Белорусской Народной Республики весной 1918 года представлено в американской прессе как акт, осуществлённый с согласия Германии.

Процессы государственного строительства на белорусских землях в начале 20 века неоднократно становились объектом научного исследования, осмысления и интерпретации. В текущем году столетняя годовщина провозглашения Белорусской Народной Республики активизировала интерес к теме БНР, причём не только в белорусской академической среде, но и в общественных кругах, в СМИ, со стороны зарубежных учёных и иностранных дипломатов. В таких обстоятельствах наше внимание привлёк такой аспект названной темы, как отражение событий, непосредственно связанных с провозглашением Белорусской Народной Республики, в зарубежной прессе того времени. Анализ этого аспекта позволит расширить наши представления о международном резонансе событий, происходивших на территории современной Беларуси в 1918 году, то есть в преддверии Парижской мирной конференции, в ходе которой, как известно, пытались заявить о себе перед лицом главных союзных и присоединившихся держав-победительниц и деятели БНР.

Источниками для подготовки данной статьи стали материалы американской прессы, как крупнотиражной («Нью-Йорк таймс », «Нью-Йорк Геральд», «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Трибьюн»), так и регионального уровня за декабрь 1917 – февраль 1918 года.

В американской прессе конца 1917 года можно обнаружить отголоски Первого Всебелорусского съезда, который произошёл в Минске 5–18 декабря: «Лондон, 28 декабря /1917/ – Сегодня по совету Петрограда было провозглашено создание республики в Беларуси. Рада, или законодательный орган на данной территории, была собрана в Минске, где будет выпущен декрет, провозглашающий независимость государства. (Русские делятся на Великих Русских /Great Russians/, Малых Русских /Little Russians/ и Белых Русских /White Russians/. В соответствии с последней доступной статистикой число Белых Русских около пяти миллионов, большинство из них живёт в Литве)» [1]. Такое сообщение поместила на второй полосе одна из ведущих американских газет «Нью-Йорк таймс», выходившая в 1917 году ежедневно тиражом около 350 тысяч экземпляров. Как видно из текста заметки, данная информация поступила из столицы Соединённого королевства, где у этой газеты был собственный офис во главе с Эрнестом Маршаллом [2, р. 403, 362-363]. Эта информация была перепечатана и в региональных газетах. На пример, вышеуказанный текст, правда, без пояснения, приведённого в скобках был перепечатан 2 января 1918 года в одной из газет Южной Каролины [3]; 14 января в одной из газет штата Иллинойс появилась информация о провозглашении республики в Беларуси, при этом она сопровождалась информацией о том, что белорусы занимают несколько губерний, граничащих с Польшей и «Балтийскими губерниями» и большая часть их территории в текущий момент лежит в пределах границы Германии, а их довоенная численность составляла около шести миллионов [4]. Наряду с названными заметками, содержание которых позволяло читателям получить хоть и поверхностное, но в большинстве своём адекватное происходившему представление о регионе Беларуси, встречалась и дезинформация. Так в выходившей в штате Индиана газете встречаем пояснение такого плана: «Украина – это так называемая «Беларусь, включая части старого Польского королевства» [5].

Ещё раз «Нью-Йорк таймс» вспоминала о существовании Беларуси в воскресном выпуске от 6 января 1918 года. В нём была помещена аналитическая статья, посвящённая возможности заключения сепаратного мира между большевиками и Германией с приведением карты и пояснения к ней, где в перечне центрально- и восточноевропейских регионов указано, что в Минске «или Беларуси» было создано республиканское правительство и очень условно обозначена территория довольно крупного государственного образования под названием «Минск», расположенная вокруг одноимённого города [6].

В марте 1918 года Нью-Йоркская газета вскользь упоминала Беларусь как территориальную единицу в связи с анализом дальнейших политических планов Германии. При этом отмечено, что среди множества проектов существовал и наиболее радикальный, предполагавший отрыв от России ряда территории, среди которых, «возможно, Беларусь» [7].

19 марта 1918 года во многих региональных газетах США появилось сообщение, полученное из Гааги со ссылкой на депешу из Берлина, с одинаковым содержанием. В нём указывалось, что делегация, представлявшая Беларусь, обратилась к правительству Германии с просьбой оказания помощи народу Беларуси для создания независимого правительства, но ей было отказано. В большинстве случаев это сообщение сопровождалось пояснением, гласившим, что Беларусь – это часть империи, располагающаяся между Польшей, Финляндией и Украиной. Поскольку она находится под контролем большевиков, которые заключили мир с Германией, смысл этого сообщения не ясен. Однако, указано, что буржуазия (антибольшевики) пригласили немцев занять этот регион с некой целью» [8; 9; 10; 11; 12.].

В мае 1918 года информация о Беларуси вновь встречалась на страницах англоязычной печати. В ряде изданий, появились заметки о злодеяниях немецких войск и оккупационных властей в Беларуси, перепечатанные в сокращённом виде из крупной английской газеты «Таймс» [13]. Исходя из газетного текста эти данные были получены из Москвы, откуда поступила радиограмма в Лондон, содержавшая текст протестной ноты со стороны Советского правительства в адрес правительства Германии. В ней упоминались вопиющие случаи насилия, погромов, пыток, казней и уничтожения деревень. В региональных изданиях, правда, допущены очевидные неточности, на пример, город Бобруйск назван «Бобринск» [14; 15; 16]. Второй блок данных о Беларуси связан с поступившей через Лондон из Москвы от корреспондента агентства «Эксчейндж Телеграф Компани» информацией, датированной 16 мая, которая была напечатана и в крупных [17; 18], и в региональных изданиях [19; 20; 21; 22; 23; 24] о провозглашении Белорусской республики «с согласия Германии». Заметки по этой теме фактически дословно дублировали друг друга. Отмечалось, что идёт формирование коалиционного правительства, продолжаются переговоры об объединении Литвы и Беларуси с целью формирования отдельного государства под военным протекторатом Германии. Приведённая информация сопровождалась, необходимым для читателя пояснением, гласившим, что Беларусь

имеет неопределённые границы, приблизительно занимает территорию к северу от Украины, востоку от Польши и Балтийских губерний и к югу и западу от «великой России», она включает Литву, где проживает основная масса белорусского населения. Дополнительно отмечалось, что Литва на тот момент уже была признана Германией в качестве союзного ей независимого государства. Приведённая в одной из газет карта-схема располагала Беларусь на очень вытянутой с запада на восток территории (от балтийского побережья до того, что на схеме названо Сибирью) и сопровождалась пояснением, что ещё одна республика «в списке «свободных» русских государств... известна как Беларусь, отличная от «Великой Руси», которая является большевистской» [21].

Летом 1918 года в прессе прослеживались три ключевых темы в рамках которых можно обнаружить сведения о Беларуси. Во-первых, появилась информация о налаживании украинско-белорусских отношений. Так газета «Вашингтон пост» 5 июня приводила информацию со ссылкой на телеграмму из Киева о том, что украинское правительство признало Белорусскую республику, тут же напомнив читателям о том, что последняя была провозглашена с согласия Германии, и очертив её приблизительную территорию так же, как описано выше [25]. Такие же сообщения, правда, иногда дополненные сведениями о встрече германского и австрийского послов в Украине с «генералом Скоропадским, украинским диктатором, с предложением установления дипломатических отношений» обнаруживаются и в региональных газетах [26; 27]. Во-вторых, появилась информация в «Нью-Йорк таймс» и на уровне штатов со ссылкой на официальные донесения из Стокгольма о крестьянских мятежах в оккупированных районах Беларуси, повлекших множественные убийства немецких солдат [28; 29]. В-третьих, продолжали появляться заметки, помещавшиеся вместе с картами-схемами, о складывании новых государств, сопровождавшем раскол Российской империи. В среде таких государственных образований фигурировала и Беларусь, при этом её территория на предложенных схемах очерчивалась крайне условно [30].

Осенью 1918 года появлялись преимущественно сообщения о значительном ущербе, нанесённом населению и ресурсам Беларуси за время немецкой оккупации. Источниками информации при этом выступали официальные сообщения из России, передаваемые в Лондон, тексты которых приводили и центральные газеты, и газеты штатов. Так на пример, «Нью-Йорк таймс» 31 октября писала: «В Беларуси нет лошадей, нет скота, так как немцы всё вывезли... поля

остались незасеянными, так как немцы не оставили зерна. Дети умирают от голода. Нельзя достать молока. Домашняя утварь, инструменты и оборудование для телеграфов и телефонов из многих городов было отправлено в Германию. Железнодорожные пути были сняты, остались только поломанные бесполезные вагоны» [31.]. Та же информация дублировалась в региональных газетах [32]. Приводилась также информация о значительном ущербе, нанесённом лесам Литвы и Беларуси, особенно Беловежскому массиву [33].

Начиная с января 1919 года Беларусь на страницах американской прессы появлялась уже как советское государство. Так одна из центральных газет – «Нью-Йорк Трибьюн» 21 января сообщала о том, что, согласно посланию из Киева, полученному через Цюрих, «Беларусь провозгласила союз с русской советской республикой». При этом газета приводила и справочную информацию, гласившую, что число белорусов составляло пять миллионов, проживали они в Литве «которую недавно завоевали большевики» [34]. Эта же информация прошла на тот момент или позже и в региональных газетах [35; 36]. Надо отметить, что одновременно та же информация присутствовала и в английской прессе, в частности в газете «Таймс» в перечне зарубежных новостей указано, что «Белорусское Советское правительство провозгласило Беларусь (Смоленскую и Минскую область) частью Русской Советской Республики» [37]. Уже в конце февраля 1919 года появилась заметка о встрече в Минске представителей Советов Литвы и Беларуси, «о важности её свидетельствует присутствие членов Центрального Исполнительного Комитета Московского Совета, возглавляемого М. Свердловым» и о провозглашении союза Литвы и Беларуси [38].

Таким образом, в конце 1917 – начале 1919 года в американской прессе появлялась информация о процессах государственного строительства на территории Беларуси. Её содержание показывает, что эта территория была представлена как часть бывшей Российской империи, большинство её населения рассматривалось как одна из трёх частей русского народа – «белые русские», а внимание к ней было связано с интересом к событиям на Восточном фронте Первой мировой войны. Провозглашение Белорусской Народной Республики весной 1918 года представлено на основе информации из Москвы и Берлина как акт, осуществлённый «с согласия Германии», на фоне многочисленных сообщений о преступлениях немецкого оккупационного режима и ущербе, нанесённом им населению и ресурсам Беларуси.

Список использованных источников и литературы

- 1 White Russia secedes. Lithuanians now decide to form an independent republic // The New York Times. – 1917. – Sat, Dec 29. – P. 2.
- 2 Davis, E. History of the New York Times 1851-1921 / E. Davis. – New York : The New York Times, 1921. – 434 p.
- 3 Republic in Russia. Decree to be issued from Minsk declaring independence of state // The Watchman and Southron (South Carolina). – 1918. – Jan 2. – P. 1.
- 4 White Russia // The Daily Chronicle (Illinois) – 1918. – Jan 14. – P. 4.
- 5 Ukraina admitted independent nation // The Columbus Republican (Indiana) – 1918. – Jan 10. – P. 2.
- 6 Military critic's review // The New York Times. – 1918. – Jan 6. – P. 27.
- 7 Many peace plans divide Germans // The New York Times. – 1918. – Mar 17. – P. 42.
- 8 White Russia wants to be independent // The Akron Beacon Journal (Ohio). – 1918. – Mar 19. – P. 1.
- 9 White Russia appeal refuse // The Oregon Daily Journal. – 1918. – Mar 19. – P. 2.
- 10 Germans Refuse plea from White Russia // The Evening News (Pennsylvania). – 1918. – Mar 19. – P. 5.
- 11 White Russia asks help // Vicksburg Evening Post. – 1918. – Mar 19. – P. 1.
- 12 Refuse to aid White Russia // The Courier-News. – 1918. – Mar 19. – P. 1.
- 13 White Russian sufferings // The Times (London). – 1918. – May 15. – P. 5.
- 14 Atrocities in White Russia // Corsicana Daily Sun. – 1918. – May 15. – P. 10.
- 15 Germans slaughter women and children. Murder right and left in White Russia // The Indianapolis News (Indiana). – 1918. – May 15. – P. 1.
- 16 Destroy Entire Villages // Little Falls Herald (Minnesota). – 1918. – May 17. – P. 4.
- 17 Germans near Kursk // New York Herald. – 1918. – May 25. – P. 4.
- 18 White Russia now Hun protectorate // The Washington Post – 1918 – May 25 – P. 3.
- 19 White Russian Republic // Lancaster Eagle Gazette (Ohio). – 1918 – May 25. – P. 1.

20 German forces move on thru Moscow fields // The Lima News (Ohio). – 1918. – May 25. – P. 1.

21 Another “free” Russian republic is “permitted” by the Germans // The Bismarck Tribune (North Dakota). – 1918. – May 29. – P. 1.

22 Russia exists by the grace of Germany // The Vicksburg Herald (Mississippi). – 1918. – May 25. – P. 1.

23 White Russia to be republic // The Ogden Standard. – 1918. – May 25. – P. 13.

24 Republic of White Russia is formed; Berlin consents // The Brooklyn Daily Eagle (New York). – 1918. – May 24. – P. 1.

25 Recognizes White Russia // The Washington Post. – 1918. – Jun 5. – P. 9.

26 White Russia Avowed a Republic by Ukraine // Harrisburg Telegraph (Pennsylvania). – 1918. – Jun 7. – P. 5.

27 Ukraine government recognizes White Russia // The Times Dispatch (Virginia). – 1918. – Jun 5. – P. 2.

28 Special to the New York Times // The New York Times. – 1918. – Jul 27. – P. 3.

29 White Russia peasants riot killing Huns; revolt grows // Oakland Tribune (California). – 1918. – Jul 26. – P. 1.

30 The fragments that were Russia // The Evening Journal. – 1918. – Jul 15. – P. 8.

31 Devastate Russia as they withdraw // The New York Times. – 1918. – Oct 31. – P. 1.

32 Germans looting Russia // The Des Moines Register (Iowa). – 1918. – Oct 31. – P. 1.

33 German have laid waste Great forests in Russia // El Paso Herald (Texas). – 1918. – Sat, Oct 26. – P. 11.

34 White Russia joined to Soviets // New-York Tribune. – 1919. – Tue, Jan 21. – P. 3.

35 White Russia joins with Soviet, report // Lansing State Journal (Michigan). – 1919. – Mon, Jan 20. – P. 1.

36 Chronology of the year // The Denison Review (Iowa). – 1919. – Dec 31. – P. 2.

37 Imperial and Foreign news items // The Times (England). – 1919. – Jan 21. – P. 7.

38 Warsaw, Feb. 22 // New-York Tribune – 1919. – Feb 23. – P. 2.

В. А. МІХЕДЗЬКА

(Гомель, УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»)

ГРАМАДСКІЯ ІДЭАЛЫ І КАШТОЎНАСЦІ Ў ДЗЯРЖАВАТВОРЧЫХ ДАКУМЕНТАХ БНР І БССР

У артыкуле паказаны асноўныя ідэйныя і каштоўныя пастулаты дзяржаватворчых дакументаў Беларускай Народнай Рэспублікі і Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі

Беларуская народная рэспубліка для значнай часткі нашага грамадства з'яўляецца сімвалам вольнага, дэмакратычнага і незалежнага развіцця Беларусі. Але збег гістарычных абставінаў, які многімі разглядаецца як фатальны, абумовіў замену БНР савецкай дзяржаўнасцю. Гістарычная спрэчка паміж імі за права лічыцца найбольш поўным адлюстраваннем і увасабленнем аб'ектыўных працэсаў станаўлення беларускай дзяржаўнасці цягнецца дагэтуль.

У сучаснай грамадскай думцы існуе і прапагандуецца тэза, быццам з пункту гледзішча нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі Беларуская Народная Рэспубліка і Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка Беларусь ўяўлялі звыны аднаго працэсу станаўлення беларускай дзяржаўнасці. Якія ж каштоўнасці закладваліся ў падмурак гэтых дзяржаўных утварэнняў іх заснавальнікамі, развіццё якіх магло бы засведчыць пераемнасць «дзвюх стадыяў»? Каб убачыць гэта, звернемся да першых заканадаўчых нарматыўных актаў БНР і БССР, якія вызначалі асноўныя прынцыпы нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі.

Возьмем для нашага разгляду I, II і III Устаўныя граматы Беларускай Народнай Рэспублікі (1918г.), а таксама «Маніфэст часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада БССР» (1.01.1919г.) і «Дэкларацыю аб абвешчэнні незалежнасці Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусі» (31.07.1920г.). Гэтыя дакументы мелі збольшага дэкларатывны характар, ствараліся ў адрознай палітычнай сітуацыі. Але гэтыя акалічнасці не маюць асаблівай вагі, бо менавіта дэкларацыі, ідэалы і ёсць прадметам для разгляду.

Згодна з пастановамі I Усебеларускага з'езду, скансалідаваная на ім беларуская дэмакратыя абвясціла ва Ўстаўных граматах аб стварэнні Беларускай Народнай Рэспублікі. Ад пачатку беларуская

дзяржава разумелася заснавальнікамі БНР не як справа выключна этнічных беларусаў і не толькі як ажыццяўленне натуральнага права беларускага народу на самавызначэнне. Сама назва – «Устаўная грамата да народаў Беларусі» – сведчыла дзяржаўна-палітычную адбудову Беларусі як агульную справу ўсіх яе народаў: «...уся ўлада на Беларусі павінна належаць тым народам, якія на ёй жывуць» [1, с. 106]. Ідэя салідарнасці ўсіх народаў Беларусі, іх паяднання на падмурку дэмакратыі дзеля адбудовы краю як агульнага дому, як вольнай і самастойнай дзяржавы выразна артыкулюецца ва Ўстаўных граматах. Менавіта на гэтай падставе ствараўся першы ўрад Беларусі – Народны Сакратарыят: «выканаўчы камітэт рады першага Ўсебеларускага з’езду, даданы прадстаўнікамі рэвалюцыйнай дэмакратыі нацыянальных меншасцяў,...абвешчае сябе тымчасоваю Ўладаю на Беларусі» [1, с. 106]. Таксама, першая часовая заканадаўчая ўлада – Рада БНР, стваралася з Рады Усебеларускага З’езду, «дапоўненай прадстаўнікамі нацыянальных меншасцяў Беларусі» [2, с.107]. Граматы абвешчалі права усіх народаў на нацыянальна-персанальную, г. зн. культурную, аўтаномію і роўнасць усіх моваў народаў Беларусі [1, с.105; 2, с.107]. Дзяржаўная будучыня Беларусі павінна была вызначацца на Устаноўчым Сойме, зноў-такі, усімі народамі краю [1, с.106]. Другая Грамата, абвесціўшы «правы і вольнасці грамадзян Беларускай народнай рэспублікі», абавязвала Раду «пільнаваць законнага парадку жыцця ў Рэспубліцы, сцерагчы інтарэсаў усіх грамадзян і народаў Рэспублікі» і дадаткова «захаваць правы і вольнасці працоўнага люду». Шырокія дэмакратычныя свабоды, «безумоўная вольнасць сумлення, незачэпнасць асобы і памешкання» гарантаваліся усім [2, с.107].

Такім чынам, ва Ўстаўных граматах да народаў Беларусі адлюстравалася ідэя палітычнай нацыі. Галоўным крытэрыям нацыянальнай прыналежнасці вызначалася не этнічнасць, але грамадзянства. Да гэтай нацыі належыць кожны, хто адчувае сябе грамадзянінам краю, адказным за ягоны лёс, незалежна ад этнічнасці, сацыяльнага паходжання і культурнай арыентацыі. Падобны падыход вымагаў салідарнасці ўсіх народаў краю і дазволіў ва многіх краінах звесці да мінімуму этнічныя канфлікты, спрыяў фармаванню грамадзянскай супольнасці [3].

Калі ж мы звернемся да дакументаў, што абвешчалі савецкую дзяржаўнасць, дык таксама ўбачым у іх ідэю салідарнасці. Тут яна выступае не як салідарнасць агульнаграмадзянская, але як салідарнасць класавая. Гэтыя дакументы поўныя сацыяльнага радыкалізму. Маніфэст абвешчаў, што «Беларусь ...становіцца

распу́блікай працоўнага народу, рабочых, сялянскае бядноты і чырвонаармейцаў Беларусі!». Дэклараваны «рэвалюцыйны парадак» абяцаў «роўнае права» і магчымасць жыць «пад абаронай рэвалюцыйных законаў» зноў-такі, толькі «рабочым, сялянам і працаўнікам усіх нацыянальнасцяў, якія жывуць на абшары Беларусі». Абвяшчалася поўная роўнасць моваў – «беларускай, расейскай, польскай і яўрэйскай». Натуральна, што улада ў краі, адрозна ад тэзісаў «Устаўных грамат», павінна была належаць не «усім народам», якія мусілі вырашаць сваю дзяржаўную і палітычную будучыню на Ўстаноўчым Сойме, але «толькі саветам рабочых, селянскіх, батрацкіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў» і будавацца на прынцыпах «бязлітаснай дыктатуры пралетарыяту» [4, с. 118, 119]. Дэмакратычныя свабоды, якія абвяшчаліся Ўстаўнымі граматамі, у савецкіх Маніфэсце і Дэкларацыі нават не ўзгадваюцца. У той жа час сам факт, што ад свайго пачатку савецкая дзяржаўнасць Беларусі дэкларавалася (няхай і вымушана) як «незалежная рэспубліка» [4, с.118; 6, с.125] мае прынцыповую значнасць для захавання і развіцця нацыянальнай ідэі. Яго не здолелі нейтралізаваць і абвергнуць не толькі наступныя артыкулы Дэкларацыі аб саюзе з Савецкай Расіяй, але і ўся наступная савецкая гісторыя.

Натуральна, што пачуццё еднасці і братэрства немагчыма без прылучэння да месца, якое адчуваецца сваім па праву гісторыі, да радзімы [5, с.13]. Радзіма – гэта перад усім пэўная тэрыторыя, без яе немагчыма нацыянальная ідэя, і захаванне якой уяўляе базавую нацыянальную каштоўнасць. Менавіта абарона цэласці і непадзельнасці тэрыторыі Беларусі у час, калі яе ператваралі ў разменную манету ў міжнародным гандлі, выратаванне ад віхуры чужынскай вайны сталася ці не галоўным фактарам і мэтай утварэння незалежнай БНР [1, с.105 ; 2, с. 106]. Савецкія дзеячы глядзелі на гэтую праблему з іншага боку. Абвяшчэнне ССРБ з'яўлялася элементам сусветнай рэвалюцыі: «праз абарону Савецкай Беларусі – абараняецца Савецкая Расея, абараняецца сусветная рэвалюцыя, інтарэсы працоўнага народу усіх краёў на сьвеце і яскравае панства камунізму» [4, с.120]. І дзеячы БНР і дзеячы БССР, зразумела, імкнуліся акрэсліць абшары краю. У граматах БНР яе тэрыторыя вызначалася агульна як «усе землі, дзе жыве і мае лічбленную перавагу беларускі народ» і акрэсліваліся іх канкрэтныя межы [2, с. 106]. «Дэкларацыя аб абвяшчэнні незалежнасці ССРБ» ад 31 ліпеня 1920 г. вызначала толькі заходнюю мяжу Савецкай Беларусі, якая мусіла супадаць з этнаграфічнай мяжой Беларусі з суседнімі «буржуазнымі дзяржавамі». Астатнія межы павінны былі вызначацца «у поўнай

згодзе з урадамі РСФСР і ССРУ» [6, с. 125]. Варта дадаць, што тэрыторыя Савецкай Беларусі, хаця і не была акрэслена у Маніфэсце, але згодна з пастановай зьезду, які адбыўся напярэдадні абвяшчэння БССР, 30.12.1918г., яна у асноўным супадала з этнічным беларускім абшарам [7, с. 113].

Дакументы БНР і БССР адлюстравалі адмоўнае стаўленне да прыватнай ўласнасці. Сацыялістычныя погляды заснавальнікаў БНР бясспрэчныя: прыватная ўласнасць на зямлю скасоўвалася, абвяшчалася, што «уся зямля перадаецца без выкупу тым, што самі на ёй працуюць. Лясы, вазёры і нутро зямлі» пераходзілі ва ўласнасць БНР [2, с.107] . Але сацыяльнага радыкалізму у граматах няма. «Маніфэст» быў больш радыкальны: «уся зямля памешчыкаў... з усім жывым і мёртвым інвентаром, а таксама лясы, воды і нутра зямлі становяцца дастаткам працоўнага народа Беларусі». Здабыткам «рабочых і беднага сялянства» Беларусі абвяшчаліся шляхі зносін, сродкі сувязі, фабрыкі, заводы і банкі [4, с.119-120].. «Дэкларацыя» пацвярджала скасаванне прыватнай уласнасці на зямлю, пакінуўшы толькі права карыстання тым, хто яе апрацоўваў. Адзначалася, што «усе народныя багацці пераходзяць у рукі дзяржаўных органаў...» [6, с. 125]. У адмоўным стаўленні да прыватнай уласнасці на зямлю, упэўненасці у неабходнасці нацыяналізацыі буйной маёмасці граматы БНР і дакументы савецкія вельмі падобныя.

Такім чынам, меркаванне пра БНР і БССР як паслядоўныя стадыі, або этапы адзінага працэсу з'яўляецца па меншай ступені спрэчным. Выказаныя БНР як грамадскія і нацыянальныя каштоўнасці ідэалы салідарнасці, тэрытарыяльнай цэласнасці, самастойнасці, і, ўрэшце, незалежнасці, сталіся альтэрнатывай савецкай рэчаіснасці і былі настолькі прыцягальныя, што былі, няхай сабе вымушана і у абмежаваным выглядзе, паўтораныя і БССР, цалкам адмовіцца, цалкам ігнараваць іх было ўжо немагчыма.

У тым, што якраз БССР аб'ектыўна адыграла ролю дзяржаўнага, палітычнага і культурнага інтэгратора беларускай нацыі, ёсць павучальная, але сумная гіронія гісторыі

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1 Устаўная грамата да народаў Беларусі 21.02.1918г.// Ладысеў, У. Ф., Брыгадзін, П. І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920гг.) –мінск, БДУ, 1999. – с. 105-106.

2 Устаўная грамата да народаў Беларусі 9.03.1918г. // Тамсама. – С.106-107.

3 Смалянчук А. Ф. Беларускі рух пачатку XX ст. і ідэя палітычнай нацыі [электронны рэсурс]. Рэжым доступу <http://krytyka.by/by/page/science/historya-navuka/11474>. – Дата доступу: 18.02.2018.

4 Маніхвэст часовага работніча-сялянскага савецкага правіццальства Беларусі // Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. Паказ. Твор..– С.118-119

5 Сміт Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. Мінск, 1995.– С.13.

6 Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии // Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. . Паказ. твор. – С.124–127.

7 Постановление о границах Белоруссии // Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. . Паказ. твор. – С.113 -114.

УДК 94:327(430+476) «1917»

А. М. БАБКОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС В ЛИТОВСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1917 ГОДА

В статье характеризуется роль белорусских земель в германской политической концепции «окраинных государств» и планах военного командования по установлению «второй приграничной полосы». Главное внимание уделено анализу белорусского вопроса в литовской политике Германии в контексте ее российской и польской политики. Автор приходит к выводу, что в начале 1917 г. в германской политике был отдан приоритет поддержке литовских планов создания государства с включением в его состав северно-западных белорусских земель.

На рубеже 1916-1917 гг. начался новый этап в германской восточной политике. Февральская революция в России, провозгласившая право народов на самоопределение, активизировала национально-освободительное движение народов, проживавших на территории бывшей Российской империи. Политические деятели многочисленных народов, в т. ч. и белорусы выдвинули требование Временному правительству предоставить им автономию в составе

демократической федеративной Российской республики. Национально-освободительные лозунги заставили германские власти скрывать свои захватнические устремления под маской самоопределения народов оккупированных ими территорий, которые они намеревались удержать под своим контролем. В изменившихся геополитических условиях руководство Германии во главе с канцлером Т. Бетман-Гольвегом перешло в своей восточной политике от прямой аннексии к более гибким планам «автономизации» народов, населявших западные области Российской империи. Какой смысл вкладывали оккупационные власти в политику «автономизации» литовско-белорусских и других земель, становится ясно из высказывания 31 мая 1917 г. начальника штаба Восточного фронта генерала М. Гофмана: «Была бы возможна формула, согласно которой Германия отказывается от аннексий, однако Россия, признавая принципы свободы малых наций уже теперь в занятых нами землях, отпускала бы их из своего состава, чтобы Германия определила их будущее политическое устройство» [1, с. 282]. Осуществление этих замыслов ставило будущее народов в полную зависимость от Германии.

В начале 1917 г. в политике сторонников умеренных аннексий, придерживавшихся концепции «Срединной Европы», на первый план вышла идея создания «окраинных государств», которые рассматривались в роли буфера, отделяющего Германию от России. С помощью отпадения «окраинных государств» военно-политические круги Германии надеялись «разложить» Россию.

Вице-канцлер в правительстве Т. Бетман-Гольвега К. Гельферих рассматривал план создания «окраинных государств» как часть более широкой и важной для Германии проблемы: «формирования курса Германии в отношении распада России, к силам и течениям, которые возникли в хаосе российского распада, новым образованиям, которые формировались на руинах бывшего российского государства». Он предостерегал правительство об «опасности для германского рейха... неограниченного признания права народов на самоопределение» и рассматривал его применение как «сильнейший взрывоопасный материал»: «Мысль о том, что использованный один раз без ограничений признанный принцип удастся позже ограничить на контролируемых нами и нашими союзниками российских территориях, была просто наивной... прежде всего в связи со стремлением к независимости поляков, чехов, словенцев» [2, с. 193]. Как впоследствии отметил вице-канцлер, «немецкая политика в своей практике признала только с большими оговорками право на

самоопределение народностей на оккупированной российской территории» и «содействовала установлению нового порядка только на пространстве, находившемся у ее порога» [3, с. 192].

Осмысливая германскую политику «окраинных государств», К. Гельферих пришел к выводу, что ее «можно считать правильной или ошибочной. Но она была вызвана необходимостью «формирования будущего российского окраинного пространства, которое заняли немецкие войска во время войны», а первым шагом в ее осуществлении явилось провозглашение Королевства Польского. После Февральской революции и вызванного ею развала России «задуманное еще до этого участие Германии в формировании окраинных государств становилось неизбежной необходимостью» [4, с. 193].

Впоследствии Министерство иностранных дел Германии дало следующую оценку этой политики: «Политика окраинных государств, которая проводилась нами во время побед, исходила из того, что в связи с быстрым экономическим и военным усилением России в интересах нашей безопасности и экономических перспектив нужно было освободить угнетенные ею в последние столетия народы и образовать из многочисленных и дружелюбных нам окраинных государств между Балтийским и Черным морями стратегический и экономический плацдарм» [5, с. 279].

Важным ориентиром в германской политике в отношении западно-белорусских земель явился план установления «второй приграничной полосы», расположенной в треугольнике Гродно-Ломжа-Брест-Литовск. В германских аннексионистских кругах замысел отторжения литовско-белорусских территорий возник еще в начале войны. По поручению правительства тайный советник М. Зеринг совершил поездку по только что завоеванным литовско-белорусским землям. В своем отчете он высказался «за аннексию не только Сувалок и Ковно, но и Вильно» [6, с. 282]. Другой сторонник германской аннексии на востоке доверенное лицо Обер Оста, ротмистр литовского происхождения, В. Степутат выполнявший секретные поручения МИД Германии выступил с «идеей колонизации немцами Ятвягии – Белоруссии в качестве онемеченной прусской провинции» [7, с. 38–39]. Средство достижения поставленной цели он видел в «усилении противоречий между поляками и литовцами» на оккупированной территории. Весной 1916 г. министр внутренних дел Пруссии фон Лёбель в дискуссии с главнокомандующим Восточным фронтом П. Гинденбургом по вопросу об «отделении западных славян от восточных» потребовал «не присоединять к будущей Польше Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии, если только удастся

оторвать их от России и составить из них «прибалтийско-литовскую область», которая находилась бы под контролем Германии [8, с. 287].

По мере перемещения прусско-германской границы на северо-восток и возрастания роли литовского вопроса в военно-политических кругах кайзеровской империи возник план в дополнение к польской «полосе обеспечения» создать «вторую приграничную полосу». В декабре 1916 г. Верховное главнокомандование открыто потребовало установления «второй приграничной полосы до Брест-Литовска, который должен стать «прусским провинциальным городом» [8, с. 287]. 31 марта 1917 г. в Берлине на совещании представителей заинтересованных учреждений Германии и Пруссии был окончательно принят проект установления «второй приграничной полосы», которая должна была пройти на востоке по линии Ломжа-Гродно и далее на юго-восток через Беловежскую пушу до Брест-Литовска» [9, с. 286].

План создания «второй приграничной полосы» прикрывался военно-стратегической необходимостью защиты Восточной Пруссии от угрозы со стороны России. На самом же деле преследовалась аннексионная цель расширения Пруссии за счет литовских и западно-белорусских земель, которые в дальнейшем планировалось заселить немецкими колонистами и ветеранами войны. Решение установить вторую «полосу безопасности» имело также целью проложить прямой путь из Германии через юго-западные белорусские земли в Украину, часть которых входила в состав округа «Белосток-Гродно». Особый статус был придан Брест-Литовску. Он не входил в состав Обер Оста и находился под управлением военного командования. С августа 1916 г. и до конца войны в Брест-Литовске размещался штаб главнокомандующего Восточным фронтом генерал-фельдмаршала Леопольда Баварского. В городе было образовано отдельное немецкое управление, которое в июле 1917 г. было преобразовано в имперскую комендатуру. Беловежская пуша с ее огромными лесными ресурсами была выделена в «Военное лесное управление Беловежа» [10, с. 6, 8]. Издававшаяся на оккупированной территории белорусская газета «Гоман» разглядела в переносе управления Обер Оста в Белосток «хороший знак» для развития белорусского национального движения. Она писала: «нигде общественная жизнь не кипит так энергично, как в центре управления». Газета расценила приближение «столицы» Обер Оста к белорусским землям как фактор, который приведет к усилению позиций белорусов в противостоянии с польскими притязаниями на Белостотчину, «как намек на то, что немецкие власти не собираются передавать эту территорию полякам», и она

станет «своего рода «фортом», который защитит наши этнографические границы от аппетитов соседей» [11].

Выступление весной 1917 г. Литовского национального совета в Петрограде с требованием предоставления автономии Литве в составе федеративной Российской республики вызвало опасения в военно-политических кругах Германии. Чтобы сохранить Литву под своим контролем, они активизировали обсуждение литовского вопроса с литовскими национальными деятелями, находившимися на оккупированной территории и за рубежом. Немецкие власти всячески затрудняли на оккупированной территории «нарастание великопольского движения», выступавшего за присоединение Литвы к Польше. При этом Э. Людендорф потребовал от военно-административного управления Обер Оста «не занимать положения открытого противопоставления» польской политике» [12, с. 472]. Военное командование обратилось к правительству с предложением провести совещание по выработке «дальнейшей политики по национальному вопросу в восточной зоне оккупации», т. к. прежняя политика «равного отношения ко всем национальностям оказалась уже недостаточной» [13, с. 470]. Э. Людендорф высказался за то, чтобы «германское господство в восточной зоне оккупации... опиралось на литовцев и белорусов», которые рассматривались как противовес польскому влиянию. Но так как литовцы не имели численного превосходства на оккупированной территории над поляками, их необходимо было усилить за счет белорусов. По его мнению, «надлежало употребить все средства... для приобретения литовских симпатий» и сближения литовцев с белорусами северных районов. В южной части территории, «считаясь с поляками, от этого надо было отказаться» [14, с. 470].

Когда в начале 1917 г. стал обозначаться литовский вектор в германской политике, более определенные очертания приняли действия оккупационных властей по реорганизации округов, направленные на усиление Литвы за счет присоединения к ней земель Сувалкской и Гродненской губерний и ослабления таким образом поляков. Сразу после немецкой оккупации Сувалкская губерния была разделена между округами «Сувалки» и «Вильно», которые в мае 1916 г. слились в «Военное управление Вильно-Сувалки» с центром в Вильно [15, с. 31].

С замыслом создания литовского государства под контролем Германии было связано присоединение 15 марта 1917 г. округа «Вильно-Сувалки» к округу «Литва» под общим названием «Военное управление Литва». Эти земли рассматривались в роли буфера между Королевством Польским и будущей Литвой. Являясь неразрывной

частью бассейна р. Неман, соединенного системой каналов с бассейном рр. Днепр и Висла эти земли приобретали важное экономическое значение в будущем.

Командование германским Восточным фронтом предвидело негативную реакцию поляков на этот шаг немецкой администрации. Начальник штаба Восточного фронта генерал М. Гофман 11 февраля 1917 г. записал в своем дневнике: «в ближайшие недели мы объединяем управление Литвы и Вильно-Сувалки в одно Велико-Литовское с центром в Вильно... Поляки усмотрят в этом удар против них, т. к. мы ясно даем понять им, что Сувалкскую губернию, которую Наполеон когда-то обещал присоединить к Польше, хотим отдать не Польше, но удержать для себя» [16, с. 225]. Спустя две недели М. Гофман высказался за необходимость принятия решительных мер по противодействию польской пропаганде на оккупированной территории, т. к. «ясно, что поляки теперь разовьют большую пропаганду за то, чтобы Литва и Курляндия были бы присоединены к Польскому королевству», и потребовал «заткнуть полякам глотку» [17, с. 226].

Опираясь на поддержку политических кругов Германии, литовские национальные деятели отказались от концепции возрождения исторической государственности совместно с белорусами в форме бывшего Великого княжества Литовского и выступили за создание национального государства. В начале 1917 г. литовские политики разработали план создания Литвы, причем с включением в ее состав оккупированной немцами Виленщины и Гродненщины с преимущественно католическим населением [18, с. 11]. Для обоснования своих территориальных притязаний на западно-белорусские земли литовские политики заявляли о тождественности литовцев и католиков-белорусов. Основным критерием определения национальной принадлежности они считали вероисповедание, при этом игнорировались языковой и другие признаки этнической идентичности. Литовцы относили местных жителей Гродненщины католического вероисповедания, пользовавшихся белорусским языком, к белорусизированным литовцам. Активизация этой концепции связана с наметившимся в военно-политических кругах Германии разграничением литовского и белорусского вопросов. С началом Первой мировой войны и массовым беженством православных белорусов из Западной Беларуси во внутренние губернии Российской империи среди оставшегося населения возросла численность белорусов-католиков. Однако белорусским национальным деятелям не удалось убедить в этом немецкие

оккупационные власти. А. Сметона, впоследствии возглавивший Литовский национальный совет следующим образом сформулировал литовскую позицию по вопросу установления границ с Беларусью: «Мы, литовцы, отказываемся от исторической Литвы и требуем вместе с тем только территорию, которую заселяют литовцы. Мы руководствуемся этнографическим принципом, который нельзя смешивать с языковым» [19, с. 50].

Таким образом, в изменившихся в начале 1917 г. геополитических условиях и активизации литовского и белорусского национального движения в германской восточной политике возросло значение белорусского фактора. Однако он не стал самостоятельным направлением в германской политике. В политических и военных кругах Германии белорусский вопрос рассматривался в тесной связи с литовской и польской политикой. С усилением роли литовской политики в начале 1917 г. германские власти поддержали план создания Литовского национального государства с включением в его состав северо-западных белорусских земель с преимущественно католическим населением. Белорусский вопрос активизировался при разработке Германией условий сепаратных переговоров с Россией, которая рассматривала Беларусь как часть Российского государства.

Список использованных источников и литературы

1 Гофман, М. Записки и дневники, 1914–1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – 264 с.

2 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

3 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

4 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

5 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 сенжня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

6 Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.

7 Бабков, А. М. По пути крестоносцев. Агрессивная политика германского империализма по отношению к Белоруссии в годы Первой мировой войны / А. М. Бабков; Гомельский гос. университет. – Гомель, 1987. – 210 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 25.09.87, № 31296 // Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография. – 1988. – № 2. – С. 36.

8 Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.

9 Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.

10 Бабков, А. М. Установление германского оккупационного режима в Западной Беларуси во время Первой мировой войны / А. М. Бабков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2014. – № 1. – С. 5–11.

11 Номан, 1917, 2 lutaha.

12 Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.

13 Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.

14 Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.

15 Волкава, В. В. Адміністрацыя-тэрытарыяльны падзел нямецкай акупацыйнай зоны Обер-Ост (1915–1918) / В. В. Волкава // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012. – Вып. 7. – С. 28–34.

16 Гофман, М. Записки и дневники, 1914–1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – 264 с.

17 Гофман, М. Записки и дневники, 1914–1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – 264 с.

18 Бабков, А. М. Беларусь в литовской политике Германии в 1916 году / А. М. Бабков // Первая мировая война : события и люди:

сборник научных статей, ред. кол. : С. А. Черепко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 5–13.

19 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

УДК 94(476) «1918/1920» : 352.075. 1

С. А. ЕЛИЗАРОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого»)

СИСТЕМА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (ОСЕНЬ 1918 – 1921 ГОДЫ)

В статье дана характеристика процессов формирования органов советской местной власти и управления на белорусской территории в военных условиях ССРБ и ЛитБел ССР. Отмечается, что в этот период большевики проявили тактическую гибкость в выборах форм организации местных органов власти и управления, в зависимости от положения на фронтах быстро переходя от гражданских Советов (при использовании выборного механизма в его большевистской трактовке) к чрезвычайным военным органам (ревкомам) и обратно.

Пришедшие к власти большевики попытались сразу на практике реализовывать один из основных своих политико-идеологических постулатов о государстве трудящегося народа. Теоретически модель нового государственного устройства была определена ими заранее. Основой политической системы нового общества безальтернативно для большевиков являлись Советы как классовые организации трудового народа. Следовало оформить ее в конкретные формы, учитывая меняющуюся историческую ситуацию, степень поддержки новой власти населением и способность членов большевистской партии выполнять функции управления на местах.

Оккупация к марту 1918 г. немецкими войсками практически всех белорусских территорий прекратило здесь процесс формирования системы местных органов советской власти. Он

возобновился с конца сентября 1918 г., когда немецкие войска стали уходить с оккупированных белорусских территорий восточнее р. Березина.

До середины декабря 1918 г. главную ответственность за установление революционного порядка и организацию органов советской власти несли Военные Советы – чрезвычайные органы военной и гражданской власти, формировавшиеся из начдивов и комбригов частей, которые эти местности занимали, а также назначавшихся реввоенсоветах комиссаров. Эти Военсоветы затем передавали власть местным органам – революционным комитетам или Советам. Ревкомы становились органами местной власти главным образом на уровне губерний и уездов, в отдельных случаях – в волостях и деревнях. 10 декабря 1918 г. в Минске власть перешла к губернскому военно-революционному комитету во главе с большевиком С. И. Берсоном, до этого возглавлявшем Минский военный совет. В подавляющем большинстве случаев уездные ревкомы формировались военным командованием совместно с местными большевиками после занятия частями Красной Армии населенных пунктов, а иногда – большевистскими подпольными организациями еще в условиях немецкой оккупации.

Состав и структура ревкомов не были определены какими-либо правовыми нормами – эти вопросы решались на местах самостоятельно, ориентируясь на нормы Конституции РСФСР 1918 г., различных положений и инструкций о формировании губернских, уездных и волостных исполкомов и сельских Советов. В связи с этим структура ревкомов в разных местах отличалась в зависимости от местных условий и наличия необходимых кадров.

В волостях и деревнях в подавляющем большинстве случаев сразу же создавались выборные органы власти – Советы. Общее руководство переизборами возлагалось на губернские и уездные ревкомы. Создававшиеся для организации переизборов избирательные комиссии должны были прежде всего наблюдать за тем, чтобы голосовали только имевшие на это право по Советской Конституции лица и «не допускать к выборам кулаков, торговцев, контрреволюционеров и пр.». Избирался председатель сельсовета, число членов сельсоветов не устанавливалось, отделов не создавалось. После завершения процедуры формирования сельсоветов созывались волостные съезды Советов, избравшие исполнительные комитеты как постоянные органы советской власти в волостях. Типовая структура волостных исполкомов предусматривала создание трех отделов: управления, земельного и военного [1, с.115].

Процесс замены ревкомов на белорусских территориях органами гражданской власти – Советами – завершился в основном к концу января 1919 г. Советы и их исполкомы становились единственными органами власти и управления на местах.

В результате к концу существования «первой ССРБ» в республике в основном сложилась система местных государственных органов власти и управления, состоящая из Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов разного уровня – сельских, волостных, уездных, губернских. Ревкомы оставались только на территории Гродненщины, освобождавшейся от немецкой оккупации: 4 февраля 1919 г. решением правительства ССРБ был сформирован Гродненский губревком как высший орган советской власти в пределах всей губернии [2, с. 101].

В связи с образованием ЛитБел ССР возникла необходимость создание для Минской губернии своего губернского органа Советской власти. 25 февраля 1919 г. ЦИК ССРБ принял решение об организации Минского губревкома во главе с большевиком И. С. Савватиевым [2, с. 112–113]. При Минском губревкоме функционировали отделы: продовольствия, земледелия, финансов, социального обеспечения, труда, юстиции, управления, почт и телеграфов, народного образования, здравоохранения, по военным делам. Были организованы также губсовнархоз, ЧК и губстатбюро. Полномочия Минского губвоенревкома не были определены каким-либо юридическим актом, изданным в ЛитБел Республике, а исходили из норм Конституции РСФСР и российских инструкций по советскому строительству [3, с. 159].

В тот же день был упразднен Гродненский губревком: быстрое наступление польских войск в феврале привело к оккупации территории Гродненщины [2, с. 112].

В связи с захватом польскими войсками Вильно с конца апреля 1919 г. административным центром ЛитБел ССР стал Минск. Сюда переехали правительство, Совет Обороны, ЦИК и др. центральные органы. Для ликвидации дублирования органов власти и управления Минский губревком был упразднен, а его функции перешли к Совету Обороны, СНК и др. республиканским органам [2, с. 151, 155].

Летом 1919 г. в связи с тяжелым положением на фронтах в Советской России восстанавливается система ревкомов. 17 июля в соответствии с решением ЦК КП(б)ЛиБ ЦИК ЛитБел ССР вынес постановление вновь образовать Минский губревком, передав ему всю полноту власти на территории республики, не занятой врагом

(Минский губревком ликвидирован 23 августа 1919 г. в связи с оккупацией территории поляками) [2, с. 176 – 177].

Создание ревкомов особенно активизируется с осени 1919 г. в связи с наступлением войск А. И. Деникина. 6 октября 1919 г. был организован Витебский, а 23 октября – Гомельский губернские военно-революционные комитеты. В декабре 1919 г. в подчинении РВС XVI Армии находились 11 уездных ревкомов: Борисовский, Быховский, Витебский, Горецкий, Лепельский, Могилевский, Оршанский, Полоцкий, Рогачевский, Сенненский и Чаусский [2, с. 21, 217].

Приказом РВС XVI Армии от 19 ноября 1919 г. при создании уездных и волостных ревкомов все местные исполкомы распускались и передавали свои дела ревкомам, отделы исполкомов продолжали работать, подчиняясь ревкому. Главной задачей ревкомов определялось «всемерное и полное содействие военным властям по обороне фронтовой и прифронтовой полосы, а также поддержание в своей местности революционного порядка» [2, с. 226 – 228]. К концу 1919 – началу 1920 гг. сложилась единая система ревкомов прифронтовой полосы: волостные ревкомы подчинялись непосредственно уездным ревкомам, уездные – РВС Армии и губревкому, губревкомы – РВС Западного фронта. Общее управление ревкомов Западного фронта сосредоточивалось в руках начальника отдела ревкомов фронта, подчиненного РВС фронта [там же].

В связи с наступившей мирной передышкой 2 января 1920 г. Совет Рабоче-Крестьянской обороны РСФСР принял постановление об упразднении губернских и уездных ревкомов. На его основании приказом армиям Западного фронта от 11 января 1920 г. ревкомы стали упраздняться, а власть на местах вновь стала переходить к прежним составам Советов [2, с. 256],

В апреле 1920 г. широкомасштабным наступлением польских войск начался второй этап польско-советской войны. В июле 1920 г. части советских III, IV, XV и XVI Армий Западного фронта перешли в наступление на территории Беларуси. Во всех освобожденных от оккупации уездах до выборов Советов в качестве временных органов власти вновь создавались уездные и волостные военно-революционные комитеты (ревкомы). К началу августа 1920 г. на освобожденной белорусской территории действовал 21 уездный ревком. Для руководства ревкомов в начале июля 1920 г. ЦК КП(б) Либ и РВС Западного фронта вновь был образован Отдел ревкомов фронта во главе с А. Г. Червяковым, которому были подчинены все губревкомы и губисполкомы в полосе фронта [4, с. 252].

Образование Минского губревкома во главе с

А. Г. Червяковым было оформлено 11 июля 1920 г. [5, с.42]. При губревкоме создавались 13 отделов (управления, земледелия, финансов, здравоохранения, просвещения, социального обеспечения, связи, юстиции, труда, продовольствия, жилищный, эвакуационный, пленбеж), СНХ, РКИ, ЧК, два подотдела (пожарно-страховой и полиграфический), управление милиции и революционный трибунал. Несколько позднее было создано и губстатбюро [5, с. 95–96].

На сельском уровне воссоздавались сельские Советы, на волостном и уездном – ревкомы. Организация и структура нижестоящих ревкомов и сельсоветов первоначально определялась инструкциями армейских отделов ревкомов, разработанными на основе утвержденных 18 марта 1920 г. декретами ВЦИК положений о волисполкомах и сельсоветах.

Согласно этим положениям сельский Совет являлся высшим органом власти в пределах обслуживаемой им территории. Сельсоветы создавались в селениях с числом жителей не менее 300 из расчета один депутат на каждые 100 человек населения (но не более 50 депутатов). Исполком сельсовета избирался в количестве от одного (с числом жителей менее 10 тыс. человек) до трех (свыше 10 тыс. человек) членов. Организация отделов при сельском Совете по-прежнему не предусматривалась [6, с. 347 – 353].

Волостной исполнительный комитет избирался сроком на шесть месяцев волостным съездом Советов в составе от трех до пяти человек. Волисполком из своей среды избирал председателя, его заместителя и секретаря. Количество отделов при волисполкомах увеличилось до четырех: управления, земельный, военный и новый – народного образования [6, с. 344 – 347].

Главной задачей волисполкомов и сельсоветов, как и всех других местных органов власти в тот период, объявлялось “проведение в жизнь всех постановлений высших органов Советской власти”. Конкретные функции и волисполкомов, и сельсоветов фактически были одинаковы, только различались сферой их применения (волость или сельсовет).

На основе этих положений ВЦИК армейское командование, учитывая особенности ревкомов как чрезвычайных органов власти, издавало собственные инструкции. Также свои инструкции создавали и местные органы власти, в результате чего структура местных уездных и волостных ревкомов отличалась в разных уездах, насчитывая от пяти до 12 отделов: управления, социального обеспечения, земельного, народного образования, продовольствия,

военного, народоздравоохранения, а также различных комиссий (труда, оказанию помощи семьям красноармейцев, по борьбе с дезертирством) [7, с. 124–125].

Однако на деле создание и функционирование отделов уездревкомов и волревкомов определялось не столько инструкциями и положениями, сколько наличием необходимых работников. Нередко один человек возглавлял два – три отдела, многие отделы существовали чисто формально, на бумаге и фактически не работали [7, с. 92 – 93].

В связи с успешным наступлением Красной Армии и эйфорией от военных успехов белорусское руководство было уверено, что война обратно на белорусские территории уже не вернется. Казалось, что необходимость в чрезвычайных военных органах – ревкомех (непопулярных у населения) – отпала надолго и следует переходить к формированию гражданских структур власти и управления. 19 августа 1920 г. Ревком ССРБ принял решение о проведении волостных и уездных съездов Советов, выборах в Минский Совет и созыве II съезда Советов Белоруссии [6, с. 277].

На местах началась работа по подготовке выборов в местные Советы. Однако отступление Красной Армии из-под Варшавы и ухудшение обстановки на фронте не позволили провести выборы в назначенные сроки. 14 сентября 1920 г. Ревком БССР издал постановление о приостановлении выборов в западных уездах ССРБ «на неопределенное время», продолжив организацию выборов в волостные Советы в Минском, Борисовском, Бобруйском и Игуменском уездах, а также в Минске [8, с. 447].

Только заключение польско-советского перемирия в октябре 1920 г. позволило стабилизировать ситуацию на незанятых поляками белорусских территориях и продолжить повсеместный переход от ревкомов к Советам. 20 ноября 1920 г. ЦБ КП(б)Б постановило провести выборы в волисполкомы и созвать уездные съезды Советов (перевыборы сельсоветов не проводились). Съезд Советов ССРБ назначался на 12 декабря 1920 г. Руководствуясь этим решением, Ревком ССРБ предписал уездревкомам немедленно приступить к созыву волостных и уездных съездов Советов [8, с. 278].

В результате проведения контролируемых большевиками выборов (непропорциональное представительство города и деревни, лишение избирательных прав значительной части населения, проведение повторных выборов Советов, чей состав не устраивал большевиков) к середине декабря 1920 г. были сформированы сельские, городские, волостные и уездные Советы и их

исполнительные органы, в которых по мере повышения их административного статуса доля большевиков значительно увеличивалась.

Таким образом, завершение активной фазы военных действий на польско-советском фронте позволил окончательно осуществить переход от чрезвычайных органов власти и управления военного времени к гражданской системе Советов. В условиях военного времени большевики проявили тактическую гибкость в выборах форм организации местных органов власти и управления. При обострении ситуации на фронтах проходил быстрый переход к чрезвычайным органам – ревкомам, позволявшим концентрировать усилия населения, всех органов и организаций на военные нужды. При наступлении мирной передышки – возвращались к выборным процедурам (в их последовательно-большевистской трактовке) и формированию гражданских органов – Советов.

Список использованных источников и литературы

1 Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. – Москва : Политиздат, 1968. – 751 с.

2 Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 – июль 1920 г.): сб. док. и материалов / Отд. правовых наук АН БССР, Центр. гос. арх. Окт. революции и социалист. стр-ва БССР; сост.: В. А. Круталевич [и др.]. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1961. – 459

3 Круталевич, В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В. А. Круталевич. – 2-е изд., доп. – Минск : Право и экономика, 2003. – 592 с.

4 Селиванов, П. А. Военная деятельность Советов Белоруссии. 1917–1920 гг. / П. А. Селиванов; науч. ред. П. Т. Петриков. – Минск : Наука и техника, 1980. – 296 с.

5 Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. – Москва : Политиздат, 1968. – 751 с.

6 Петриков, П. Т. Ревкомы Белоруссии / П. Т. Петриков. – Минск : Наука и техника, 1975. – 288 с.

7 Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (июль–декабрь 1920 г.): сб. док. и материалов /Ин-т фило-софии и права Акад. наук БССР, Центр. гос. арх. Окт.

революции и социалист. стр-ва БССР; сост.: В. А. Круталевич [и др.]. – Минск : Изд-во АН БССР, 1957. – 522 с.

8 Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918–1920 гг.: сб. док. и материалов: в 2 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Арх. упр. при Совете Министров БССР, Центр. гос. арх. Совет. Армии, Центр. гос. арх. Окт. революции и социалист. стр-ва БССР. – Минск : Беларусь, 1968–1971. – Т. 2 (февраль 1919 – 1920 гг.) / сост.: Т. Ф. Карева [и др.]. – 1971. – 632 с.

УДК 94(476)+930.2

А. В. ЛЕШКОВ

(Гомель, УО «Белорусский
торгово-экономический университет
потребительской кооперации»)

ГОМЕЛЬСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ: ОТ I ГУБЕРНСКОГО СЪЕЗДА ПРОФСОЮЗОВ ДО РИЖСКОГО МИРА

Статья посвящена анализу источников по истории профсоюзного движения г. Гомеля 1919–1921 гг., а также основным событиям и тенденциям в процессе становления и деятельности советских профсоюзов указанного исторического периода.

В отечественной историографии, как советского, так и постсоветского периода достаточное внимание уделялось изучению истории становления и развития профсоюзного движения Беларуси. Вместе с тем, некоторые вопросы и аспекты профсоюзной тематики не получили должного осмысления и освещения в научной литературе. В частности, история гомельских профсоюзов 1919–1921 гг. Интерес к этому историческому периоду закономерен и актуален, так как на него приходится установление советской власти в Гомеле, присоединение его к Российской Федеративной Советской Социалистической Республике, начало общественных преобразований в условиях прифронтовой полосы. Иногда боевые действия разворачивались всего в нескольких десятках километров от города. В профсоюзной жизни Гомеля одним из ключевых событий 1919 г. стал I губернский съезд профсоюзов. Прифронтовая жизнь города завершилась подписанием 12 октября 1920 г. советско-

польского перемирия, которое завершилась заключением Рижского мира 18 марта 1921 г. Это по времени практически совпало с дискуссией в Российской коммунистической партии (большевиков) о роли профсоюзов и началом новой экономической политики советского правительства. Конечно, изучение истории гомельских профсоюзов начала XX века не стоит ограничивать периодом 1919–1921 гг. Для более полной картины происходивших процессов и событий следует расширить указанные хронологические рамки исследования, но данная публикация является результатом части подобного исследовательского проекта.

Одним из основных источников данного исторического исследования могут быть документы и материалы профессиональных организаций из фондов Государственного архива Гомельской области и Государственного архива общественных объединений Гомельской области. Они позволяют дать ответы на некоторые вопросы, связанные с историей гомельского профсоюзного движения и поставить новые исследовательские задачи.

В январе 1919 г. г. Гомель был занят частями российской Рабоче-крестьянской Красной армии, в марте 1919 г. он пережил стрелокрытовский мятеж, а 26 апреля 1919 г. стал административным центром Гомельской губернии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. В городе началось советское государственное строительство и советские преобразования, логичным продолжением которых стал I Гомельский губернский съезд профсоюзов в июне 1919 г.

В фондах Государственного архива Гомельской области есть стенограмма и регламент работы указанного профсоюзного съезда.

Изучение указанного исторического документа оставляет больше вопросов, чем даёт ответов о событиях на I Гомельском губернском съезде профсоюзов. Одним из первых вопросов, которые возникают у исследователя, – какое количество делегатов принимало участие в работе профсоюзного форума? В стенограмме зафиксированы разные цифры. При открытии съезда упоминается об участии 450 делегатов [1, л. 105], однако, далее в первый день его работы при голосовании по составу Президиума и по резолюциям общее количество проголосовавших колебалось от 241 [1, л. 105] до 304 [1, л. 113]. На пятый день съезда в стенограмме зафиксировано единогласное голосование только 193-мя голосами [1, л. 131].

Наиболее острая и бурная дискуссия развернулась в начале съезда при рассмотрении вопроса об избрании Президиума, в результате которой 145-ю голосами было утверждено одно из двух

постановлений о выборах по спискам, против такого решения проголосовало 96 делегатов [1, л. 105]. Разница составила 49 голосов. Если исходить из количества проголосовавших (241 делегат), то соотношение сторонников и противников, принятого на съезде решения, было 60 % к 40 %. В последующих голосованиях на I Гомельском губернском съезде профсоюзов прослеживается тенденция к увеличению разрыва между сторонниками РКП(б) и «оппозицией» до полного её исчезновения при выше упомянутом единогласном голосовании в последний день съезда.

Если сравнить результаты голосования в первый день съезда по вопросу об избрании его Президиума и в последний день по вопросу об избрании членов Президиума губпрофсовета, то обнаружатся очень схожие показатели – 195 и 193 голоса. Разница составляет всего 2 голоса, что может указывать на наличие твердого ядра сторонников РКП(б) на профсоюзном съезде.

После утверждения персонального состава Президиума съезда и его повестки дня, согласно стенограммы, был оглашён регламент его работы. В архивных материалах есть печатный текст указанного документа, но на нём не указано, когда, кто и как его утвердил [1, л. 104].

Ещё более запутанными выглядят сведения стенограммы съезда относительно утверждения его повестки дня. В тексте документа дважды упоминается о её утверждении. В первом случае, «повестка дня принимается единогласно» [1, л. 106]. Во втором случае, «повестка дня принимается с добавлением пункта – выборы ревизионной комиссии» и отклонением предложения «о введении в повестку дня отдельного пункта – о борьбе с антисемитизмом» без указания результатов голосования [1, л. 108].

Выступление представителей политических партий, в частности «Еврейской объединённой социалистической рабочей партии» (ЕОСРП), Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России («Бунда»), Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион» и РКП (б) [1, л. 106-107], с приветственным словом к участникам профсоюзного съезда при его открытии, а также наличия на съезде партийных фракций, партийных списков на выборах руководящих органов профсоюзов, указаний в стенограмме съезда партийной принадлежности выступающих говорит о достаточно высокой степени политизации профсоюзного движения Гомельщины, что отразилось в дискуссиях по вопросу о целях и задачах профсоюзного движения. Одни считали необходимым, чтобы профсоюзы объединили все партии, союзы и кооперативы с

последующим слиянием с государственными органами [1, л. 111]. Подобной точки зрения придерживалась фракция коммунистов. Другой точки зрения на развитие профсоюзного движения придерживались, в первую очередь, кандидаты из списка «Бунда». Они предостерегали от поспешной ликвидации самостоятельности профсоюзных организаций и их огосударствления [1, л. 111]. В одном из выступлений на съезде делегат, партийная принадлежность которого не отмечена, высказал категорическое утверждение, что «никакие политические партии не должны вмешиваться и руководить профсоюзами» [1, л. 111]. Несмотря на наличие определённого плюрализма мнений на профсоюзном съезде его решения и персональный состав избранного руководящего органа гомельских профсоюзов соответствовали и закрепили позицию сторонников РКП(б) по данным вопросам.

После I Гомельского губернского съезда профсоюзов продолжилась работа по созданию профсоюзных организаций и их управленческих структур.

6 июля 1919 г. на заседании I Пленума Гомельского губпрофсовета с представителями Уездного Бюро профессиональных союзов были организованы отделы Президиума Гомельского губпрофсовета: организационно-инструкторский, тарифно-нормировочный, культурно-просветительский и финансово-счётный [1, л.87]. В дальнейшем происходит количественный рост как числа отделов Президиума Гомельского губпрофсовета, так и его персонального состава.

Параллельно с этим проводятся различные мероприятия по подготовке коммунистического профсоюзного актива, включая организацию образовательных курсов и школ. С лета 1919 г. в Гомеле регулярно проходили заседания секретарей производственных объединений и городских профессиональных союзов. Уже в ноябре 1919 года на заседаниях Гомельского губпрофсовета обсуждался вопрос о школе профсоюзных работников [1, л.63].

Уделялось внимание не только организационной и мобилизационной работе в деятельности профсоюзов, но и агитационно-пропагандистской. Ещё в октябре 1919 г. обсуждался вопрос о профсоюзном печатном издании. Через год, в сентябре 1920 г. в протоколах заседаний Гомельского губпрофсовета упоминается газета «Рабочая жизнь» и обсуждается работа её редакции [2, л.3–4].

Постепенно формировался аппарат управления профсоюзных структур, о чём свидетельствует протокол заседания Секретариата

Гомельского губпрофсовета от февраля 1920 г. На его заседании слушали вопрос о налаживании аппарата и работы Гомельского губпрофсовета, в том числе финансового отдела и отдела делопроизводства [3, л.5].

Гомельские профсоюзы активно создавали различного рода комиссии социальной направленности. На заседании секретарей профсоюзных организаций от 4 мая 1920 г. рассматривался вопрос о комиссии по борьбе за чистоту [3, л.9].

Близость фронта оставляла отпечаток на деятельности Гомельского губпрофсовета. Так, на заседании Бюро губпрофсовета от 31 августа 1919 г. слушали вопрос «о деятельности союзов во время оккупации» [1, л.31]. В сентябре 1919 г. представитель профсоюзов вошёл в состав комиссии по обороне Гомеля [1, л.33]. 31 октября 1919 г. на заседании Президиума Гомельского губпрофсовета рассматривался вопрос об образовании рабочего отряда Красного Креста для улучшения транспортировки раненых с Черниговского фронта [1, л.60]. В мае 1920 г. обсуждается вопрос о эвакуации губернских учреждений из Гомеля в Клинцы [2, л.69-69а].

После I Губернского съезда профсоюзов продолжилась борьба коммунистов за установление своего влияния и контроля над профсоюзными организациями, что находит отражение во многих архивных материалах. Так, 14 сентября 1919 г. Президиум Гомельского губпрофсовета по итогам рассмотрения вопроса «о союзе легковых и ломовых извозчиков, как нежелающего подчиняться пролетарской организации» постановил: «союз легковых и ломовых извозчиков не является профессиональной организацией, не пользуется правами профсоюза...и назначил ему руководителя» [1, л.37]. Добиться быстро желаемого результата после принятых решений не удалось о чём свидетельствует очередное рассмотрение Президиумом Гомельского горпрофсовета вопроса о союзе извозчиков 23 ноября 1919 г. Одна из главных претензий к этому профсоюзному объединению по-прежнему заключалась в его «непролетарском составе» [1, л.67].

19 ноября 1919 г. Президиум Гомельского губпрофсовета своим постановлением отменил по причине «не правомочности из-за неправильного представительства и малочисленности» результаты уездного съезда фармацевтических работников, на котором был создан их профессиональный союз [1, л.65].

23 декабря 1919 г. на заседании Президиума Гомельского губпрофсовета утвердили «Положение о категориях трудящихся, имеющих право состоять членами профсоюза» [1, л.79].

Осенью 1920 г. на заседаниях Гомельского губпрофсовета рассматриваются вопросы о двух профсоюзных организациях: союза просвещения и социалистической культуры, и союза кожевников.

«Для укрепления союза кожевников, в котором рабочие попали под влияние нежелательных элементов, из Могилёва в Гомель» переводят одного из советских работников [4, л.2].

Решение по профсоюзной организации союза просвещения и социалистической культуры было более жесткое. Секретариат губпрофсовета ходатайствовал перед Президиумом Гомельского губпрофсовета «о роспуске союза, принимая во внимание демонстративный характер выступлений отдельных членов профсобрания и всего собрания в целом» [4, л.4а]. Камнем преткновения стал вопрос о выдвижении и способе избрания делегатов на уездно-городскую конференцию профсоюзной организации. В частности, избрание собранием работников просвещения и социалистической культуры делегата вопреки отводу его кандидатуры представителем губпрофсовета. Пленум Гомельского губпрофсовета несколько смягчил выше указанную позицию Секретариата. Результаты выборов на уездно-городскую конференцию отменили, утвердили 7 кандидатов коммунистической фракции, приняли решение «избегать интенсивных мер по отношению к союзу, полагая, что это будет изжито внутри союза» [4, л.2].

К выше изложенному стоит добавить прошедшие две перерегистрации членов профсоюзов в течении 1920 г. [2, л.40, 73]. Они также могли использоваться для установления контроля со стороны РКП (б) над профсоюзными организациями.

Отношения гомельских профсоюзов с государственными структурами в период 1919–1921 гг. не обходились без конфликтов, которые возникали по разным причинам. 29 июля 1919 г. Президиум Гомельского губпрофсовета рассмотрел вопрос о представительстве железнодорожников при обысках, арестах и реквизициях у них, производимых Чрезвычайной комиссией, по результатам которого обратился в исполком с просьбой рассмотреть этот вопрос с их участием [1, л.20]. Примерно через два месяца, 20 сентября 1919 г. Бюро Гомельского губпрофсовета осудило практику увольнения представителей профессиональных союзов из органов советской власти в связи с сокращением штатов без согласия профсоюзов [1, л.40]. 22 сентября 1919 г. Бюро Гомельского губпрофсовета раскритиковала проект приказа штаба Гомельского укрепленного района как нарушающий ряд пунктов Кодекса о труде [1, л.41]. 5 ноября 1919 г. Президиум Гомельского губпрофсовета заявил

протест в Ревкомы и комитеты РКП (б) по поводу создания Увоенкомом препятствий для деятельности рабочей инспекции [1, л.64 об.]. В сентябре 1920 г. профсоюзы заявляют протест относительно событий вокруг Дома Советской Армии, в частности занятия его помещений [2, л.2-2а].

Период от I Гомельского губернского съезда профсоюзов до заключения Рижского мира (июнь 1919 г. – март 1921 г.) в истории гомельских профсоюзов характеризовался борьбой разных подходов по вопросу развития профсоюзного движения в условиях советского государственного строительства и военного конфликта.

Список использованных источников и литературы

1 Протоколы президиума и пленума ГСПС (за 1919 г.). Протокол первого губсъезда профсоюзов (10 июня 1919 г.) // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 433. Оп. 1. Д. 6.

2 Протоколы ГСПС (за 1920 г.) // ГАГО. – Ф. 433. Оп. 1. Д. 128.

3 Протоколы губпрофсовета и переписка с губпрофсоветом // ГАГО – Ф. 433. Оп. 1. Д. 130.

4 Протоколы заседаний Гомельского губернского профессионального Совета // ГАГО. – Ф. 433. Оп. 1. Д. 129.

УДК 94(476+477) 344.222 «1918/1929»

М. И. СТАРОВОЙТОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЫ (1918–1929 ГОДЫ)

В статье рассмотрены национальные и межгосударственные факторы формирования белорусско-украинской границы в период оформления белорусской и украинской государственности, а так же в период создания и укрепления белорусской и украинской советских республик.

Обозначенная проблема в том или ином контексте нашла отражение в отечественной и зарубежной историографии. Тем не менее, некоторые аспекты требуют большей детализации и

конкретизации. Соблюдая хронологический подход, попытаемся, с учетом возможного объема публикации, восстановить последовательность и пути решения вопросов об определении и урегулирования белорусско-украинской границы в указанный период.

В 1917 г. в Западных окраинах бывшей Российской империи актуализировалась проблема национально-государственного строительства, когда встала необходимость решать триединую задачу: население, территория, границы. Это первооснова государственной геополитической модели, предложенной автором еще в 1998 г. [1].

Мы неоднократно обращали внимание на то, что научная концепция белорусской этнической территории впервые была разработана Е. Карским в самом начале XX в., т. е. в период начавшегося процессом формирования белорусской нации. Авторитетным исследователем «белорусского вопроса», по мнению М. Довнар-Запольского, являлся Е. Карский. Это, очевидно, явилось основанием того, что российское правительство выделило ему 500 руб. для исследования белорусских этнолингвистических проблем. Есть основание считать, что эти проблемы возникли в связи с проводимой обработкой материалов Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В 1902 г. Е. Карским по распоряжению императорской Академии наук опубликовал брошюру «К вопросу об этнографической карте белорусского племени». Она начинается предложением «Основой для определения границы Белорусской области у нас исключительно служит язык». И далее. «Границы области, в которой раздается белорусская речь, легче всего определяются на западе...» [2, с. 1]. В 1903 г. был издан 1-й том его фундаментального труда «Белорусы». В декабре 1917 г. по распоряжению Российской АН Е. Карский опубликовал для ознакомления брошюру с картой «Этнографическая карта белорусского племени». В предисловии он отмечает, что карта не совсем отвечает инструкции «Комиссии по изучению племенного состава населения России» (он работал в составе этой комиссии – М. С.), т. к. в ней указаны лишь границы белорусского племени и языка, но нет обозначения особыми красками и процентных отношений разных народностей к преобладающему племени. Легче всего подсчитать проценты белорусов в городах, чем в уездах, но в уездах южных и западных границ белорусской территории «число белорусов больше 50%, иногда достигает и 100%». Здесь он приводит данные переписи 1897 г. по уездам Минской губернии, в которой белорусы абсолютно преобладали в составе её населения, в т. ч. по Пинскому уезду – 74,3%, Мозырскому – 79,2% и Речицкому – 82,5% [3, с. V]. В этом издании он анализирует все

доступные источники и особенно соответствующие тома переписи 1897 г. По Минской губернии, отмечает Е. Карский, статистические сведения применительно к переписи 1897 г. «представлены в общем довольно правильно» [3, с. 14]. Аналитические работы Е. Карского свидетельствуют о его большом вкладе в разработку белорусского вопроса.

Как активный участник I-го Всебелорусского съезда (декабрь 1917 г.) он не только выступал на нем, но и по предложению Белорусского Областного Комитета подготовил брошюру на основе своего доклада, сделанного на съезде, по белорусскому языку для широкого распространения и для руководства деятелей белорусского движения. Карский в заключение этой брошюры отмечает, что есть еще говоры переходные от белорусских к южно/северовеликорусским и малорусским, но это вопрос еще мало разработан в науке. В основе речи большинства белорусских писателей имеется сильно акающий отдел югозападных говоров [4, с. 3, 59].

Большая часть исследователей, как и автор этих строк считают, что в III Уставной грамоте при определении территории БНР за основу бралась концепция Е. Карского. У белорусов уже была карта Е. Карского. В 1917 – 1918 гг. свои территориально-пограничные вопросы с помощью картографии решали поляки, литовцы, украинцы. В 1916 г. в Польше был опубликован атлас куда вошли и карты, в которых учитывались сложные национальные и конфессиональные ситуации на территориях Белоруссии, Литвы и Украины. Литовцы опубликовали цветную карту. Украинский географ и картограф С. Родницкий издал в 1918 г. в Вене «Оглядовую карту українських земель», в которой Брестчина, Западное и Восточное Полесье входило в состав украинской державы [5, с. 85–86]. Есть основание считать, что данная карта издана под ситуацию, связанную с проблемами заключения Брестского мира.

Несомненно, лидеры белорусского движения были знакомы с концепцией и работами Е. Карского, но бессознательно или сознательно, на наш взгляд, они допустили существенную неточность в определении юго-западной границ, а, следовательно, и территории БНР. Все исследователи цитируют текст III Уставной грамоты, где указано: «Беларуская Народная Рэспубліка павінна абняць усе землі, дзе живе і мае лічбленную перавагу беларускі народ, а ласне: Магілеўшчыну, беларускія часьці Міншчыны, Гродзеншчыны (з Гроднай, Беластокам і інш.), Віленшчыны, Віцебшчыны, Смаленшчыны, Чарнігаўшчыны і сумежныя ачсьці суседніх губерняў, заселяных беларусамі» [6, с. 62–63]. Не

обращается внимание на одну существенную деталь. Почему о Минской губернии указано «беларускія часьці»? На наш взгляд, ответ следует искать в геополитических событиях произошедших несколько месяцев раньше.

В статье «Украина и Брестский мир» известный украинский историк В. Ф. Солдатенко в 2008 г. дал, на наш взгляд, достаточно аргументированную оценку деятельности УНР в период подготовки и подписания Брестского мира. После провозглашения в Киеве 7(20) ноября 1917 г. УНР, она оказалась в эпицентре не столько политических, сколько экономических интересов. Центрально европейские государства (ЦЕГ) пристально следили за событиями в национальных регионах Советской России. Это хорошо видно на примере взаимодействий Германии и Австро-Венгрии с УНР, которая оказалась в конфликте с Советской Россией. С первых дней контактов ЦЕГ дали понять, что для участия в Брестской мирной конференции необходимо официально провозгласить независимость УНР и «начали оказывать давление на Киев» [7]. Руководитель иностранного ведомства УНР А. Шульгин 26 декабря 1917 г. говорил, что «незалежність нам підсовують німці і тому її не треба оповіщати», предлагал «помиритися с большевиками». А сторонникам немедленного провозглашения независимости генеральный секретарь отвечал: «...Німці признають незалежність України, але за це виторгують собі всі економічні впливи. З німецького боку насувається на нас велика небезпека. Треба спертися на всі живі сили Росії – нові республіки» [7]. М. Гофман прямо предложил украинским делегатам на переговорах провозгласить полную независимость. Это и привело к принятию 11 января 1918 г. IV Универсала о независимости УНР. Страшная «брюквенная зима» 1916-1917 гг. заставила «венское и берлинское правительства все настойчивее требовали от своих дипломатов не возвращаться с конференции без хлеба» [7]. На переговорах в Бресте делегаты УНР постоянно испытывали давление со стороны руководителей австро-венгерской и немецкой делегаций О. Чернина и Р. Кюльмана. После консультаций в Берлине они получили задание от генерала Людендорфа подписать мирный договор с делегацией Центральной Рады, которая уже не контролировала ситуацию на Украине после Киевского восстания. Вернувшись в Брест-Литовский 27 января (9 февраля) они подписали мир с украинской делегацией. Это не торгово-коммерческая сделка, как считают некоторые, а решающий фактор, т. к. без украинского зерна Австро-Венгрии грозил голод.

Неопровержимым, считает В. Солдатенко, является и то, что если бы Германия и Австро-Венгрия не получили очевидной экономической корысти (вероятно, стоит вспомнить, что на основе выработанного смешанного специальной экономической комиссией соглашения в апреле 1918 г. Украина должна была поставить Германии 400 млн. штук яиц, 2,75 млн. пудов мяса (в живом весе), 37,5 млн. тонн руды и еще много сырья), что давало возможность снять внутреннее напряжение в этих голодающих странах, то едва ли государства Четверного союза вообще подписали бы какое-либо соглашение с УНР [7]. Вена цинично шантажировала и добилась существенного пересмотра тайного соглашения о Холмщине в пользу поляков, грубо нарушая научно-этнографический принцип. Для достижения цели Берлин и Вена фальсифицировали «большой договор», подписанный в Бресте 27 января 1918 г. Отмечая это, В. Солдатенко пишет, что недалеко от истины был А. Деникин, считавший, что в основу своей экономической политики Германия положила принцип: «...для данного момента – выкачивание из Украины по возможности наибольшего количества сырья, для чего был запрещен или усложнен товарообмен с соседями, даже с оккупированной немцами Белоруссией; на будущее – захват украинского рынка... овладение или подрыв украинской промышленности и искусственное образование значительной задолженности Украины» [7].

По договору от 27 января (9 февраля) 1918 г. часть Западного Полесья с белорусским населением, находившаяся под немецкой оккупацией, была передана УНР. После срыва переговоров в Бресте германские войска заняли практически всю территорию Белоруссии. В конце марта УНР официально передали и Восточное Полесье: Мозырский, Речицкий и Гомельский уезды. Из них в составе УНР была образована административная единица – Дреговичская земля с центром в Мозыре. Эти события совпали с принятием 25 марта в оккупированном Минске национально ориентированными политическими силами в лице Народного секретаря БНР III уставной грамоты, в которой провозглашалась независимость БНР [8, с. 191].

В III уставной грамоте определена и территория БНР. Могилевщина включалась целиком, но почему от Минщины включались только белорусские части? Лидеры БНР не могли не знать, какие территории отошли к УНР. Есть основание полагать, что часть из них проявляла инициативу (несмотря на известные отношения к ним и к БНР оккупационных властей) и путем объявления независимости 25 марта 1918 г. стремилась получить,

если не преференции, то хотя бы формальную или даже реальную поддержку как это получила УНР или Литовская Тариба. Белорусский вопрос Германию не интересовал. Решение и посылка телеграммы кайзеру Вильгельму привели к еще большему расколу в белорусском движении [9, с. 363–364]. Германия не была заинтересована в существовании БНР [10, с.105]. Позднейшие оправдания таких действий как поиск помощи белорусскому народу несколько наивно, т. к. уже в апреле 1918 г. всем стало понятно, чего хотели от украинского народа австрийцы и германцы. Второй и более важный довод. Германия и УНР решали свои вопросы путем включения в состав УНР территорий с абсолютным преобладанием белорусского этноса тоже «грубо нарушая научно-этнографический принцип». Австро-германские военные верхи, откровенно пренебрегая действующей украинской властью, поставили перед собой цель сменить ее, что привело к государственному перевороту 29 апреля 1918 г., ликвидации УНР и приходу к власти гетмана П. Скоропадского. Переговоры о границах зашли в тупик. Лидеры БНР это поняли с большим опозданием. По образному сравнению И. Михутиной в украинском Брестском мире Украинская центральная рада сыграла роль «джокера».

На переговорах об украинско-белорусской границе между БНР и УНР в конце апреля начале мая 1918 г. шла речь и о территориях Гомельщины, Могилевщины, Черниговщины. Против присоединения к Украине высказались в Гомельской городской думе, союзы земельных собственников Гомельского, Речицкого, Мозырского и Пинского уездов [6, с. 108-113]. Более определенно высказалось население волостей Климовичского уезда и прилегающих местностей Черниговской губ. Нами выявлено 22 протокола и резолюции собраний и сходов, прошедших в июне 1918 г., с протестами против предполагаемого присоединения неоккупированных территорий к Белоруссии, Украине или Германии. Население единогласно высказалось за поддержку ЦИК и СНК России, за нахождение в ее составе и просило передать свои решения мирной делегации для соответствующего заявления Киеву и Германии [11, лл. 134–153]. Очевидными были претензии Украины на южную территорию, которую, как считал М. В. Довнар-Запольский, никак нельзя было отдавать Украине, учитывая, что украинцы захватили Гомель, Мозырь, Речицу. Пытавшиеся решать пограничную проблему с УНР в период этих переговоров представители БНР отмечали отстаивание украинцами линии Брест-Брянск из стратегических соображений под диктовку немцев [6, с.121–122].

После ноябрьских событий 1918 г. сторонникам государственной независимости Украины и Белоруссии пришлось искать другие пути.

Руководство БССР и УССР юридически оформило урегулирование межреспубликанской государственной границы без претензий на южную часть белорусской этнотерритории.

Оформление межреспубликанской государственной границы между БССР и УССР проводилось в 1924 – 1929 гг. Президиум ВУЦИК УССР 5 марта 1924 г. поручил Центральной административно-территориальной комиссии (ЦАТК) «подготовить материалы на предмет пересмотра границ УССР с БССР и РСФСР по принципу национального и экономического тяготения и присоединения прилегающих к УССР районов» [12, л.311].

Президиумом ЦИК СССР для урегулирования границ между РСФСР, УССР и БССР была создана комиссия (далее Комиссия) из представителей трех республик. На заседании Комиссии 1 июля 1924 г. украинская делегация предложила для урегулирования границы между БССР и УССР включить в состав УССР небольшую часть территории бывшей Минской губернии, находящейся на правом берегу р. Словечна, а в состав БССР – часть территорий соседних волостей Волынской губернии УССР [13, с. 402]. Был определен этнографический принцип при решении вопросов установления границ между республиками. Рекомендовалось учитывать и экономическое тяготение и удобство административно-территориального управления территорий. Предложенный УССР проект Комиссия рекомендовала рассмотреть президиумам ЦИК РСФСР и БССР [10, с. 54]. По постановлению Президиума ЦИК БССР от 25 июля 1924 г. СНК должен был подготовить материалы для окончательного решения вопросов, поднятые правительством Украины. Через неделю бюро ЦК КП(б)Б поручило Президиуму ЦИК «приступить к урегулированию границ между УССР и БССР на основе предложений украинской делегации» и дать заключение по затрагиваемым вопросам [14, лл. 370, 378; 15, л.299].

На заседании СНК УССР 14 августа 1924 г. был утвержден проект по урегулированию внешних границ УССР с БССР и РСФСР. Среди справок и документов в деле имеется статья профессора Д. М. Багаля, где указан 50% критерий при учете этнического фактора для определения территория проживания того или иного населения [16, лл. 29, 59–85]. Хотел бы обратить внимание на то, что критерий в 50% был предложен Е. Ф. Карским еще в 1917 г. и использовался многими центральными и местными комиссиями, о чем автор данной статьи неоднократно писал. В документе в п. а)

указано о передаче в состав Волынской губернии. небольшой части Минской губубернии. В пп. б), в) и г) указывались части трех конкретных украинских волостей с урочищами и хутарами, передоваемых в состав БССР [16, лл. 30–48].

Вопрос «Об исправлении границы между БССР и УССР» рассмотрели на заседании СНК БССР 8 октября 1924 г. Было дано согласие на включение частей обозначенных волостей Коростенского округа в состав Туровского, Лельчицкого и Королинского районов Мозырского округа, южную часть которого тяготела к Овручу и передавалась Волынской губернии. Данное решение лежало утверждению Президиумом ЦИК БССР [17, лл. 97–99]. Только 21 октября 1924 г. Комиссия рассмотрела вопрос «Об установлении границы между УССР и БССР» по пп. а), б), в), г). [16, лл. 88, 128]. Согласование о выпрямлении границы между УССР и БССР начали 10–18 февраля 1925 г., чтобы завершить землеустройство до весенних полевых работ [16, лл. 133–135].

Различного рода комиссии, назначаемые партийными и советскими органами, по усовершенствованию административно-территориального деления и районированию работали как в БССР, так и в УССР. Менялось старое административно-территориальное управление на новую трехзвенную систему. Комиссии, работавшие по этому направлению, не всегда укладывались в установленные сроки. Без решения этих вопросов не возможно было решать и вопросы, связанные с урегулированием межреспубликанской границы.

ВУЦИК УССР 23 сентября 1925 г. обратился в секретариат ЦИК СССР на предмет первоочередного прохождения проекта об урегулировании границ [18, л. 23]. Президиум ЦИК СССР на основании п. 6 ст.1-й и ст. 6-й Конституции СССР постановлением от 16 октября 1925 г. утвердил изменения границ между УССР и БССР (далее Постановление) [19, с. 183-184].

Представителями сторон 19 марта 1926 г. в г. Мозыре был подписан акт по уточнению административных границ между Мозырским округом БССР и Коростеньским округом УССР. В документе указаны населенные пункты с населением и десятины земли передоваемые в соответствующие районы. «В целях ликвидации возникающих земельных споров между крестьянами обеих сторон возбудить вопрос о проведении землеустроительных работ в текущем операционном году». Не позднее 15 апреля территории с населением должны быть переданы [13, с. 324–326].

Положительное решение об установлении границы приёмно-сдаточной комиссией (председатель комиссии, председатель

Коростенского ОИК И. И. Народицкий) было принято 8 апреля в г. Выступовичи Коростеньского округа. Однако, 23 апреля от него в ЦАТК УССР поступила докладная записка о том, что на практике невозможно провести границу между УССР и БССР по линии, указанной в Постановлении ЦИК СССР ОТ 16.10. 1925 г., т. к. население украинских сел (указаны 3 села) теряют 4 000 дес. сенокосов, которые находятся на расстоянии 20–30 верст по обе стороны границы и отходят к БССР, а села остаются в УССР. Такое явление наблюдается и при передаче от БССР Засинцовского с/с, а от УССР Копищанского с/с. Это вызовет недовольство населения, а «каждую весною на этой территории будут постоянные драки...». Землеустройством положение не исправить, т. к. одни сенокосы, а полевых земель нет. Высказана просьба о ходотайстве перед ЦИК СССР о пересмотре постановления Комиссии в сторону его отмены. [13, с. 328–329]. Началось очередное изучение поднятых вопросов.

В ответ на запрос ВУЦИКа президиум ЦИК БССР 26 июня 1926 г. принял постановление. В нем отмечалось, что пункты переходят с землями, которыми пользовалось население, а в случае глубокого вклинивания в территории дрогой республики вопрос целесообразно обсудить еще раз. Решение всех вопросов было возложено на НКВД БССР [13, с. 336]. В связи с рассмотрением этих проблем, Наркомзем БССР подтвердил действительность фактов в указанных И. И. Народицким и отметил, что еще в декабре 1925 г. обращал внимание на отсутствие технической возможности землеустроительные работы. Подтвердил и необходимость проведения дополнительного исследования. Для этого в комиссию включить представителя НКЗ от Мозырского окрземотдела [20, л.16].

На заседании Паритетной Комиссии ЦИК СССР 17 июля 1926 г. по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР было принято постановление: «Считать вопрос о границах БССР и УССР бесспорным и исчерпанным постановлением Президиума ЦИК СССР от 16 октября 1925 г., если в течение недели...не поступит возражение сторон» [13, с. 342]. Следует отметить, что на заседании этой комиссии было принято к сведению заявление представителя Украины К. Я. Федотова, что «УССР не имеет никаких претензий в отношении территории БССР» [21, лл. 3, 5].

Оперативной реакции на это постановление нами не выявлено. Только 4 ноября 1926 г. в Коростеньскую ОАТК (копия в ЦИК БССР) поступило отношение ЦАТК, в котором указано, что 22 апреля 1926 г. была преостановлена работа ЦАТК для выяснения вопросов в Паритетной комиссии ЦИК СССР [13, с. 376, 377]. Докладная записка

И. И. Народицкого в ЦАТК УССР датирована 23 апреля (см. выше). Это, на наш взгляд, не дает основания согласиться с утверждением С. Н. Хомича, что руководство УССР решило отказаться от уже утвержденной на союзном уровне белорусско-украинской границы. [22, с. 281]. Проблемы землепользования для населения отчуждаемых территорий и «невозможность безболезненно провести осуществление постановления от 16 октября 1925 г.» дали основание Паритетной Комиссии по осуществлению постановления Президиума ЦИК СССР об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР сделать вывод о «целесообразности оставления границ между УССР и БССР ... войти в случае волеизъявления на то правительств УССР и БССР... с ходатайством о восстановлении границ... в виде, бывшем до 16/X-1925 г.». Приложен проект постановления по изменению постановления (г. Москва, 27 марта 1926 г.), в котором указывалось, что территория Зосинцовского с/с Каролинского района Мозырского округа остается в границах БССР, а деревни и территории Олевского, Словечанского и Овручского районов Коростеньского округа – в границах УССР [13, с. 382, 383].

В Минске посчитали, что вопрос окончательно не решенным и 27 ноября 1926 г. Президиум ЦИК БССР поручил НКВД в месячный срок изучить его и вынести на рассмотрение в Президиум ЦИК. В дополнение к данному постановлению 11 декабря принято еще одно постановление, в котором НКВД поручалось привлечь к работе «об окончательном изучении вопроса о границах между УССР и БССР» НКЗ БССР [23, с. 12, л. 49].

Отсутствие необходимой информации у населения ситуацию не улучшало. Так, 30 декабря 1926 г. возникло ходатайство граждан Засинцевского с/с перед ЦИК БССР. Они единогласно просили оставить их на территории Белоруссии, по следующим причинам. Первое. Большинство их земли при новоустановленных границах расположено на территории Белоруссии, а при новых границах нет возможности наделения земель. До землеустройства их заставляют вести бесконечные земельные споры, тогда как существует окончательное разграничение с украинской территорией в землепользовании. Второе. Дети учились на белорусском языке, а при переходе к Украине они должны учиться на украинском, что нежелательно для нас как белорусов. Третье. «Мы не можем ни в коем случае по характеру сжиться с людьми, проживающими на Украине, по соседству населения, как носившем частые грабежи и воровство, чем может заразиться и наше молодое поколение». Вопрос против передачи сельсовета в Украину в комиссии, на собраниях, в

ходатайстве перед ЦИК БССР еще в 1925 г., но никакого ответа не получили. Экономические, культурные и бытовые интересы «тесно применены со всем остальным белорусским народом, хотя мы и знаем, что власти Украинской Республики, также рабоче-крестьянской, как и на Белоруссии, но по приведенным выше доводам мы все же тяготеем к Белорусской Республике» [20, л. 93; 23, с. 39–40]. Может и в меньшей степени, чем при решении передачи в УССР с населением Семеновской волости, но и здесь мы видим этнолингвистический фактор как основа этнотерриториальной консолидации белорусов.

Мозырский окрисполком, рассмотрев материалы и акт передаточной комиссии 3 февраля 1927 г., признал невозможным урегулировать границу по линии, намеченной постановлением Президиума ЦИК СССР от 16/X-25 г., т.к. чересполосица и запутанность землепользования между деревнями без предварительного землеустройства еще больше нарушит ведение сельского хозяйства и вызовет недовольство населения, которое в большинстве желает оставаться в границах своих республик [23, с. 47]. Через два дня НКВД БССР попросило НКЗ срочно дать информацию о том, как идут землеустроительные работы, что для этого нужно, высказать мнение о возможности проведения новых границ. В записке НКВД от 16 февраля 1927 г. в президиум ЦИК БССР сообщалось, что при повторном изучении установлено, что постановление от 16/X-25 г. соответствует целесообразности проведения этого мероприятия, но осуществление его должно быть отложено до окончательного проведения в БССР и УССР землеустроительных работ во всех населенных пунктах, которые прилегают к новой границе. Их население не желает присоединяться из-за боязни потери фактического землевладения, хотя извлечения из карт показывают, как и насколько территории вклиняются [23, с. 47–49].

В конечном итоге ЦИК БССР 5 марта 1927 г. оставил в силе постановление от 16/X-25 г. «с тем, чтобы проведение на практике новой границы осуществлялось постепенно, вместе с проводимым землеустройством по этой границе со стороны БССР и УССР». При этом НКЗ и Мозырскому ОИК поручалось, а ЦИКу УССР высказывалась просьба об ускорении проведения землеустройства на своих территориях [23, с. 50–51].

Президиум ЦИК СССР 25 ноября 1927 г. рассмотрел предложения и доводы по этому вопросу и подтвердил свое решение от 16/X-25 г. ЦИКа БССР и УССР поручалось осуществить его на практике, предварительно наделив крестьян пограничных районов землей [22, с. 281].

Процесс урегулирования небольшой пограничной территории между БССР и УССР («без претензий к белорусской стороне») занял около 5 лет по техническим и бюрократическим причинам. Этнотерриториальная граница по Е. Карскому между БССР и УССР, сложившаяся еще в условиях губернского деления, принципиальных изменений не претерпела. В 1929 г. корректировка 154,9 га или 1,5 кв. км территории решала хозяйственный вопрос, т. к. передавалась часть гослесфонда из Овручского в Ельский район [22, с. 282]. На этой территории не было населения.

Таким образом, законодательное оформление и установление межреспубликанских государственных границ между БССР и УССР было завершено в 1929г. Это свидетельствует об окончательном оформлении территории белорусско-украинского пограничья. С конца 1920-х годов и по настоящее время вопросов по межреспубликанским границам в этом регионе не позникало. Это имеет важное значение для современных суверенных независимых государств – Беларуси и Украины. Идет к завершению достаточно долгий процесс установления демаркационной линии (по современным международным стандартам) на их межгосударственной границе. Это связано с техническими проблемами, обусловленными сложностью рельефа местности .

Список использованных источников и литературы

1 Старовойтов, М. И. Метадычныя аспекты выкладання праблемы «Беларусь ва ўмовах геапалітыкі XX ст.»/ М. И. Старовойтов // Актуальные вопросы научно-методической работы. Материалы докладов конф. – Гомель, 1998.– Ч. 2. – С. 306–307.

2 Карский, Е. Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е. Ф. Карский. – Санкт-Петербург: Императорская АН, 1902. – 16 с.

3 Этнографическая карта белорусского племени / Сост. Е. Ф. Карский. – Петроград: РАН, 1917. – 33 с.

4 Карский, Е. Ф. Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением / Е. Ф. Карский. – Петроград, 1918. – 60 с.

5 Міхалюк, Д. Ад моўнай мяжы да дзяржаўнай: этнічныя мапы Беларусі XIX і пачатку XX стагоддзяў // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. Матэрыялы міжнароднай навук. канф. / рэдкал.: Р. Р. Лазько (адказ. рэд.) і інш. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 74-89.

6 Архівы Беларускай народнай Рэспублікі. – Т. 1. – Кн. 1. – Вільня-Нью-Йорк-Мінск-Прага, 1998. – 869 с.

7 Солдатенко, В. Украина и Брестский мир /https://zn.ua/SOCIETY/ukraina_i_brestskiy_mir.html. – Дата обращения 18.02.19.

8 Лебедева, В. М. Белорусско-украинские территориальные проблемы в контексте становления новой государственности (весна 1918 г.). // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе: Сб. научных статей и материалов / Институт славяноведения Российской академии наук – М., Наука, 2005. С. 144–158.

9 Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку ХХІ ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 584 с.

10 Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. К.: Основи, 1994. – 168 с.

11 Государственный архив общественных объединений Могилевской области. (ГАООМО). – Ф. 6605. Оп. 1. Д. 15.

12 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 301.

13 Государственные границы Беларуси: сб. док. и материалов. В 2 т. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – 495 с.

14 НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 351. Т. 1.

15 НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1237.

16 НАРБ, – Ф. 6. Оп. 1. Д. 349,

17 НАРБ, – Ф. 6. Оп. 1. Д. 298.

18 НАРБ, – Ф. 6. Оп. 1. Д. 503.

19 Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дакументаў і матэрыялаў. Т.2 (1923 – 1927 гг.) / Склад. У. М. Міхнюк [і інш.]. – Мінск. – 1999. 461 с.

20 НАРБ. – Ф. 34, Оп. 1, Д.805.

21 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 6892. – Оп. 1. – Д. 24.

22 Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo/ С. Н. Хомич. – Минск: Экоперспектива, 2011. – 416 с.

23 Государственные границы Беларуси: сб. док. и материалов. В 2 т. Т. 2. (ноябрь 1926 – декабрь 2010) / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2013. – 333 с.

В. М. ЛЕБЕДЗЕВА
(Гомель)

ГОМЕЛЬШЧЫНА: ПАМЕЖЖА БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКІ

У артыкуле асветлены падзеі і асобы Гомельшчыны, якія непасрэдна спрычыніліся да абвяшчэння і дзейнасці Беларускай Народнай Рэспублікі. Акрэслены постаці П. Бадуновай, М. В. Доўнар-Запольскага, Я. Канчара, В. Селіванава, В. Мухі.

Галоўным фактарам гісторыі Гомеля, пісьмовы адлік якой пачынаецца з 1142 г., з'яўлялася яго размяшчэнне на раздарожжы этнічных і дзяржаўных тэрыторый, транспартных камунікацый, культурных уплываў.

Амаль усю сваю гісторыю горад не меў значнага адміністрацыйнага статусу, а захоўваў значэнне памежнага абарончага пункта спачатку мясцовай групы радзімічаў, пазней Чарнігаўскага княства, Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. Калісьці на стромкім беразе Сажа узнікла славянскае умацаванае пасяленне, затым драўляны, але магутны замак, які за чатыры стагоддзі ні разу не быў узяты ні крымчакамі, ні маскоўскімі войскамі, ні украінскімі казакамі.

Па першаму паздзелу Рэчы Паспалітай Гомель і акруга дасталіся Расійскай Імперыі і разам з ёй ўцягваліся ў прамысловую эпоху. Гэты працэс прынёс гораду і рэгіёну велізарныя адміністрацыйныя і сацыяльна-эканамічныя здабыткі. З 1852 г. Гомель пераўтварыўся ў павятовы цэнтр. Пры яго расійскіх ўладальніках Румянцавых і Паскевічах тут з'вілася навая каменная забудова, комплексы мануфактур і фабрык, ланкастарская школа, а пазней – прагімназіі і гімназіі.

Перыядам пералому стала другая палова XIX ст., калі праз горад прайшлі дзве важныя чыгункі – Лібава-Роменская і адна з Палескіх. Чыгуначныя лакаматывы «пацягнулі» ў рэгіён не толькі тавары і пасажыраў, але і імкліваю урбанізацыю. За апошнюю траціну XIX ст. насельніцтва Гомеля вырасла ў восем разоў, тут з'явіліся новыя раёны, больш за дзесятак прадпрыемстваў, уключаючы буйнейшыя ў Паўночна-Заходнім краі Майстэрні Лібава-Роменскай дарогі. Па колькасці насельніцтва, прамыслова-транспартнаму патэнцыялу,

колькасці банкаў і бізнесовай актыўнасці Гомель канкурыраваў са сваёй губернскай сталіцай Магілёвам. Гэта дало падставу мясцоваму большавіцкаму кіраўніцтву дамагацца ў 1919 г. стварэння замест Магілёўскай губерні Гомельскай з цэнтрам у Гомелі.

Калі ва ўмовах Першай сусветнай вайны абудзіліся нацыянальныя рухі, Гомель таксама застаўся на раздарожжы. Каля 54% яго насельніцтва складалі яўрэі і менавіта прадстаўнікі гэтага народу вялі рэй у эканамічным, культурным і грамадска-палітычным жыцці. У эканоміцы і грамадскай чыннасці з імі канкурыравалі мясцовыя стараверы. Чыноўніцкі і настаўніцкі асяродкі быў расійскім альбо моцна зрусіфікаваным. Горад быў значным асяродкам сіянісцкай, бундаўскай і эсэраўскай актыўнасці. З 1904 г. тут дзейнічаў Палескі камітэт РСДРП. Аналагічнай заставалася сітуацыя ў іншых гарадах рэгіёна – Рэчыцы, Мазыры.

Абставіны Першай сусветнай вайны спрыялі ўзмацненню ў Гомелі агульнарасійскіх левых сілаў. З восені 1915 г. горад увайшоў у тылавую зону Заходняга фронту і гэта значна змяніла ўнутрыгарадскую сацыяльна-эканамічную і палітычную сітуацыю. Гомель і наваколіцы сталі месцам разгортвання вывезеных з Прывісянскіх і заходне-беларускіх губерній прадпрыемстваў і устаноў разам з іх персаналам, прыкладам, Варшаўскага арсенала і Завода Варшаўскай акругі, Упраўлення Заходніх чыгунак, інш. Праз Гомель прайшлі патокі бежанцаў, частка з якіх асела тут. Сярод вылучаліся прадстаўнікі каталіцкіх і яўрэйскіх грамад з Віленшчыны. У Гомелі з'явіўся «Яўрэйскі бежанскі камітэт».

Колькасць насельніцтва вырасла да 84 тыс. чалавек, сярод якіх вялікую долю складалі вайскоўцы. Тут быў разгорнуты буйнейшы у тыле Заходняга фронту Этапна-размеркавальны пункт (каля 9 тыс. салдат), з дзесятак ваенных шпіталей, гаспадарчая база Заходняга фронту, не кажучы ўжо пра шматлікія вайсковыя часткі. Менавіта ваенныя ў значнай ступені вызначалі палітычную сітуацыю ў горадзе ў моманты рэвалюцыйных зрухаў: франтавікі складалі ўплывовую групу ў Гомельскім Савеце рабочых і салдацкіх дэпутатаў, створаным 4 сакавіка 1917 г., атрымалі доступ у Гарадскую думу: дзе 65 месцаў з 101 належылі сацыялістам агульнарасійскіх плыняў.

Беларускага слова ў палітычным разнагалоссі Гомеля чутна амаль не было. Наадварот, горад ледзь не пераўтварыўся ў асяродак супрацьстаяння нацыянальнаму самавызначэнню. 23 красавіка 1917 г. у памяшканні упраўлення Палескіх чыгунак сабраліся каля 200 чалавек, у асноўным эвакуіраваных з Вільні дзеячоў асветы і чыноўнікаў, якія назвалі сябе беларусамі. Нягледзячы на гэта,

прысутныя аднак выказалі пратэст на стварэнне ў Мінску Беларускага нацыянальнага камітэта пад кіраўніцтвам Рамана Скірмунта і прадэмастравалі імкненне перахапіць яго ініцыятыву. Створаны на сходзе «Часовы беларускі дэмакратычны камітэт» 18 чэрвеня рэарганізаваўся ў «Саюз Беларускай Дэмакратыі». На чале суполкі апынулася даволі вядомая асоба, адзін з лідэраў наступальнага заходне-русізма, рэдактар віленскіх газет кансерватыўна-ахоўніцкага кірунку «Северо-Западная жизнь», паслядоўнік Лукі Саланевіча Павал Каранкевіч.

Адпачатку СБД абвясціў аб сваім намеры «усяляк супрацьдзейнічаць імкненню некаторых беларусаў да аўтаноміі» і да выкарыстання беларускай мовы ў школьніцтве. Прапанова прадстаўніка БНК К. Станкевіча, які прыехаў для перамоў, «стаяць за аўтаномію Беларусі» на сходзе СБД была катэгарычна адхілена, а мерапрыемствы БНК па правядзенні «дзён свабоднай Беларусі» 24–25 чэрвеня кіраўніцтва П. Каранкевіч і яго паплечнікі заклікалі байкатаваць. У той жа час праграма “гомельскіх беларусаў” прадугледжвала шырокае самакіраванне Беларусі на дэмакратычных пачатках ў складзе Расіі, тэрытарыяльную цэласнасць краю “з горадам Вільняй як галоўным культурным цэнтрам”. Не вядома, якім кірункам пайшла б эвалюцыя гэтага асяродка заходне-русізма, але дзейнасць саюза пасля 1917 г. была спыненая, а падзеі раскідалі яго удзельнікаў.

Аднак такая праява «беларускасці» не стала ні апошняй, ні вызначальнай. На выбарах ва Ўсерасійскі Устаноўчы сход у лістападзе Гомель здолеў ужо сфарміраваць свой спіс «Беларускіх арганізацый», які, хоць і заняў апошняе месца з усіх нацыянальных, здабыўшы 337 прыхільнікаў, але абыйшоў блок землеўласнікаў больш чым на 150 галасоў.

На снежаньскі Ўсебеларускі з’езд гомельчукі адправілі годную дэлегацыю, узачаленую вядомым гарадскім дэмакратам і сацыялістам, старшынёй гарадской думы Іосіфам Бабарыкіным.

Пытанне этнічнага самавызначэння насельніцтва Гомельшчыны абвастрылася пасля акупацыі яе кайзераўскімі войскамі ў сакавіку 1918 г., калі, адпаведна дамоў Украінскай Цэнтральнай рады з прадстаўнікамі германскага блоку, беларуская частка Палесся была перададзена ў склад Украінскай Народнай Рэспублікі. Грамадскія настроі ў рэгіёне падзяліліся. Пры тым, што большасць традыцыйна звязвала сябе з «агульнарасійскай культурай і будучыняй», праявіліся таксама яскравыя беларусацэнтрычныя арыентацыі.

Так, прадстаўнікі Мазырскага, Рэчыцкага і Гомельскага паветаў наведалі Народны Сакратарыят БНР з пытаннем аб і перспектывах

беларуска-украінскіх перамоў і просьбай аказаць падтрымку ў адкрыцці беларускіх школ .

Пад час працы Дэлегацыі Народнага Сакратарыяту БНР па перамовах з Украінай (якая дарэчы дабіралася да Кіева праз гомельскі Лібава-Роменскі вакзал які сёння страціў старую назву і цалкам перабудаваны, але застаўся на тым жа месцы) на яе адрас паступілі некалькі пратэстаў супраць адрыву часткі беларускіх тэрыторый. Пасля іх разгляду ў далучаныя паветы быў прызначаны камісар БНР. Ём стаў служачы праўлення Лібава-Роменскай чыгункі, а з лета 1917 г. – старшыня гомельскай суполкі Беларускай Сацыялістычнай Грамады, Язэп Няцецкі.

Паўнамоцтвы камісара былі зацверджаны спецыяльным пасведчаннемі распаўсюджваліся на ўсе далучаныя да Украіны беларусія абшары: «Народны Сакратарыят, згодна з пастановай сваёй за 4 чэрвеня г. р., мае гонар паведаміць Вам, што Вы назначаны Намеснікам Народнага Сакратарыята БНР на ўсю Гомельшчыну і Палесьсе (паветы Менскай губерні: Пінскі, Мазырскі, Рэчыцкі; Магілёўскай губерні: Гомельскі; Чарнігаўскай: Навазыбкаўскі, Ноўгарад-Северскі, Суражскі, Мглінскі і Арлоўскай губерні: Бранскі). Дзеля гэтага Вы павінны ўвайсці ў адносіны як з найвышэйшай акупацыйнай Уладай, так і з Гарадамі, і Земствамі і іншымі грамадскімі арганізацыямі, каб там на месцах арганізаваць беларускую ўладу, на каторую бы маглі апірацца ўсе тамашнія жыхары – беларусы і грамадзяне Беларусі, а ў першы чарод – уцекачы, каторыя варочаюцца на сваю бацькаўшчыну. Са сваёй стараны Народны Сакратарыят прыме ўсе неабходныя меры, каб праца Ваша на такім атветным становішчы прынесла рэальныя skutкі для дабра Беларусі». Захаваліся таксама звесткі аб заснаванні ў Гомелі пад кіраўніцтвам Я. Няцецкага беларускай бежанцкай камісіі. На жаль, сведчанняў аб яе дзейнасці не захавалася. Сам Я. Няцецкі за арганізацыю забастоўкі гомельскіх чыгуначнікаў неўзабаве быў арыштаваны нямецкай камендатурай і высланы за дэмаркацыйную лінію. Больш у Гомель ён не вярнуўся, хаця пэўны час працаваў у дзяржаўных структурах БССР у Мінску.

Пры тым, што беларускі рух не стаў грамадскай з’явай у гомельскім рэгіёне, менавіта Гомельшчына дала нацыянальнай справе шэраг знакавых асоб.

У кагарту тых, хто самаахвярна змагаўся за правы беларускага народа яркімі літарамі ўпісана імя гамяльчанкі Палуты (Пелагеі) Бадуновай.

У сённяшнім Навабеліцкім раёне (тагачасным прадмесці) Гомеля захавалася вуліца – былая Пакроўская, затым К. Маркса, а ў нашы дні

– Г. Дзімітрава, дзе ў сям’і мешчаніна Аляксандра Бадунова ў 1885 г. нарадзілася будучая беларуская дзеячка. Бацька арандаваў невялічкі маёнтак і меў сярэднія прыбыткі, але імкнуўся адукаваць і далучыць дзяцей да грамадскай актыўнасці. Брат Пелагеі, Аляксандр Бадуноў, з’яўляўся вядомым гарадскім дзеячом, галосным Гомельскай гарадской думы і камісарам Гомельскай Дэмакратычнай дырэкторыі (1918 г.). Сястра Марыя – прадстаўніца першага выпуска Белдзяржуніверсітэта, актыўна дзейнічала ў партыі беларускіх эсэраў.

Пелагея Бадунова скончыла двухкласнае вучылішча ў Буйнічах пад Магілёвам, каля 10 год выкладала ў вясковых школах Гомельскага павета. Напярэдадні Першай сусветнай вайны накіравалася ў Петраград на знакамітыя Вышэйшыя гісторыка-літаратурныя курсы. Тут пачалося яе імклівае ўваходжанне ў палітыку. Яе абіраюць дэпутатам рэвалюцыйнага урадавага органа – Петраградскага Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў. Прымаючы ўдзел у справе пераўтварэння вялізарнай краіны, яна усвядоміла, што часткай гэтых перамен з’яўляецца самавызначэнне народаў, у тым ліку і беларускага. У Петраградзе П. Бадунова далучаецца да беларускага руху, уваходзіць у ЦК Беларускай сацыялістычнай грамады, вядзе актыўную рэвалюцыйна-прапагандысцкую работу сярод салдат-франтавікоў і бежанцаў, настаўнікаў. Для гэтай справы летам 1917 г. яна прыязджае і ў родны Гомель, намагаецца закласць мясцовую філію БСГ.

П. Бадунова ўваходзіла ў склад Цэнтральнай і Вялікай беларускіх рад, беларускіх франтавых камітэтаў. Была яна адным з арганізатараў Усебеларускага з’езда ў снежні 1917 г., рыхтавала даклад аб бежанцкай справе і стратах Беларусі ў вайне, аб вымогах іх міжнароднай кампенсацыі.

П. Бадунова стала адзінай жанчынай, якая ўвайшла ў Народны Сакратарыят Беларускай Народнай Рэспублікі у якасці міністра апекі, займалася арганізацыяй школ і дзіцячых прытулкаў. Разам з паплечнікамі па левым крыле БСГ стварыла і ўзначаліла Партыю беларускіх эсэраў (БПСР), якой кіравала да самароспуску партыі ў 1924 г. У сваёй праграме і тактыцы партыя ішла насустрач беларускаму сялянству і мела шырокую яго падтрымку.

БПСР першай заўважыла экспансіянісцкія планы Польшчы адносна заходняй часткі Беларусі і маштабы рэпрэсій супраць беларускіх дзеячоў. У гэтых умовах савецкая Расія падалася больш блізкім ідэалагічным і ваенным саюзнікам, таму ў снежні 1919 г. ў Смаленску П. Бадуновай быў падпісаны дагавор з ЦК Кампартыі Літвы і Беларусі аб сумесных з Заходнім фронтам Чырвонай арміі

дзеяннях супраць польскай акупацыі Беларусі. Застаючыся на падпольскай тэрыторыі, Бадунова наладжвала партызанскі супраціў, была арыштавана акупацыйнымі ўладамі. У сакавіку 1920 г. па дамоўленасці са старшынёй урада БССР А. Чарвяковым накіравалася ў Маскву, дзе вяла перамовы ў ЦК РКП (б) і з наркамам нацыянальнасцяў І. Сталіным па пытанню стварэння беларускай рэспублікі.

Беларускія эсэры і асабіста П. Бадунова падтрымалі Беларускаю Савецкую Сацыялістычную рэспубліку, аднак катэгарычна апратэставалі падпісанне Рыжскага міру, які аддаў Польшчы Заходнюю Беларусь. Для ізаляцыі БПСР былі праведзены татальныя арышты яе дзеячоў у Мінску, а П. Бадунова заключана ў маскоўскую Навінскую турму. За тры месяцы зняволення яна правяла некалькі галадовак. На абарону П. Бадуновой выступіў Міжнародны Чырвоны Крыж, грамадскасць і дзяржаўна-партыйнае кіраўніцтва Беларусі. А. Чарвякоў пісаў у Маскву, што «Бадунова мае шмат заслуг перад рабочымі і сялянамі Беларусі».

У 1923 г. П. Бадунова накіравалася ў эміграцыю. Цераз Польшчу выехала ў Прагу, вучылася ў Карлавым універсітэце, арганізоўвала беларускія сілы ў эміграцыі. Аднак падарванае здароўе і напружанне сіл прывялі да цяжкага нервовага захворвання. П. Бадунова вяртаецца ў Беларусь на апеку сястры Марыі і брата Аляксандра. Да 1930 г. жыла ў Мінску. Пасля вяртання ў 1926 г. Гомельскай губерні ў склад БССР наведла Гомель, склала запіску для Інбелкульта аб неабходнасці адкрыцця ў горадзе вышэйшай навучальнай установы і выкарыстання для гэтых мэтай унікальнай бібліятэкі палаца Румянцавых-Паскевічаў.

Да 1937 г. яна жыла з братам на вуліцы К. Маркса ў доме № 115. Тут была арыштавана і два з паловай месяцы знаходзілася ў мясцовай турме НКВС. У выніку першага і апошняга допыту 22 лістапада асуджана да 10 гадоў ГУЛАГу. Але ў лагеры яна не трапіла, а была адпраўлена ў мінскую турму, дзе ў 1938 г. была асуджана паўторна сумесна з групай беларускіх партыйна-савецкіх дзеячаў, на гэты раз – да растрэлу.

Адной са значных і даволі супярэчлівых фігур беларускага руху з'яўляецца ўраджэнец Лоеўскай зямлі Яўсей Канчар. «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» характарызуе яго як палітычнага дзеяча, гісторыка, публіцыста, вучонага ў галіне эканамічнай геаграфіі.

Нарадзіўся Я. Канчар ў 1882 г. у вёсцы Сяўкі Дзеражыцкай воласці тагачаснага Рэчыцкага павета ў заможнай сялянскай сям'і. Да нядаўняга часу ў Сяўках захоўваўся дом Канчараў, дзе ў

паслярэвалюцыйныя часы доўгія гады размяшчалася вясковая школа.

Сам Яўсей спачатку вучыўся ў роднай вёсцы ў царкоўна-прыходскай школе, а затым насуперак волі бацькі збег ў народнае вучылішча ў Дзеражычы. У 16-гадовым узросце ён рушыў у свет: працаваў у фотамайстэрні ў Кіеве, быў паслушнікам у адным з кіеўскіх манастыроў, настаўнікам царкоўна-прыходскай школы, затым пайшоў вучыцца ў Мар’інагорскую земляробчую школу.

Але ў вучэльні яго больш прывабілі не аграрныя навукі, а ідэі народніцтва і вопыт кааператыўнага руху, ды настолькі, што ў 1902 г. ён пешшу накіраваўся пад Адэсу для вывучэння гаспадарак чэшскіх і нямецкіх каланістаў. Тут за агітацыйную дзейнасць Яўсей быў арыштаваны і высланы ў Тыфліс. Пасля вызвалення у 1910 г. Я. Канчар пакідае Каўказ і кіруецца на Вышэйшыя сельскагаспадарчыя курсы ў Пецярбург.

Бурныя рэвалюцыйныя падзеі не маглі не закрануць такую дзейную і неўрысловую асобу. Палітычныя сімпатыі, здаецца, павінны былі прывесці Я. Канчара да эсэраў. Аднак у Пецярбургу ён знаёміцца з беларускім асяродкам і пачынае актыўна ўзаемадзейнічаць з нацыянальнымі арганізацыямі. У сакавіку 1917 г. ён увайшоў ў Беларускае Нацыянальнае Камітэт, створаны беларускімі дзеячамі ў Мінску, але праз месяц пакідае яго з-за нязгоды з пазіцыяй па пытаннях мовы і культуры. Трэба думаць, што тут ім кіравалі альбо традыцыі «заходне-русизм», альбо, наадварот, ідэі “рэвалюцыйнага інтэрнацыяналізма”, для якіх яскравыя чыннікі нацыянальнай самаідэнтыфікацыі – мова і культура – аднолькава здаваліся неістотнымі. Магчыма, не знайшоў Я. Канчар і «ідэйнага паразумення» са старшынёй БНК Раманам Скірмунтам. Рэвалюцыйна-народніцкі досвед хіліў Я. Канчара да збліжэння з левым, прабальшавіцкім, крылом беларускага руху.

Амбіцый і актыўнасці Я. Канчара хапіла на тое, каб паспрабаваць пераняць ініцыятыву «нацыяналістаў». У лістападзе 1917 г. ён становіцца адным з ініцыятараў стварэння і старшынёй Беларускага Абласнога камітэта пры Усерасійскім савеце сялянскіх дэпутатаў. У БАК увайшло каля 70 дэлегатаў ад беларускіх губерняў і фронтавікоў. Планы арганізацыі былі досыць маштабнымі: неадкладна была распрацавана дэкларацыя аб беларускай аўтаноміі ў складзе РСФСР і заяўлены патрабаванні аб прысутнасці беларускай дэлегацыі на мірных перамовах у Брэсце.

Са свайго боку БАК актыўна далучыўся да падрыхтоўкі Усебеларускага з’езда, падтрымаўшы ініцыятыву Вялікай беларускай рады. Менавіта БАК, дзякуючы выдатным арганізатарскім

здольнасцям Я. Канчара, змог пераканаць вышэйшае бальшавіцкае кіраўніцтва ў неабходнасці з'езда і забяспечыць яго фінансаванне за кошт СНК РСФСР. Свае мэты камітэт выклаў наступным чынам: «Дзяржаўны лад Беларусі павінен насіць рэспубліканскі характар і заставацца ў федэрацыі з Расійскай рэспублікай»; уладным органам Беларускай рэспублікі будзе Усебеларускі Савет рабочых, сялянскіх і салдацкіх дэпутатаў, які аб'яднаўшыся з Аблвыканкамзахам, утворыць Часовы Цэнтральны Выканаўчы Камітэт Саветаў Беларусі.

Я. Канчар вёў вострую палеміку з дзеячамі Вялікай Беларускай Рады, але аднолькава з ёю ацаніў разгон з'езда Аблвыканкамзахам. «Кіруючае ядро» БАК прыйшло да высновы, што дзеянні начальніка Мінскага гарнізона М. Крывашэйна парушаюць дамоўленасць з СНК РСФСР. Было вырашана, што Я. Канчар разам са старшынёй эсэраўскай фракцыі БАК магілёўцам Васілём Селіванавым павінны неадкладна адправіцца ў Петраград для інфармавання асабіста Уладзіміра Леніна і Іосіфа Сталіна аб тым, што адбылося, і з хадайніцтвам аб вызваленні арыштаванага прэзідыума з'езда.

Пасля ўмацавання савецкай улады і савецкай мадэлі дзяржаўнасці Я. Канчар не расчараваўся ў беларускай справе. З лютага 1918 г. ён працаваў ў Беларускам нацыянальным камісарыяце (Белнацкаме) пры Народным Камісарыяце РСФСР па справах нацыянальнасцей.

Пасля адкрыцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта кароткі перыяд 1922–1923 гг. Канчар чытаў лекцыі для яго студэнтаў. Пакінуць Ленінград ён так і не наважыўся, хаця сувязі з Беларуссю не перарываў. За час выкладання ў Мінску напісаў падручнік па эканамічнай геаграфіі Беларусі, які, праўда, так і не быў надрукаваны. Ён жа з'яўляецца аўтарам шэрагу прац па аграрных пытаннях і сельскагаспадарчай кааперацыі, гісторыі земстваў і грамадскіх рухаў Беларусі. У 1920-я гг. спрабаваў заснаваць у Пецябургзе Беларускае Вольнае эканамічнае таварыства, падтрымліваў Асацыяцыю беларускіх студэнтаў ленінградскіх ВНУ і Беларускае студэнцкае зямляцтва.

Да апошніх сваіх гадоў Я. Канчар наведваў родныя Сяўкі. Да канца жыцця, нават у самыя застойна-інтэрнацыяналістскія часы, ён заставаўся беларускім патрыётам і дзяржаўнікам. У асабістым архіве дзеяча захоўваюцца копіі паштовак, якія на вялікія савецкія святы ён дасылаў кіраўнікам БССР, вітаючы іх як прадстаўнікоў беларускай дзяржавы. Родныя Яўсея Сцяпанавіча згадваюць, што ён з задавальненнем адзначаў дасягненні Савецкай Беларусі і ўзровень жыцця беларусаў у параўнанні з некаторымі рэспублікамі і раёнамі СССР, а аднойчы заўважыў: «Ну, а калі б аддзяліліся, як Фінляндыя, дык жылі б яшчэ лепей».

Земляком Я. Канчара і актывістам беларускага руху на пэўным яго этапе стаў Васіль Муха (1989–1965). Ён нарадзіўся ў вёсцы Андрэеўка Рэчыцкага павета, таксама ў сялянскай сям’і. Скончыў народнае вучылішча ў суседняй Маладушы і быў закліканы на вайсковую службу. Здольнага беларускага хлапца адправілі ў прэстыжную кранштадскую школу радыётэлеграфістаў, а затым – на Балтыйскі флот, дзе да пачатку рэвалюцыйных падзей 1917 ён правёў аж сем год. Пасля лютаўскіх палітычных ўзрушэнняў В. Муха патрапіў у сябры Абласнога камітэта арміі, флоту і рабочых Фінляндыі. Але раздзіма не была забытай. Калі да балтыйцаў дайшлі чуткі пра абуджэнне былых ускраін Расійскай імперыі і стварэнне франтах нацыянальных групавак, В. Муха заснаваў у чэрвені 1917 г. Арганізацыю маракоў-беларусаў Балтыйскага флоту. Ён наладжвае кантакты з беларускімі дзеячамі ў Петраградзе, у тым ліку сваёй зямлячкай П. Бадуновой. Магчыма, пад уплывам апошняй уступае ў Беларускаю Сацыялістычную грамаду, едзе на яе трэці з’езд у Мінск, дзе абіраецца ў ЦК партыі. Актыўна далучаецца да арганізацыі з’езда франтавікоў-беларусаў Заходняга фронту, становіцца яго сустаршынёй, уваходзіць у склад Вялікай Беларускай рады. Неўзабаве адбываецца цікавы паварот яго палітычнай біяграфіі – у лістападзе 1917 г. ён аказваецца амаль адзіным беларусам у складзе Аблвыканкамзаху, дзе дастае пасаду камісара апекі Заходняй вобласці і фронту. Ён паўнаўтасна удзельнік Ўсебеларускага з’езда, а пасля яго разгону ў знак пратэсту пакідае Аблвыканкамзах.

Але вір падзей не пакідаў выбару. З восені 1918 г. В. Муха апынуўся ў Чырвонай арміі, ваяваў на польска-савецкім фронце. Уступленне ў РКП(б) забяспечыла далейшую паспяховую кар’еру. З 1920 і аж да 1954 г. заставаўся на савецкіх пасадах, у т. л. загадваў Сакратарыятам ЦВК БССР. Адзін з нямногіх, каму пачшасціла выжыць у сталінскіх рэпрэсіях, хаця ў 1938 г. і быў арыштаваны «за шпіёнска-дыверсійную дзейнасць». У фондах Рэчыцкага краязнаўчага музея захоўваюцца пакінутыя В. Мухай успаміны.

Яшчэ адной велічнай персонай, якая імкнулася аддаць новастворанай беларускай дзяржаве – БНР свой інтэлект, досвед вучонага, высокі прафесіяналізм і талент арганізатара быў Мітрафан Доўнар-Запольскі (1867–1934).

Ён нарадзіўся ў павятовай Рэчыцы, у сям’і, якая прыналежыла да старажытнага, але абсалютна збяднелага шляхецкага роду. Будучы вучоны правёў у Рэчыцы ранняе дзяцінства, але быў вымушаны яе пакінуць з-за пастаянных пераездаў па месцах працы бацькі і родных. Сёння ніводны адрас Рэчыцы, звязаны з пабыццём тут М. Доўнар-Запольскага не захаваўся. Аднак у 1997 г. землякі ўшанавалі яго

заслугі перад навукай і Бацькаўшчынай устаноўкай помніка, які ўпрыгожвае галоўную вуліцу горада.

Нягледзячы на нядоўгае сваё жыццё на Палессі, М. Доўнар-Запольскі ніколі не забываў родных мясцін. Ужо ў шаснаццацігадовым узросце ён пачынае апісваць іх у невялікіх занатоўках, якія друкуюцца ў папулярных агульнарасійскіх выданнях. Студэнтам Кіеўскага ўніверсітэта ён вернецца сюды для вывучэння моўных і этнаграфічных асаблівасцей Мазырска-Рэчыцкага Палесся. Тут, у Мікулічах, што пад Брагінам, ён сустрэне сваё першае каханне – жонку Надзею, дачку мясцовага святара. З яе смерцю праз кароткі час сувязь з малой радзімай перарвецца надоўга.

М. Доўнар-Запольскага напаткае шчаслівы лёс. Ён зробіць выдатную кар’еру, набудзе міжнародную вядомасць як даследчык, рэалізуе талент педагога на пасадзе прафесара Кіеўскага ўніверсітэта св. Уладзіміра, увасобіць здольнасці арганізатара адукацыі ў стварэнні і кіраўніцве Кіеўскім камерцыйным інстытутам. Яго чакалі грамадская вядомасць, рэспектабельнасць, заможнасць і дзяржаўныя ўзнагароды.

Аднак у вельмі крытычны, як для Радзімы, так і для ўласнага жыцця момант вясны 1918 г. з многіх альтэрнатыў М. Доўнар-Запольскі выбраў падтрымку справы маладой беларускай дзяржаўнасці.

Самым актыўным чынам Мітрафан Віктаравіч уключаецца ў арганізацыю беларускіх сілаў у Кіеве. Ва ўніверсітэце наладжваюцца беларускія грамадска-культурныя сходы, ствараюцца курсы беларусазнаўства. У канцы сакавіка 1918 г. ўзнікае «Беларуская арганізацыя на Украіне», якую М. Доўнар-Запольскі ўзначаліў непасрэдна. У красавіку яго ўключаюць у дэлегацыю Народнага Сакратарыяту БНР па перамовах з Украінай – спачатку як кансультанта, затым і як паўнапраўнага прадстаўніка. У першым дыпламатычным кантакце нованароджанай дзяржавы Доўнар-Запольскі ўзяў на сябе абгрунтаванне дзяржаўных межаў, геапалітычнага становішча і знешнепалітычных арыенціраў Беларусі, яе эканамічных перспектывы. Перамовы прадэманстравалі здольнасці вучонага як дыпламата і палітыка.

Артыкулы М. Доўнар-Запольскага ў кіеўскіх выданнях «Белорусское слово» і «Белорусское эхо» былі рэакцыяй на акупацыю Беларусі нямецкімі войскамі і падпісанне Брэсцкай умовы, якая адмаўляла перспектыву дзяржаўнасці Беларусі і дзяліла яе тэрытарыяльна. Вучоны заклікаў суайчыннікаў засвоіць гістарычны ўрок і скансальдавацца дзеля барацьбы за абарону нацыянальных інтарэсаў.

На старонках «Белорусского эхо» М. Доўнар-Запольскі упершыню друкуе твор «Асновы дзяржаўнасці Беларусі», які быў пазней надрукаваны асобным выданнем, перакладзены на некалькі еўрапейскіх моў і скарыстаны для міжнароднай прэзентацыі беларускай дзяржаўна-палітычнай праграмы. Гэты, па сутнасці, зварот да сусветнай грамадскасці меў прагматычна-прапагандысцкае прызначэнне, але яго адрасатам былі не толькі міжнародна-палітычныя колы, але і масы суайчыннікаў М. Доўнар-Запольскага, свядомасць якіх ён імкнуўся ўзрушыць. Доўнар-Запольскі робіць рацыянальнае дапушчэнне, якое не страціла актуальнасці і сёння: стварэнне дзяржавы можа апырацца нацыятворчыя працэсы, а завяршальны этап фарміравання і структуравання беларускай нацыі стане вынікам дзяржаўна-палітычнай волі.

Створаная і ўзначаленая ім Беларуская гандлевая палата ў Кіеве сваім камерцыйным поспехам забяспечыла матэрыяльную падтрымку многіх захадаў ураду БНР.

М. Доўнар-Запольскі бярэцца таксама за перспектыўныя пытанні, здольныя забяспечыць інтэлектуальны суверэнітэт Беларусі: у красавіку 1918 г. ён узначаліў камісію ў справе адкрыцця беларускага ўніверсітэта. Досвед арганізатара навукі дазваляў не толькі абгрунтаваць структуру і эканамічную мадэль беларускага ўніверсітэта, але зрабіць практычныя крокі па ўвасабленню плана ў жыццё: было прапанавана запрасіць у Мінск акадэміка Яўхіма Карскага і даручыць яму арганізацыю ўніверсітэта, таксама складзены спіс 36 прафесараў розных універсітэтаў, якія пагадзіліся працаваць у Беларусі.

Тым часам надзеі на ўмацаванне Беларускай дзяржаўнасці і пераезд у Мінск не спраўдзіліся.

Вір падзей закідвае М. Доўнар-Запольскага спачатку ў Крым, затым у Харкаў і Баку. У 1925 г. лёс дае новы шанец прымяніць ўсе назапашаныя М. Доўнар-Запольскім сілы і досвед на карысць Беларусі. Па запрашэнню кіраўніцтва БССР вучоны пераязджае ў Баку ў Мінск і пачынае працаваць у Інбелкульце і Белдзяржуніверсітэце.

На фоне беларусізацыі прыезд М. Доўнар-Запольскага быў чаканай і значнай падзеяй для беларускага інтэлектуальна-культурнага жыцця. Плён зробленага М. Доўнар-Запольскім ў Мінску за кароткі, фактычна паўгадовы, час яго працы тут ўражвае. На пасадзе старшыні гісторыка-археаграфічнай камісіі Інбелкульта ён рыхтуе том «Беларускага архіва», праграму выдання «Метрыкі Літоўскай» і крыніц па гісторыі Беларусі для студэнтаў;

распрацоўвае план рэстытуцыі беларускіх архіваў. Да гэтага дадаваліся лекцыі на педагагічным факультэце БДУ, наведванне археалагічных экспедыцый, праца ў Дзяржплане БССР, заканчэнне «Істории Белоруссии». Многія ініцыятывы вучонага здзейсніліся толькі праз дзесяцігоддзі.

Нажаль паразумення вучонага з партыйна-дзяржаўным кіраўніцтвам БССР не адбылося і яно дамагаецца выдалення М. Доўнар-Запольскага з Беларусі. Следам распачынаецца згортванне беларусізацыі. Вучоны памё у Маскве, пацвердзіўшы сумную ісціну, што выдатныя сыны Беларусі не застаюцца ў яе землі і нават памаць пра іх вяртаецца праз дзесяцігоддзі і з вялікай цяжкасцю.

Напаўзабытым застаецца і Васіль Селіванаў – вядомы эсэраўскі дзеяч, які ў адказны момант беларускага самавызначэння – пры падрыхтоўцы Усебеларускага з’езда – адыграў важную ролю.

В. Селіванаў не быў уражэнцам Гомельшчыны, ён нарадзіўся ў 1889 ў Клімавіцкім павеце Магілёўскай губерні, аднак, важныя перыяды яго дзейнасці былі звязаны якраз з Гомелем. Паходзіў ён з сялянскай і не беднай сям’і, якая здолела даць сыну гімназічную адукацыю. Аднак не давучыўшыся да канца, юнак адпраўляецца туды, дзе многія суайчыннікі шукалі лепшай долі – у Кіеў. Тут ён пачынае пралетарскую біяграфію працай на буйным цукровым заводзе, назірае падзеі 1905 г., пад уплывам якіх уступае ў мясцовую арганізацыю партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў. Ужо першы ўдзел у палітычнай акцыі – арганізацыя ў 1907 г. забастоўкі на заводзе заканчваецца арыштам і высылкай з Кіева.

Пасля вызвалення В. Селіванаў пэўны час працуе ў Польшчы і Нямеччыне, затым вяртаецца ў Кіеў. У 1915 г. ён быў змобілізаваны на Заходні фронт, у 1916 г. удзельнічаў у буйнейшай аперацыі рускай арміі пад Баранавічамі, якая скончылася неўдачай і канчаткова здэмаралізавала і рэвалюцыянізавала салдатаў. З лютага 1917 В. Селіванаў – сябра франтавога салдацкага камітэта і з гэтага моманту не пакідае палітычнай дзейнасці. Неўзабаве ён трапляе ў кіруючыя структуры Партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў, далучаецца да яе левага крыла.

У дні Першага ўсерасійскага з’езда сялянскіх дэпутатаў адбываецца сустрэча, якая вызначыла пэўны паварот у свядомасці і дзейнасці палітыка – знаёмства са старшынёй Беларускага абласнога камітэта на з’ездзе Яўсеям Канчарам. В. Селіванаў самым актыўным чынам уключаецца ў працу БАК па «арганізацыі палітычнага ўладкавання Беларусі». Калі камітэт дамогся стварэння пры Наркамаце нацыянальнасцяў РСР беларускага аддзела, у яго ўвайшлі толькі

2 чалавекі: блізкі да к М. Фрунзе Філіп Караткевіч і Васіль Селіванаў.

Менавіта апошні стаў бліжэйшым паплечнікам Я. Канчара ў справах удзелу БАК у падрыхтоўцы Ёсебеларускага з'езда, узначаліў на ім эсэраўскую секцыю. Поўнасьцю падзяляў В. Селіванаў абурэнне разгонам з'езда і разам з Канчарам накіраваўся ў Маскву, спрабаваць распавесці ў праўду пра падзеі ў Мінску. Удзел у БАК і Усебеларускім з'ездзе, магчыма, былі для В. Селіванава момантам найбольшага раскрыцця яго здольнасцей палітыка. Я. Канчар, распавядаючы у Наркамнацы РСР пра патэнцыял БАК вызначыў В. Селіванава як «замечательного самородка».

Надалей, відавочна, у светапоглядзе палітыка класава-сацыялістычныя каштоўнасці перамаглі над нацыянальнымі. Ён заставаўся на леваэсэраўскіх пазіцыях, крытыкаваў міжнародную і аграрную палітыку бальшавікоў, за што неаднаразова арыштоўваўся імі, але ўрэшце-рэшт сам перайшоў у камуністычную партыю. Бальшавікам спатрэбіўся патэнцыял гэтага чалавека. За сваю кар'еру яму неаднойчы давялося пабыць на адказных пасадах ў крытычныя моманты савецкай улады. Ён быў абраны старшынёй Магілёўскага губвыканкама напачатку 1918 г., але пакінуў пасаду ў знак пратэсту супраць Брэсцкага міру і ўвядзення камітэтаў беднаты на вёсцы. З прыходам нямецкай акупацыі В. Селіванаў на эвакуіраваўся, як астатнія кіраўнікі губерні, а застаўся на падпольнай рабоце, з кастрычніка 1918 узначаліў гомельскі рэўкам, рыхтаваў вяртанне савецкай улады, якая адразу даручыла яму самую цяжкую пасаду – старшыні прадкама. З пачаткам савецка-польскай вайны В. Селіванаў сфарміраваў і ўзначаліў «Першы Гомельскі камуністычны пралетарскі батальён», пабываў з ім на фронце і ў польскім палоне, пасля кароткі час займаў пасаду старшыні Гомельскага гомельскага губвыканкама. У 1930-я гг. апынуўся ў Маскве. У лютым 1941 г. быў арыштаваны, асуджаны «за антысавецкую агітацыю і тэрарыстычныя намеры» на 8 год папраўча-працоўных лагераў. Адтуль ён ужо не вярнуўся. Месца высылкі, як і месца, а таксама дата смерці гэтага здольнага дзеяча з пакручастым лёсам застаюцца невядомымі.

Гомельшчына 1918 г. аказалася фармальна аддзеленай ад Беларускай Народнай Рэспублікі. За гэты стратэгічны кавалак беларускай тэрыторыі ў той год змагаліся больш моцныя суседзі – Украіна і Расія. Украіна здолела пакарыстацца рэгіёнам амаль год, РСФСР – з 1919 г. і да 1924–1926 гг.. Але ўнёсак Гомельшчыны ў беларускую справу на этапе яе станаўлення сведчыў, што працэс беларускага дзяржаўнага самавызначэння няўхільны.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1 Лебедзева, В. Пуцявінамі змагання і пакутаў: Палута Бадунова. Мінск: Тэхналогія, 2004.

2 Даследчык гісторыі трох народаў: М. В. Доўнар-Запольскі : зб. навук. арт. і дак. па матэрыялах Першых і Другіх Доўнар. чытанняў / Гом. дзярж. ун-т ; пад рэд. В. М. Лебедзевай. – Гомель: Рэчыца, 2000.

УДК 94(476):26-44:316.62

А. П. НАРИЖНАЯ

(Гомель, УО «Белорусский
торгово-экономический университет
потребительской кооперации»)

СТАНОВЛЕНИЕ МАССОВОГО ФИЗКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ЧАСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

В 1920-е годы население БССР было включено в относительно благоприятную для национально-культурного развития среду, особое значение и новые формы приобрело среди различных социальных движений физкультурное, получив особую идеологически-ценностную ориентацию.

Гомельская губерния тяжело отходила после военных действий. Главное управление всеобщего военного обучения, стремясь сократить созданную сеть спортивных клубов и кружков, приняло решение о подготовке районных спортсменов. Однако экономические возможности страны еще не позволяли содержать за счет государства широкую сеть спортсменов, и в отдельных районах физкультурная работа продвигалась медленно. Из протокола № 22 заседания пленума Новобелицкого Райкома РКП(б) от 3 августа 1923 г.: «культработу в достаточной мере развернуть не удалось, благодаря остановке фабрики «Пламя Революции». Школы... все были закрыты. Из кружков существует спортивный, остальные приспособить к летнему периоду не удалось... Жили рабочие за счет кассы взаимопомощи. ... фабкому обратить внимание на детей рабочих, для привлечения их в школы» [1, л. 131–132].

Семья патриархального типа с религиозным мировоззрением как

основной ранее институт первичной социализации должна была постепенно ослабляться, советская школа и комсомол вытесняли ее влияние, продвигая классовый подход, занимая патерналистскую позицию в воспитании молодежи. Давалась идеологическая установка коммунистической партии как можно меньше времени юношеству проводить в семье, так как в деле формирования нового советского человека молодежь представлялась основным объектом воздействия. На Новобелицком общем районном собрании РКП(б) в августе 1923 г. рассматривался вопрос о работе Женотдела в деле освобождения женщины от оков патриархальной семьи, религии. В районе насчитывалось 500 работниц, из них – 260 молодежь и подростки, 100 были безграмотны. Ликвидацию безграмотности проходило 80, а школу политграмоты посещало 40 человек, но она распалась. 75 % работниц выписывали газеты и 200 человек подписались на журнал «Работница», вся молодежь – на «Набат молодежи». Крайне интересно следующее: несмотря на 89 собраний и совещаний, где работница обрабатывалась путем постановки докладов воспитательного характера, антирелигиозная пропаганда все же не дала существенных результатов, а кружок естествознания просуществовал недолго. Портрет женщины-работницы Новобелицкого района дополнили сведения об остром дефиците ясельных мест и об отсутствии проституции [1, л. 142–143].

ВСФК Белоруссии, энергично устанавливая связь с окружными и районными советами, оказывал им помощь в строительстве спортивных площадок, простейших гимнастических городков. Широкое распространение получили недели физкультуры, пропагандировавшие физическую культуру как важнейшее средство оздоровления. В феврале 1923 г. прошел 1-й Всебелорусский зимний праздник физкультуры, в программу которого были включены соревнования по гимнастике, тяжелой атлетике, лыжному и конькобежному спорту. Красочной демонстрацией физкультурников и парадом в августе 1924 г. в Минске начался 1-й летний Всебелорусский праздник физической культуры. Более 200 сильнейших спортсменов в составе 8 сборных команд округов приняли участие в продолжавшихся шесть дней соревнованиях по легкой атлетике, футболу, баскетболу, теннису, велоспорту [2, с. 135–139].

В Гомеле в 1924 г. состоялось открытие Дома Физкультуры, 23 декабря после ремонта в нем демонстрировали применение аппаратов и художественно-показательной работы, также распространили спецбюллетень, посвященный деятельности Гомельского ГСФК за 1923 год. Решили ввести постоянный лыжный день в Гомеле с

групповыми вылазками, для чего 50 пар лыж оставили для городской станции. Также приобрел единую форму членский билет спортивной организации «Спартак» [3, л. 31]. В целом зимний сезон 1924–1925 гг., как свидетельствуют циркуляры Гомельского губернского совета физической культуры за подписью Председателя ГСФК Матвея Хавкина у кружков физкультуры профсоюзных организаций был построен «с расчетом использования природных средств. Лозунг «Все на лыжи!», «Все на свежий воздух!» следует ставить в основу проведения физической культуры зимой. Работу проводить в двух формах: кружковой и массовой, а из числа кружковцев начинать готовить будущих помощников инструкторов». Кроме того, рекомендовалось «в каждом отдельном профсоюзе учесть и избегать в упражнениях тех движений, которые встречаются в производственных работах той или иной группы рабочих» [4, л. 5].

В 1925 г. гомельчане участвовали в праздничных мероприятиях, приуроченные к 6-летию РЛКСМ. Кроме того, 1 мая состоялся парад физкультурников. План празднования юбилея РЛКСМ предусматривал проведение торжественных вечеров в организациях, воинской части, подшефной деревне, пионерских отрядах. На вечерах планировался прием в пионеры, комсомол и партию, чтение докладов «Год без Ильича», «О работе городской организации», заслушивание отчетов председателей Губернского отдела образования и правления «Спартака». Уголок истории Гомельской городской организации посвящался погибшим товарищам. Кроме того, необходимо было подготовить рабочую молодежь к принятию шефства над зарубежной революционной организацией. К открытию готовили выступление пионеров, ближе к концу – выступление «Спартака» с инсценировкой, рисующей основные моменты становления организации в виде календаря в стихотворной форме. Показательно, что он иллюстрировался гимнастическими «живыми фигурами» спортсменов из «Спартака» [5, л. 31–32].

Однако немало трудностей предстояло еще преодолеть на пути к реальной массовости физической культуры. Во-первых, ГСФК решил активнее «охватить всех членов клуба, рабочих на предприятии, учреждении, а также членов их семей, пропагандируя значение санитарных условий труда и быта, как на работе, так и в часы отдыха, как путем устной пропаганды, так и живым примером. Для этого организовать кружковцами стенгазеты, беседы, лекции, специальные физкультурные инсценировки, праздники по физкультуре, массовки в виде вечеров коллективного отдыха и развлечений и всеми силами

стремиться вовлечь рабочих предприятия к совместному участию в играх, экскурсиях на лыжах, катанья с гор на салазках. Ликвидация физкультурнеграмотности среди кружковцев, членов клуба ... через беседы, дискуссии и чтения по вопросам гигиены, физиологии труда, оздоровления труда и быта, сопровождая их демонстрацией диапозитивов, вовлекая в эту часть работы врачей и специалистов-лекторов» [4, л. 6].

Во-вторых, постоянно использовать СМИ, поэтому неслучайным представляется решение Бюро Гомельского Губкома РЛКСМ от 6 апреля 1925 г. «просить редакцию газеты «Полесская правда» усилить освещение на страницах газеты вопроса физкультуры. Редакция газет «Набат молодежи» и «Искра Ильича» регулярно освещать этот вопрос. Считать необходимым введение периодического освещения и в газете «Новая деревня», ибо это элемент «внедрения новой культуры, отвлекающей молодежь от пьянства, хулиганства, курения, азартных игр» [3, л. 32; 23, л. 4]. В то время члены физкультурно-спортивных кружков Гомельской губернии наиболее часто оформляли подписку на журнал «Известия физической культуры» и газету «Красный спорт».

В-третьих, лучший метод укрепления смычки города с деревней – это проведение Дня физкультуры прямо в деревнях, поэтому 31 мая 1925 г. стал таким агитационным днем. Выступление и момент пребывания в деревне использовался специально для организации физкультурной ячейки в деревне. Инструкция предписывала подробно к предстоящему съезду подготовить лучших ребят для проведения совместно с деревенской молодежью: 1. общего массового упражнения; 2. эстафет круговых, с палками и прыжками, с чехардой; 3. игр: пятнашки, третий лишний, день и ночь, не зевай и пр.; 4. игр в городки, футбол, баскетбол; 5. пирамид; 6. соревнований примитивных в беге, прыжках, метаниях [4, л. 62].

В-четвертых, нужно было срочно расширять поиск источников финансирования. Нехватка денежных средств не позволила ВСФК Белоруссии даже направить команду белорусских спортсменов для участия в первом Всесоюзном празднике физической культуры. Удалось это только Витебскому ОСФК. Если одни волости, например, как Чечерский ВК РЛКСМ просят прислать инструктора по спорту на летний период и может обеспечить оплату 30-35 р. в месяц, то Поддобрянка и Носовичи извещали о том, что у них денег на это нет [4, л. 67].

Однако в отношении соревнований ЦК РКП (б) подчеркивал, что они должны быть одним из способов вовлечения масс в занятия

физической культурой и спортом и выявления достижений, как индивидуальных, так и, особенно, целых коллективов. Поэтому 12–14 сентября 1925 г. в Гомеле состоялись соревнования по физической культуре Гомельского уезда, были городские коллективы «Бумажники», «Химики», «Кустари» и коллектив из г. Чечерска. Виды соревнований: метание диска, толкание ядра, прыжки в высоту с разбега, прыжки в длину с разбега, бег на 100 м. По результатам победу одержали т. Морозов из «Бумажников» (пробежал за 12,5 с, толкнул ядро на 16 м 47 см – 8,76 пр. и лев. 6,54), т. Сицинский из «Бумажников» (прыгнул на 1 м 36 см в высоту, и на 4 м 89 см в длину), т. Ходькин Лука из «Бумажников» (метание диска на 25 м 18 см) [3, л. 41].

В ноябре 1925 г. состоялся Всебелорусский съезд по физической культуре, после нового административного деления республики быстро стали создаваться Советы Физкультуры. В их состав вошли представители райкомов партии и комсомола, райисполкомов и райздравотделов. Ими через прямое анкетирование отслеживался социальный состав членов физкультурных кружков и их инструкторов. Например, анкета включала следующие разделы: адрес, образование, партийность, какой возраст предпочитают тренировать и какую литературу выписывают, какие предпочитают виды физкультурной подготовки.

Люди чаще отвечали, что им ближе т. н. «сокольское», чем «шведское» физическое воспитание. Присутствовал раздел и о службе в старой армии, о стаже работы по физкультуре и спорту, об инструкторском стаже, в заключение надо было отразить свою общественную работу [3, л. 41]. Дело в том, что со времени V Всероссийского съезда РКСМ (11–19 октября 1922 г.) велась открытая борьба со старыми буржуазными спортивными организациями, – «соколами», «Маккаби» и т. д., развитием спортивной работы, затем посредством законодательных мер, материальной изоляции их, бойкота, недопущения к состязаниям и т. д., вплоть до ликвидации. К враждебным буржуазным организациям причислялись скаутские союзы, организации из «Маккаби» и других националистических союзов, комсомол обязан был отслеживать, чтобы они не перерегистрировались вновь.

Однако не все устраивало ЦК ВЛКСМ, как видно из переписки местных комсомольских органов с Москвой. В сводке-отчете по городу Минску и Минскому округу (1926 г.) негативно говорилось о 976 комсомольцах, охваченных физкультурой по округу как о незначительном результате, в то время, как «прочей» молодежи в

кружках физкультуры огромное количество. Так очевидным становится тот факт, что руководство физкультурным движением должно было отвечать не только профессиональным критериями, но и политическим. В одном из информационных материалов присутствует соответствующий отзыв: «Недостаточно инструкторского состава в Белоруссии, слабая его подготовка, а также то, что весь квалифицированный состав инструкторов в большинстве своем бывшие офицеры и члены ранее существовавших буржуазных спорторганизаций. ... всего руководителей 26 чел. (по Минску). Специальное образование из них имеет 10 чел. ...Нисколько не лучше дело обстоит и в других местах СССР» [6, с. 70–71].

Как правило, помимо политического фильтра, к ним предъявлялись повышенные требования и в отношении трудовой дисциплины, поведения, моральных качеств. Однако вынесение строгих выговоров, порицаний и лишение партийных билетов по отношению к членам руководства партийных ячеек (оно входило в СФК) Гомельского городского районного комитета КП(б)Б Гомельского округа происходило регулярно. Исходя из протоколов пленумов, например, за неуплату членских взносов, за дебош и пьянство и за халатное отношение к партобязанностям, за некоммунистическое поведение и за выпивку во время праздника, посещение бала-маскарада, за избиение прислуги. Имеется также важное для понимания повседневности 1920-х годов распоряжение Гомельского райкома КП(б)Б о воспрещении найма прислуги без разрешения комитета и ячейки, о снятии религиозных атрибутов в помещениях коммунистов и живущих с ними родственников, о недопустимости ношения коммунистами золота и всякого рода ценных безделушек и пр. в духе актуального революционного аскетизма [7, л. 13об.–14].

1927 год стал годом активной подготовки белорусских спортивных организаций к Всесоюзной спартакиаде, а сам 1928-й спартакиадный год начался 4-м Всебелорусским зимним праздником физической культуры. В июле состоялась I Всебелорусская спартакиада, в которой приняло участие 572 лучших спортсмена республики [8, с. 22–32].

После утверждения Президиумом ЦИК СССР 1 апреля 1930 г. Всесоюзного совета физической культуры усилился государственный контроль и руководство работой по физической культуре, проводимой государственными организациями, профсоюзами, ВЛКСМ, кооперацией, добровольными обществами и т. д. Слияние всех общественных движений с широкой социальной базой и высокой самостоятельной активностью в итоге позволило обеспечить бурное

становление массового физкультурного движения и спорта в СССР и БССР, других республиках. Стратегическая правильность данных шагов проявилась в 1940-е годы, так как все физкультурно-спортивные мероприятия были ранее прямо увязаны с решением задач по обороне страны. Доминирование агитационно-пропагандистских и административных методов в ходе политико-идеологических кампаний, применение формально-количественного подхода для улучшения показателей в уезде, губернии добавляло сложностей на пути сознательного участия широких народных масс Гомельщины в 1920-е годы в тех формах социальных движений, которые как раз и были мощной поддержкой становления гражданской активности населения, расширения и защиты его политических и социально-экономических прав, а именно кооперативного, профсоюзного движений. Активность жителей Гомельского региона в религиозной жизни была направлена на защиту основного гражданского права свободы вероисповедания. Стремительней всего в БССР развивалось массовое физкультурное движение, инициированное Советской властью и крайне удачно совпавшее по времени со становлением нового мирового тренда на здоровье, спортивные достижения в индивидуальных, коллективных видах спорта и превратившегося сегодня в отдельную отрасль экономики.

Список использованных источников и литературы

1 Протоколы пленума, заседаний бюро Новозыбковского укома, Новобелицкого общего районного собрания // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 5 Оп. 1 Д. 604.

2 История физической культуры и спорта: учеб.-метод. комплекс для студ. спец. 1-03 02 01 / Сост. и общая ред. В. Ю. Дятлова. – Новополоцк: УО «ПГУ», 2005.– 244 с.

3 Протоколы заседания бюро Гомельского губкома РЛКСМ от 06.04.1925, протоколы заседаний ячеек РЛКСМ и сведения о результатах соревнований по физической культуре (02.12.25-14.09.25) // ГАГО. – Ф.82 Оп. 1 Д.3.

4 Циркуляры Гомельского губсовета физической культуры 13.01.-30.11.1925 г. // ГАГО. – Ф. 82 Оп. 1. Д. 6.

5 Переписка спортивной организацией имени Спартака с секциями физкультуры по организационным вопросам // ГАООГО. – Ф.5 Оп. 1 Д. 853.

6 Мусина, Н. Е. Государственная молодежная политика в БССР в 1920-е годы // Н. Е. Мусина.– Витебск: ВГМУ, 2015.– 147 с.

7 Отчет Гомельского Городского Районного Комитета партии и состояние Гомельского Городского Районного органа Р.К.П. (б) 1922-1923 гг. // ГАООГО. – Ф. 5 Оп. 1 Д. 765.

8 Нахаева, Е. М. История физической культуры и спорта. Отечественная физическая культура и спорт // Е. М. Нахаева.– Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2016.– 56 с.

УДК 94(476):631.171

А. В. КОЛОС

(Институт истории НАН РБ, соискатель)

МЕХАНИЗАЦИЯ В БССР НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД 1929–1941 ГОДОВ

Сельское хозяйство являлось основой экономики Беларуси в дореволюционный период. После прихода к власти большевиков в аграрном секторе экономики начинаются преобразования, изменившие экономическое положение. Важным этапом социалистических преобразований конца 1920 – начала 1940-х гг. являлась политика коллективизации, одним из элементов которой являлась механизация сельского хозяйства.

Сельское хозяйство являлось основой экономики Беларуси в дореволюционный период. После прихода к власти большевиков в аграрном секторе экономики начинаются преобразования, изменившие экономическое положение. Важным этапом социалистических преобразований конца 1920 – начала 1940-х гг. являлась политика коллективизации, одним из элементов которой являлась механизация сельского хозяйства. В советской историографии теме механизации и организации МТС уделялось огромное внимание, но она изучалась с позиций классового методологического подхода, по этой причине в исследованиях советского периода присутствовали идеологические штампы марксизма-ленинизма. В современной российской историографии исследователи пересматривают данный вопрос. В белорусской историографии теме механизации уделяется недостаточное внимание. Поэтому в данном исследовании была

поставлена цель, выяснить, как механизация сельского хозяйства повлияла на рост производительности на примере отдельного региона Беларуси – Гомельского. Территориальные границы исследования охватывают Гомельский округ, а затем после ликвидации в 1930 г. и районы Гомельской области образованной в 1938 г.

Социалистические реформы в сельском хозяйстве преследовали цель обеспечения продовольственной и производственной безопасности населения городов и армии. В условиях международной изоляции, единственным источником создания материальной основы социализма – крупной машинной промышленности, являлось сельское хозяйство. С целью улучшения поставок зерна и другой продукции сельского хозяйства в города и на экспорт, крестьянские хозяйства необходимо было объединить в коллективные формы обработки земли. Важным условием перехода к данному типу земледелия являлась замена тяжелого ручного труда (косьба, весенний сев, уборка урожая) механическим, в первую очередь при помощи тракторов. Еще на VIII съезде РКП(б) В. Ленин говорил: «Если бы могли дать завтра 100 тыс. первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию, т. е. за коммунизм» [1, с. 3]. Однако данная концепция не могла реализоваться вначале 1920-х гг., так как перед Первой мировой войной на всю Российскую империю насчитывалось 165 тракторов [2, с. 2]. Даже в такой мощной индустриальной стране как США уровень механизации вначале 1920-х гг. оставался низким, и ограничивался преимущественно земледелием. Например, в 1925 г. на американских фермах уровень применения механического труда составлял всего 3,5% [3].

Гражданская война усугубила экономический кризис. На территории ССРБ, в совхозах, артелях, коммунах наблюдался дефицит сложной техники. В 1921 г. в совхозах, существовавших в данное время, одна лошадь приходилась на 122 га земли, практически весь инвентарь находился в неисправном состоянии, не хватало плугов [4, л. 185]. Практически все крестьянские хозяйства ощущали потребность в 25 тыс. плугах, а в 1922 г. промышленность Беларуси выпускала всего 900 единиц [5, л. 236]. На практике кооперативы не пользовались авторитетом среди крестьянства. Например, по Гомельской губернии число коммун сократилось с 123 в 1919 г. до 34 в 1923 г. Кризис кооперации ставил под угрозу существования советского государства, поэтому партия принимала всевозможные меры по организации вступления крестьянства в коллективные объединения. Одним из важных факторов, являлась механизация коммун, артелей [6, с. 178].

В 1924 г. В СССР начался выпуск лицензионного трактора «Фордзон-Путиловец», однако выпуск производился в количестве, неспособном обеспечить охват тракторизацией все регионы СССР. За 1924–1925 гг. советская промышленность смогла выпустить 457 тракторов. Выпуск тракторов сопровождался многочисленными проблемами, многие детали приходилось импортировать из-за рубежа (например, карбюратор). Подавляющая часть сельскохозяйственной техники экспортировалась из-за границы, в первую очередь из США, что вызывала проблемы с эксплуатацией [7, с. 5].

Не во всех регионах СССР трактора могли применяться эффективно. Одним из таких регионов являлся Гомельский, который находился в БССР. В условиях заболоченности, малоземелья, наличие песчаных почв применение сложной техники было весьма ограниченным. Песчаные почвы приводили так же к быстрому износу техники. Например, в Речицком уезде на начало 1920-х гг. только 269 647 га земли можно было использовать в сельскохозяйственном назначении, а 100 тыс. га занимали болота и 70 тыс. га земли приходилось на лесной фонд [8, с. 130]. По причине заболоченности и неземлеустройства кооперативы имели малые площади. В 1928 г. на одно коллективное хозяйство по БССР приходилось 44 га земли [9, с. 534].

До начала сплошной коллективизации уровень механизации сельского хозяйства в БССР во второй половине 1920-х гг. оставался низким. В 1926 – 1927 гг. на два кооператива приходилось: 1 сенокосилка, 1 сеялка, 1 конные грабли. В 1924 г. в республике насчитывалось всего 13 тракторов. Что бы улучшить техническое состояние кооперативов на 1927–1928 гг. была ограничена продажа техники частным лицам [10, с. 91]. По состоянию на 1 июня 1928 г. в кооперативах насчитывалось всего 39 тракторов, основу которых составляли американские «Фордзоны» [11 с. 28]. Количественный рост артелей привел к увеличению земельной площади обслуживаемой тракторами. Если в 1927 г. по БССР на один трактор приходилось 800 га земли, то в 1928 г. площадь обработки увеличилось до 900 га, а в 1929 г. до 2000 га. Рост коллективного землепользования без обеспечения необходимыми машинами вызвал образование артелей, основанных на ручном труде или использовании архаичных деревянных борон, что противоречило социалистическому землеустройству [10, с. 91]. Часто в артелях и коммунах не наблюдалось специалистов не только в управлении тракторами, но и использованию сложной техники. Например, в «Днепровской коммуне» Лоевского района, когда районное правление предоставила

машину по очистке льна, то она простояла без дела, по причине неумения ей пользоваться [12, с. 237].

Дефицит сложной техники, и отсутствие квалифицированных кадров, вызвал у руководства идею образования государственных предприятий, получивших в дальнейшем название машинно-тракторные станции (МТС). Данные структуры должны были стать не только центром технического перевооружения сельского хозяйства, но и стать центром контроля советского правительства над крестьянством. Толчком к реализации данной программы стала организация в 1928 г. в Одесской области агрономом А. И. Маркевичем, на базе тракторной колонны первой МТС [13, с. 71].

На 1929 г. советским правительством было предусмотрено строительство первых 100 МТС, преимущественно в зерновых районах Советского союза. Однако на 1929 г. для БССР не было предусмотрено ни одной МТС, что заставила секретаря Яна Гамарника и председателя СНК Н. М. Голодеда, обратиться в Москву с просьбой о выделении для Беларуси трех МТС, мотивируя необходимостью скорейшего проведения политики коллективизации и ликвидации многочисленных хуторов. В январе 1930 г. бюро ЦК ВКП (б) Б поручило СНК БССР определить места и количество МТС в республике. 4 февраля того же года Народный комиссариат земледелия БССР получил сообщение о выделении для республики одной станции. Было принято решение о ее размещении в одном из районов Минского округа. На это право претендовали два района – Койдановский и Плещеницкий. Предпочтение было отдано Койдановскому, по причине наличия в районе польского национального сельсовета, что позволяло государству освободить район от «классово-враждебных элементов» [14]. На вторую половину 1930–1931 гг. по БССР планировалось построить МТС в 25 районах и зачастую строительство МТС проводилось в пограничных районах или районах, специализировавшихся на выращивании льна, зерновых. Данная политика преследовала главную цель – максимально охватить все регионы республики для скорейшего проведения политики коллективизации. Увеличение количества МТС позволила выработать определенные формы организации труда. Основной единицей стала бригада. Директор МТС назначался наркоматом земледелия БССР. Отношения артелей с МТС регулировались договоренностью об оплате услуг продуктами сельского хозяйства. Зачастую они регулировались указанием сверху, а не урожаем, собранным артелями. Уже с данного постановления стало очевидно, МТС создавались лишь с целью контроля над сбором продовольствия для обеспечения индустриализации, без учёта интересов крестьян. [13, с. 72].

При организации МТС часто не учитывались особенности регионов БССР, в начале проведения политики коллективизации, должным образом не было проведено землеустройство артелей, на первых порах наблюдалось не укомплектованность нужной сельскохозяйственной техникой. Самым главным недостатком являлось отсутствие трудовой дисциплины и специалистов.

В Гомельском районе первая МТС была организована в 1931 г. и по состоянию на 1 декабря 1931 г. в ней насчитывалось 16 тракторов отечественных марок «Фордзон-Пуциловец», «Интернационал», которые обслуживали 20 колхозов, с площадью пахотных земель 6075,15 га. Другими словами, в перерасчёте на 1 артель в изучаемый промежуток времени приходилось 0,8 трактора, который должен был обработать 379,6 га земельной площади, что явно было недостаточно для полного охвата всех полей тракторами. Не всегда техника находилась в исправном состоянии. В сентябре 1932 г. девять тракторов из 16 не могли работать на полях, что и без того уменьшало площадь обработки полей. Гомельский регион по причине заболоченности почв нуждался в гусеничных тракторах американской марки «Катерпилер», способные работать на мелиоративных землях, но в ходе исследования не было выявлено наличие данной техники в МТС [15, с. 32].

Начальная стадия развития советской цветной металлургии вызывала недостаток цветного металла. В остром дефиците находились детали, содержащие цветной металл. Ситуация с запасными частями стала настолько острой, что в 1932 г. вышло постановление об использовании старых запасных частей, если они находились в удовлетворительном состоянии [16, л. 29]. Исправные трактора то же не всегда справлялись с возложенными задачами. Разбросанность земельных участков влекла за собой отставание от графика выполнения сельскохозяйственных работ. Например, при выполнении весеннего сева в артели «Коммунар» Гомельского района на площади 62,6 га, по причине разбросанности полей на 28 мелких участках площадью от 0,3 до 5 га, весенний сев отстал от графика на 4 дня. Работа на мелких участках влекла за собой перерасход топлива. Чтобы уменьшить перерасходы топлива, при сельхозартелях должны были находиться емкости для топлива. В 1932 г. по Гомельской, Речицкой МТС наблюдался дефицит емкостей. Республиканские власти требовали от МТС самостоятельного поиска емкостей [16, л. 46–47].

Основной проблемой всех МТС в начале 1930-х г. являлась низкая обеспеченность квалифицированными кадрами и низкая трудовая дисциплина. Как отмечалось на сессии ЦИК СССР «Об укреплении колхозов»: «МТС являются важны рычагом технического

переворужения колхозов». И как высказывалось далее – эффективность работы МТС зависит от руководства и дисциплинированности. На практике в первые годы деятельности МТС по региону, наблюдалась бесхозяйственность руководства, низкая трудовая дисциплина, отсутствие специалистов [17, с. 73].

Например, в 1932 г. когда в Гомельскую МТС начали поступать трактора марки «Монарх», не нашлось ни одного специалиста способного упряжать им. По причине отсутствия специалистов наблюдалось неудовлетворительная эксплуатация тракторов. На техническом совещании механиков при Рогочевской МТС, механик Гомельской МТС И. Ледохович констатировал факты частой поломки тракторов «Фордзон-Путиловец» по причине чрезмерной эксплуатации, неправильного технического обслуживания [16, л. 114-115]. В Речицкой МТС в 1933 г. трактора ремонтировались ненадлежащим образом. По свидетельству источников, трактора после ремонта, проехав километр пути, остановились и требовали дальнейшего ремонта. В артеле «Советская Беларусь» Речицкого района картофелекопалка после работы была брошена в поле и находилась в неудовлетворительном состоянии [18, с. 2].

При Речицкой МТС поднятие целинных земель обернулось провалом. Неправильная эксплуатация тракторов не позволила на должном уровне обработать целинные земли. Причиной, являлась установка плугов на глубине неспособной обработать тракторами марки «Фордзон-Путиловец». Во избежание провала, руководство постановило уменьшить глубину постановки плугов [8, с. 156]. Часто наблюдалось халатное отношение руководства к выполнению своих должностных обязанностей. Например, в Речицкой МТС на 1933 г. было обмолочено 42% льна, руководство не предпринимало никаких мер по улучшению показателей [18, с. 2].

Вышеизложенные причины снижали производительность тракторного парка. Например, вначале 1930-х гг. по Гомельской МТС, простои тракторов составляли 55 % [15, с. 32]. По Будо-Кошелевскому району за 1932 г. наблюдалось 10 аварий тракторов, перерасход горючего составил 18%, что повлекло за собой убытки на сумму 12 млн. рублей [19, с. 181]. По Речицкому району на 1933 г. простои тракторного парка составили 50% [18, с. 3].

С целью улучшения ситуации руководство МТС начало принимать срочные меры. Первоочередным выходом из положения стало организация жестких правил эксплуатации техники. Трактора стали распределяться по видам работы в зависимости от своих возможностей. В одной бригаде стали работать трактора одной марки.

При выполнении сельскохозяйственных работ трактора стали выполнять работу в зависимости от своих технических характеристик. При МТС развернулась активная подготовка специалистов. По состоянию на 1933 г. при Гомельской МТС на курсах проходило обучение 50 рулевых трактористов. Из архивных источников видно, не все трактористы старательно осваивали технику, 4 тракториста были исключены из курсов, 16 трактористов было направлено на работу в тракторный парк, а остальные по причине дефицита техники были выведены в резерв [16, Л. 104].

Огромную роль в улучшении показателей производительности сыграло социалистическое соревнование. Партийное руководство понимало, что в условиях отсутствия конкуренции, единственным методом подъема производительности труда может стать социалистическое соревнование. Для работ на тракторе согласно социалистической идеологии привлекались не только парни, но и девушки, которые показывали результаты не хуже парней. Из источников видно, что трактористки показывали высокие результаты обработки полей. В Лоевском районе комсомолка Софья Ревенок на тракторе «ХТЗ» за 1936 г. обработала 800 га земли, ее труд был овящен в республиканской газете «Звезда» [20, с. 28]. В Ветковском районе Мария Мартыненко на тракторе «ХТЗ» за год обработала 1000 га земли. Другими словами, она обрабатывала 100 га в день. В увеличении показателей проявляли себя и мужчины. Комбайнер М. Демьянов с Закружанской МТС в 1940 г. при норме сбора урожая с площади 160 га, его показатель составил 600 га. Укрепление дисциплины, появление специалистов позволили уменьшить простои техники. По Будо-Кошелевской МТС в 1934 г. они уменьшились на 30% [19, с. 181].

Ввод в строй в СССР тракторных заводов позволил увеличить поставки техники и организовать новые МТС. К 1941 г. по Гомельскому району действовало четыре МТС: Ветковская, Закружанская, Ново-Белицкая, Гомельская. Общий тракторный парк в 1940 г. составил 95 колесных тракторов, 14 пропашных тракторов, 32 гусеничных. В Гомельской МТС насчитывалось 34 колесных тракторов марки «СНТЗ» и «ЛТЗ», пять пропашных тракторов, семь тракторов «ХТЗ» и 13 гусеничных, в том числе три марки «Сталинец». Использование гусеничных тракторов позволила наладить работу на заболоченных почвах. На начало 1940-х гг. по району трудилось 800 механизаторов. Активные поставки техники позволили МТС увеличить площадь обслуживания полей. На 1 декабря 1940 г. посевные площади в колхозах составляли 20 283 га. В перерасчёте на

один трактор площадь пахотных земель составляла 143 га земли, то есть на один колхоз приходилось уже 2,4 трактора [15, с. 36].

В свою очередь, несмотря на увеличение поставок техники, уровень механизации в конце 1930-х гг. оставался неудовлетворительным. В 1938 г. в целом по БССР только механизация весеннего сева превысила 50%, а на остальных видах работ уровень достигал всего 10-20% [13, с. 73].

На протяжении 1930-х гг. механизация сельского хозяйства находилась в начальной стадии своего развития. До начала 1940-х гг. как по территории БССР, так и по Гомельскому региону не удалось достичь полной механизации сельского хозяйства. По старинке вместо тракторов на многих полях продолжала трудиться гуженая сила. Трактора практически использовались на севе и уборке урожая. Поставки техники в начале 1930-х гг. сопровождались частыми проблемами. Главным недостатком являлась малочисленность тракторов, отсутствие специалистов, бесхозяйственность. Только в конце 1930-х гг. благодаря укреплению дисциплины, выработке уставов по эксплуатации техники, подготовка специалистов и социалистическое соревнование позволила наладить правильное использование техники. Полученный опыт способствовал дальнейшей выработке по продолжению механизации сельского хозяйства в послевоенное время и образовал основу для организации выпуска собственной сельскохозяйственной техники.

Список использованных источников и литературы

1 Дубровский, Я. Механизация сельского хозяйства в БССР / Я. Дубровский. – Минск: Редакция сельскохозяйственной литературы, 1957. – 43 с.

2 Сабликов, М. В. Механизация сельского хозяйства в СССР за 40 лет / М. В. Сабликов. – Москва: Издательство министерства сельского хозяйства СССР, 1957. – 38 с.

3 Федотов, Н. Д. Сельскохозяйственное машиностроение и индустриализация СССР. Роль механизации сельского хозяйства [Электронный ресурс] // Плановое хозяйство. 1928. № 2. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/4340>. – Дата доступа: 15.12.2018 г.

4 Стенограмма V съезда (X конференции) КП(б)Б Белоруссии // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 442. Л. 185.

5 Стенограмма VI съезда (XI конференции) КП(б)Б Белоруссии 15-19 марта 1922 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 688. Л. 236.

6 Елизарова, Г. В. Крестьянское землепользование на Гомельщине в период становления советской власти. / Г. В. Елизарова // Гомельщина в событиях 1917–1945 гг.: материалы научно-практической конференции, Гомель, 27 ноября 2007 г. / Белорусский государственный университет транспорта; редакционная коллегия: А. А. Коваленя [и другие]. – Гомель, 2007. – С. 176–181.

7 Вайнер, М. Г. МТС к XV годовщине Октября / М. Г. Вайнер, В. П. Твердовский. – Москва: Сельколхозгис, 1932. – 98 с.

8 Памяць. Рэчыцкі раён у 2 т. / Гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі; рэдакцыйная калегія: Э. Н. Гнеўка [і іншыя]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1998. – Т.1. – 502 с.

9 Протьюко, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси 1917–1941 год / Т. С. Протьюко. – Минск: Тесей, 2002. – 687 с.

10 Ходзін, С. М. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921-1941) // С. М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2014 – 240 с.

11 Калгасы БССР // Цэнтральная статыстычная ўправа БССР: Менск, 1929. – 78 с.

12 Колас, А. В. Дняпроўская камуна – камуністычны эксперымент на Лоеўшчыне / А. В. Колас // От идеи к инновации: материалы XXIV научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, Мозырь, 27 апреля 2017 г.: В 2 ч. / Мозырьский государственный педагогический университет; редакционная коллегия: В. Н. Навныко [и другие]. – Мозырь, 2017. – Ч. 2. – С. 236–237.

13 Ходзін, С. М. Індустрыялізацыя беларускай сельскай гаспадаркі ў 1921-1939 гг.: трансфармацыя зместу / С. М. Ходзін // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2018. – №2. – С. 68– 74.

14 Валаханович, А. К 80-летию Койдановской МТС / А. К. Валаханович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.21.by/>. – Дата доступа: 15.12.2018 г.

15 Памяць. Гомельскі раён у 2 т. / Гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі; рэдакцыйная калегія: І. Ф. Ганджура [і іншыя]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1999. – Т.1. – 324 с.

16 Гомельская МТС. Трактороцентр БССР // Государственный архив Гомельской области (далее ГАГО). – Ф. 584. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–226.

17 Сарокін, А. М. Рэха эпохі крайнасцяў. Беларуская вёска: ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі 1917-1990-х гг. / А. М. Сарокін. – Мінск: ВТ. А. А. Права і эканоміка, 2005. – 299 с.

18 На чыстцы ячэйкі МТС. / Звязда калгаса. Орган палітаддзела Рэчыцкай МТС. – 1933. – 29 верасня. – С.2.

19 Памяць. Буда-Кашалёўскі раён / Гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі; рэдакцыйная калегія: І. В. Кісялёў [і іншыя]. – Мінск: Белта, 2001. – 324 с.

20 Колас, А. В. Механізацыя Лоеўскага раёна ў 1920–1930 гады. / А. В. Колас // Сборник статей студентов, магистрантов, Минск, июль 2017 г. / Белорусский государственный университет; редакционная коллегия: Л. М. Гайдукевич [и другие]. – Минск, 2017. – С. 27–29.

УДК 94:329.614(476.2–37 Житковичи) «1941/1944»

О. В. МАРЧЕНКО

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ЖИТКОВИЧСКОМ РАЙОНЕ ПОЛЕССКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается процесс создания и деятельности подпольных групп, функционировавших в Житковичском районе Полесской области в период фашистской оккупации. Особое внимание обращается на конкретику их борьбы с гитлеровцами, специфику взаимодействия с партизанами.

В годы Великой Отечественной войны белорусскому народу пришлось пережить все ужасы нацистской оккупации. Идеологические установки гитлеровского национал-социализма носили явно античеловеческий и антиславянский характер. Согласно плану «Ост», разработанному немецкими правительственными кругами, большая часть населения БССР подлежала выселению и уничтожению, а незначительная часть – онемечиванию. На оккупированной территории республики стала постепенно

развёртываться всенародная борьба против оккупационного «нового порядка». В ней участвовали мужчины, женщины, старики и дети, которые являлись представителями различных национальностей и религиозных конфессий. Одним из направлений всенародной борьбы являлось советское антифашистское подполье.

Большое значение имело принятие Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., адресованной партийным и советским организациям прифронтовой полосы. В ней был изложен комплекс конкретных мер по организации сопротивления оккупантам [1, с. 22–24]. Конкретизацией этого постановления применительно к местным условиям стала Директива ЦК КП(б)Б № 1 «О переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых врагом». Она была издана 30 июня 1941 г. В ней отмечалось, что во всех городах, районных центрах, рабочих посёлках, железнодорожных станциях, колхозах и совхозах должны были заблаговременно создаваться из числа надёжных лиц подпольные ячейки и явочные квартиры. Осуществление данных мероприятий возлагалось на первых секретарей обкомов, горкомов и райкомов КП(б)Б. При этом в состав подпольных ячеек должны были включаться коммунисты, которые были мало известны в том или ином городе или районе. Общее руководство работой вышеотмеченных структур возлагалось на городские и районные тройки. Они состояли из секретаря райкома или горкома КП(б)Б, военного работника, оргработника [1, с. 34].

Отдельные аспекты, касающиеся организации борьбы на оккупированной территории, были освещены и в Директиве ЦК КП(б)Б № 2 от 1 июля 1941 г. В ней отмечалось, что подпольные организации должны были иметь явочные квартиры, адрес которых должен был быть заблаговременно сообщён военному отделу ЦК [1, с. 35]. Таким образом, данная мера способствовала бы более тесному взаимодействию между собой нелегальных структур.

Партийные и государственные органы Полесской области БССР ещё в первые дни войны стали предпринимать соответствующие меры по организации отпора немецко-фашистским захватчикам. Кроме срочной перестройки экономики региона на военные нужды и проведения мобилизации населения в ряды Красной Армии, были предприняты и шаги по развитию партизанского и подпольного движения на случай возможной оккупации территории области вероломным врагом.

По решению Полесского обкома КП(б)Б от 23 июня 1941 г. общее руководство партизанским и подпольным движением на территории Житковичского района было возложено на секретаря

местного райкома Т. Р. Ковалевского. Однако в октябре 1941 г. он вместе с группой партизан покинул его пределы и оказался в расположении частей Красной Армии. Таким образом, нелегальные структуры на территории Житковичского района на начальном этапе оккупации стали создаваться простыми советскими гражданами.

В конце лета 1942 г. в Житковичах стала функционировать подпольная группа, которую возглавлял бывший инженер Юркевичского лесничества Е. Е. Горев. Она была немногочисленной по своему составу. Помимо самого Е. Е. Горева, в неё входили его сын Игорь, сбежавший из немецкого плена бывший лейтенант инженерных войск Красной Армии Н. П. Корж, И. И. Гарбуз и супруги Татуры. Вскоре подпольщикам благодаря знакомым, проживавшим в д. Юркевичи, удалось установить связь с представителями партизанского отряда, базировавшегося неподалёку от данного населённого пункта. Следует отметить, что в его составе находился капитан Красной Армии И. Н. Банов (Чёрный). Он по заданию вышестоящих органов был заброшен из-за линии фронта на временно оккупированную территорию района для сбора разведывательной информации [2, с. 71].

Руководство отряда известило Большую землю об установлении связи с местными патриотами. На основе полученных из Центра рекомендаций им была составлена инструкция по руководству дальнейшей деятельности подпольщиков. В частности, они должны были выполнять следующие задачи: осуществлять наблюдение за переброской войск и техники по железной дороге, производить поджог немецких складов с военным и хозяйственным имуществом, уничтожать военнотружущих вермахта и местных жителей, перешедших на службу к гитлеровцам. Особое внимание уделялось проведению агитационно-пропагандистской работы путём распространения листовок и сводок Совинформбюро среди населения. В качестве основной задачи рассматривалась ликвидация в будущем немецкого гарнизона в Житковичах. Её должны были осуществить совместными усилиями партизаны и подпольщики [3, с. 127].

Деятельность житковичских патриотов была достаточно разнообразной. Так, например, ими был осуществлён подрыв двух вражеских эшелонов, а также уничтожен склад на железнодорожной станции. Помимо этого, подпольщики занимались распространением листовок, в которых развенчивалась нацистская оккупационная политика. Благодаря их пропаганде многие жители Житковичского района в скором времени оказались в рядах партизан. Однако основной задачей для местных патриотов являлись сбор и передача

разведывательной информации на Большую землю, касающейся движения поездов и дислокации немецких воинских частей. Подпольщиками была проведена большая работа по определению конкретных мест расположения на территории Житковичского района немецких гарнизонов. На ней были обозначены находившиеся в разных населённых пунктах немецкие гарнизоны [4, с. 395]. Впоследствии к подпольщикам примкнули рабочие Ф. М. Детковский, И. Н. Хомченко, а также лейтенант Красной Армии Г. М. Коровченко и др.

В составе Житковичского гарнизона находилась казачья сотня. Примечательно, что её половина состояла из солдат и офицеров различных родов войск Красной Армии, попавших в плен в начале войны. Они несли караульную службу по охране мостов и железной дороги. Военнослужащие отмеченного выше формирования имели возможность беспрепятственно осуществлять перемещение по всей территории района. Вскоре до подпольщиков дошли слухи, что некоторые из них стали проявлять интерес к установлению контактов с народными мстителями. Этим решили воспользоваться патриоты. Вскоре ими была осуществлена вербовка нескольких военнослужащих казачьей сотни. Они отказались от распространения листовок, но при этом дали согласие осуществлять наблюдение за движением поездов по железной дороге. Помимо этого, примкнувшие к антифашистскому сопротивлению военнослужащие выразили готовность осуществлять в дальнейшем проведение диверсий и обеспечивать оружием подпольщиков [2, с. 90–92].

Немцы по доносу местного жителя осуществили обыск в доме, в котором проживал Е. Е. Горев. Он завершился безрезультатно, но оккупанты обратили внимание на стог сена, стоявший во дворе. Всё, что Е. Е. Горев получал из отряда, он хранил в данном месте. При обыске были обнаружены магнитные мины, толовые шашки, листовки. Е. Е. Горев и его сына гитлеровцы забрали в жандармерию.

Первым об аресте Е. Е. Горева узнал подпольщик И. В. Матюнин, служивший в казачьей сотне. Когда командир послал его в полицию с каким-то поручением, то патриот увидел окровавленного Е. Е. Горев и членов его семьи. Он оповестил о страшной новости остальных товарищей. Уже через два часа все подпольщики знали об аресте своего руководителя и на следующий день ушли в лес к партизанам. Однако не всем патриотам удалось избежать ареста. Впоследствии выяснилось, что члены семьи Н. П. Коржа и жена И. И. Гарбуза были схвачены и казнены фашистами. По свидетельству очевидцев, гитлеровцы, чтобы отомстить Н. П. Коржу, арестовали его мать, отца и

родных сестёр, которых впоследствии расстреляли. Были схвачены и зверски замучены подпольщики В. Г. Ярмош, Е. Матвеев, Ф. М. Детковский и др. Расстреляли фашисты и инженера Е. Е. Горева вместе с сыном Игорем. Г. М. Коровченко удалось спастись, и он вскоре примкнул к партизанам из соединения С. А. Ковпака. Гибели удалось избежать и Н. Г. Ярмошу. Он продолжил дальнейшую борьбу с гитлеровцами в составе любанских партизан [4, с. 395–397].

На территории Житковичского района действовал и ряд других групп. Например, в начале августа 1941 г. была создана подпольная группа в д. Кольно. В неё входили Е. Ханеня, Н. Наливайко, Л. Мороз, С. Татарчук, сёстры Нина и Ольга Ламан, Б. Железко, Н. Киселёва. Начинали патриоты с малого. Они срывали объявления немецких властей, а на их месте мелом писали надписи: «Смерть фашистам!» Д. Короткому удалось установить связь с представителями партийного подполья. Он, как выяснилось позднее, был специально оставлен на территории района для организации борьбы с врагом. Следует отметить, что д. Кольно находилась на дороге между Житковичами и Туровом, где размещались крупные гарнизоны гитлеровцев. По ней постоянно передвигалась живая сила и техника противника. Рядом с деревней находилась железная дорога, которая усиленно охранялась [5, с. 404].

В конце октября 1941 г. Е. Ханеня, С. Татарчук, Д. Короткий, А. Головач, М. Киселёв, г. Ханеня оборвали между реками Скрипица и Припять шесть пролётов телефонной связи между Житковичами и Туровом. Через несколько недель подпольщики уничтожили шлюзы на прудах рыбхоза «Красная Зорька» и выпустили рыбу, которую оккупанты планировали использовать для своих нужд. Ими был захвачен и зерносклад в посёлке Красная Зорька. Подпольщики раздали зерно местному населению, а сам зерносклад сожгли [5, с. 405].

Зимой 1942 г. произошло увеличение численного состава комсомольско-молодёжной группы, действовавшей в д. Кольно. Её руководством была установлена связь с подпольщиками из соседних деревень: Черетянка, Пасека, Буйковичи, Водопойло. Патриоты собирали сведения о противнике и передавали их партизанам. Помимо этого, занимались распространением листовок и сбором оружия. Подпольщики д. Кольно установили связь с патриотами, которые действовали в Житковичах. Там проживала большая и дружная семья Зинкевичей. Братья Ф. и С. Зинкевичи работали на железной дороге и помогали подпольщикам организовывать диверсии. Также они передавали народным мстителям ценную разведывательную

информацию. А. Зинкевич занималась переправкой людей в партизанский отряд. Помимо этого, она выполняла поручения его руководства.

Руководитель подпольной группы в д. Кольно А. Головач был одноклассником Н. П. Коржа, который являлся участником Житковичской подпольной группы Е. Е. Горева. Весной 1942 г. бывшие одноклассники встретились и договорились о сотрудничестве. Н. П. Корж оказал большое влияние на патриотов д. Кольно. Он давал ценные указания, передавал листовки, свежие номера газеты «Правда».

В мае 1942 г. А. Головач встретился с командиром партизанского отряда «За Родину» В. И. Просоловым. Ими был разработан план дальнейших действий. Была достигнута договорённость, что часть подпольщиков в скором времени уйдёт в лес к партизанам. Несколько позднее народными мстителями стали М. Киселёв и Н. Наливайко. К концу лета 1942 г. все подпольщики д. Кольно ушли в лес к партизанам [5, с. 406–407]. Следует отметить, что аналогичные нелегальные структуры функционировали и в ряде других населённых пунктах Житковичского района.

Активность партизан и подпольщиков Житковичского и ряда сопредельных районов вызвала серьёзное беспокойство оккупационных властей. Дело в том, что под угрозой оказалась линия железной дороги Гомель–Лунинец–Брест, по которой осуществлялись интенсивные перевозки живой силы и техники гитлеровцев. Немецкое командование разработало специальную широкомасштабную карательную операцию «Февраль». Её целью являлась ликвидация посредством широкой зачистки территории сложившегося в этих краях очага всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков. Для её проведения были привлечены значительные силы, включавшие в себя 5 групп:

- боевая группа «Восток»: 2-й полицейский полк СС, батарея 1-й мотопехотной бригады СС, артиллерийский дивизион 18-го полицейского полка СС, батальон В. В. Гиль-Родионова («Дружина СС»);

- боевая группа «Север»: I батальон 23-го полицейского полка СС, особый батальон СС «Дирлевангер», 57-й батальон вспомогательной полиции, сигнальная полицейская рота № 112, полицейская рота № 12;

- боевая группа «Запад»: I и II батальоны 13-го полка СС, 18-й батальон вспомогательной полиции, батарея 56-го артиллерийского дивизиона вспомогательной полиции, инженерно-сапёрный полицейский батальон;

- боевая группа «Юг»: II и III батальоны 10-го полицейского

полка СС, I батальон 11-го полицейского полка СС, 103-й батальон вспомогательной полиции, миномётная рота «Кольштед»;

-боевая группа «Юго-восток»: 101-й словацкий пехотный полк [6, с. 104–105].

В ходе операции погибло более 2 тыс. партизан. Кроме того, каратели расстреляли и замучили порядка 13 тыс. чел. мирного населения. Гитлеровцы конфисковали у местных жителей 9578 голов крупного рогатого скота, 844 свиньи, 5700 овец, 559 тонн картофеля, 223 тонны зерна. Ещё порядка 2,5 тыс. чел. было угнано на принудительные работы в Германию [6, с. 107]. Карателям не удалось подавить сопротивление советских патриотов. Оно продолжило быть важным фактором реальной жизни народа в условиях немецко-фашистской оккупации.

Таким образом, деятельность патриотов Житковичского района в годы Великой Отечественной войны была достаточно разнообразной. Они осуществляли диверсии, распространяли сводки Совинформбюро среди местного населения, активно взаимодействовали с партизанами и антифашистами из различных стран Европы в совместной борьбе с нацистской «коричневой чумой». Благодаря их умелым действиям немецко-фашистским оккупантам был нанесён значимый урон в живой силе и технике. Несмотря на тяжёлые условия для ведения нелегальной борьбы и гибель ряда своих представителей, местные патриоты способствовали приближению Великой Победы.

Список использованных источников и литературы

1 Гомельщина партизанская : док. и материалы / сост. : В. Д. Селеменев [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2010. – Вып. 1 : Начало : июнь 1941 г. – май 1942 г. – 260 с.

2 Хильман, М. Д. В огне борьбы / М. Д. Хильман – Гомель : Полеспечать, 2015. – 288 с.

3 Банов, И. Н. Данные достоверны / И. Н. Банов – М. : Воениздат, 1968. – 320 с.

4 Банаў, І. М. З іскры – полымя / І. М. Банаў // Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Жыткавіцкага раёна/ рэдкал. : В. Р. Феранц (рэд.-укл.) [і інш.] – Мінск : Ураджай, 1994. – С. 393–397.

5 Галавач, А. У. Праз усе выпрабаванні / А. У. Галавач // Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Жыткавіцкага раёна / рэдкал. : В. Р. Феранц (рэд.-укл.) [і інш.] – Мінск : Ураджай, 1994. – С. 404–407.

6 Жуков, Д. А. 1-я русская бригада СС «Дружина» / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. – М. : Вече, 2010. – 368 с.

УДК 94:322:27-9-523(476.2)«194/196»

О. В. ДРУЗЕНОК

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ДЕЛАМ
РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПО ОТКРЫТИЮ
МОЛИТВЕННЫХ ЗДАНИЙ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ
(СЕРЕДИНА 1940-х – СЕРЕДИНА 1960-х ГОДОВ)**

В статье описана работа уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Гомельской области по открытию молитвенных зданий религиозных культов на Гомельщине в середине 1940-х – середине 1960-х гг.

В годы Великой Отечественной войны политика советского государства в отношении религиозных организаций изменилась кардинальным образом. Комплекс внутри- и внешнеполитических причин заставил правительство перейти к диалогу с церковью. В сложившейся ситуации считалось целесообразным создание органа, через который руководство страны могло бы реализовывать свою церковную политику.

19 мая 1944 года вышло Постановление № 572 СНК СССР об организации Совета по делам религиозных культов. Данный орган был образован для осуществления связи между правительством СССР и руководителями религиозных объединений. К своей работе он приступил 1 июля 1944 г.

В сферу компетенции нового государственного органа входила работа со всеми неправославными объединениями верующих Советского Союза. Организационная структура Совета по делам религиозных культов была создана по образцу образованного годом ранее Совета по делам Русской Православной Церкви.

Центральный аппарат Совета состоял из председателя, заместителя, двух членов Совета, ответственного секретаря. Свою деятельность Совет по делам религиозных культов осуществлял с помощью института уполномоченных, которые назначались им при

Совнаркомах союзных и автономных республик и при обл(край)исполкомах [1, с. 113–114].

В Гомельскую область БССР также был назначен свой уполномоченный Совета по делам религиозных культов. Одной из основных его функций являлось осуществление процедуры открытия молитвенных зданий религиозных культов на территории Гомельщины. Выполняя данную работу уполномоченные опирались на положения соответствующего Постановления СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». Данный документ был принят 19 ноября 1944 года [2].

Исходя из статистических данных о молитвенных зданиях неправославных конфессий, представленных в документах уполномоченного, следует что на территории Гомельской области в 1945 году действующими являлись только культовые сооружения старообрядцев и евангельских христиан баптистов [3].

Согласно Постановлению, уполномоченный обязан был принимать и вести учет заявлений верующих по открытию культовых зданий. Поступающие ходатайства после предварительного рассмотрения подвергались всесторонней проверке. После чего, по ее результатам, уполномоченный составлял соответствующее заключение.

В одном из отчетов 1945 года уполномоченный по делам религиозных культов по Гомельской области А. Боголюбский сообщает о ходатайстве верующих евангельских христиан-баптистов Гомеля на открытие молитвенного дома. Однако общине было в этом отказано по неизвестным причинам (в документе они не обозначены). Также в отчете упоминается заявление верующих евреев на открытие синагоги. Отказ в оформлении указанного заявления уполномоченный объясняет отсутствием необходимых данных [4].

Все тот же А. Боголюбский в своих документах обращает внимание на сложившуюся сложную ситуацию в отношении открытия молитвенных зданий на Гомельщине. Данная проблема возникла вследствие того, что многие церковные здания и молитвенные дома в области были уничтожены в период Великой Отечественной войны и немецкой оккупации. Учитывая сложившиеся обстоятельства гомельские верующие вынуждены совершать религиозные обряды «в частных домах, землянках, используя жилые помещения» [5]. В такой непростой ситуации оказались старообрядцы Новобелицы. Их храм Покрова Богородицы был сожжён во время отступления немецкой армии, о чём и было указано в заявлении верующих о разрешении постройки нового [6]. В процессе решения

своей проблемы новобелицкие старообрядцы старались соблюдать требования Постановления «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». Один из пунктов документа гласил, что ходатайства, поступающие от верующих, должны были подписываться «не менее чем 20 совершеннолетними гражданами из числа местных жителей, не лишенными по суду избирательных прав» [2].

В результате уполномоченному был передан документ, содержащий необходимые данные о верующих-старообрядцах, подписавших заявление на строительство храма. В процессе ознакомления с предоставленным списком стоит заметить, что количество подписавших превышало нужное (20) в 2 раза (в документе 42 человека). Все верующие были не судимы и проживали в Новобелице соответственно [7].

На основе заключения уполномоченного по делам религиозных культов Гомельский облисполком вынес соответствующее решения по вопросу о строительстве нового старообрядческого храма. Было решено удовлетворить ходатайство староверов и позволить общине возвести молитвенное здание, однако на собственные средства [8].

Однако указанное решение не стало заключительным документом в деле о постройке молитвенного здания для новобелицких старообрядцев. Процесс затянулся. В ходе дальнейшей проверки были выявленные обстоятельства, подтверждающие невозможность строительства. Одно из них - сведения, дошедшие до уполномоченного по делам религиозных культов по Гомельской области В. Сафонова о том, что новую старообрядческую церковь хотят возвести в ста метрах от школы имени Сталина. По понятным причинам реакция местных властей была предсказуема. Вердикт местного руководства соответствующий – «Новобелицкий исполком категорически возражает» [9].

Кроме того, согласно Постановлению, перед открытием молитвенного здания религиозных культов уполномоченному предстояло провести тщательную проверку относительно данного вопроса по нескольким направлениям. Во-первых, стоило выяснить состояние рассматриваемого сооружения и сферу его использования в период поступления соответствующего ходатайства.

Во-вторых, необходимыми являлись сведения о процессе закрытия культового сооружения. Когда и по решению какого органа это состоялось.

В-третьих, немаловажную роль играли сведения о числе уже функционирующих молитвенных зданий того религиозного культа, к

которому принадлежали верующие написавшие заявление. Также следовало уточнить расстояние от населенного пункта заявителей к месту нахождения уже действующего храма данной конфессии. На основе именно этих данных решался вопрос о целесообразности открытия нового молитвенного здания [2].

Ярким примером противодействия верующих и органов власти явился затянувшийся процесс по поводу молитвенного дома старообрядцев в д. Заречье Паричского района. В результате проведенной проверки уполномоченному стало известно, что само здание было построено старообрядцами в 1888, и они пользовались им до 1934. В 1934 по 1937 – оно было занято под зернохранилище, а с 1937 по 1938 – под зерносклад. Следует обратить внимание на один интересный факт. В своих документах уполномоченный сообщает, что верующим взамен изъятого помещения было предложено другое, от которого они отказались.

О причинах такого поведения как местных органов, так и старообрядцев можно только предполагать. Ведь достаточно распространенным явлением в рассматриваем период в Гомельской области выступало то, что часто верующие сами просили разрешения на открытие либо постройку, а также передачу им в пользование какого-либо строения для совершения богослужений. Здесь же указывается, что инициатива исходила именно от властей.

Однако также можно предположить, что на самом деле старообрядцам ничего и не предлагали. Возможно данные сведения были просто сфабрикованы либо самим уполномоченным, либо местными органами власти.

Молитвенный дом снова был занят верующими лишь на период немецкой оккупации Гомельщины. С 1944 по 1947 год колхоз вновь пользовался данным строением как кладовой.

В 1947 году здание вновь передано старообрядцам, однако, как утверждает уполномоченный, незаконным путем, без разрешения на то райисполкома. После занятия здания колхозом под зерносклад в 1950 году, верующие обратились с просьбой вернуть им молитвенный дом к уполномоченному. Однако соответствующее заключение было составлено не в их пользу – здание было признано собственностью колхоза. Оставшись без помещения для проведения богослужений, старообрядцы д. Заречье выдвинули предложение об объединении с общиной в Ново-Александровке, находящейся в 3 км от них. Однако не желавшие объединения верующие в очередной раз обратились к уполномоченному с просьбой вернуть им их молитвенный дом.

По результатам очередной проверки уполномоченного было

вынесено решение не возвращать молитвенный дом старообрядцам. Оно было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, райисполком категорически настаивал на законности действий колхоза и вынес решения о том, что молитвенный дом является его собственностью. Также предполагалась переоборудовать здание под школу.

Во-вторых, открытие этого молитвенного дома считалось нецелесообразным. Свое решение власти аргументировали тем, что до недавнего времени верующие как-то обходились без собственного помещения. Местное руководство и уполномоченный по делам религиозных культов считали также, что старообрядцы д. Заречье имеют возможность удовлетворять свои духовные потребности в молитвенном доме в Ново-Александровке, находящейся всего в 3 км. Тем более что церковь там «большая, хорошо оборудована», а община немногочисленна всего 115 членов [10].

Верующие иудеи Гомельщины также стремились к открытию собственных молитвенных зданий. По данным отчета А. Боголюбского от 25 июня 1945 года верующими иудейской конфессии было подано ходатайство об открытии синагоги в городе Гомель. Заявители просили передать им в пользование бывшее здание синагоги по улице Советской. В результате проверки проведенной уполномоченным по делам религиозных культов было выяснены следующие данные. Рассматриваемая синагога действовала до 1930 г. и была закрыта по решению местных советских органов власти. Что касается самого здания, то оно было передано в коммунальный фонд города и использовалось под квартиры.

Решение облисполкома по поводу вышеуказанной синагоги было вынесено не в пользу верующих. Уполномоченный по делам религиозных культов объясняет такое решение местных властей острой нехваткой помещений в городском коммунальном фонде [5].

Сложившаяся обстановка вполне объяснима и связана с последствиями Великой Отечественной войны, когда многие белорусские города были в большей степени разрушены. Тяжелый процесс восстановления городской инфраструктуры Гомеля и ужаснейшие жилищные условия населения как раз и могли подтолкнуть местные органы власти к вынесению соответствующего решения.

Исходя из указанного выше, можно утверждать, что процедура открытия молитвенных зданий на территории Гомельской области в рассматриваемый период являлась довольно сложным процессом. Вынесению заключения уполномоченного предшествовала тщательная проверка в соответствии с рядом установленных требований соответствующего Постановления. Немаловажное значение имела

позиция местных органов власти. Однако стоит заметить, что решение уполномоченного по делам религиозных культов по Гомельской области по поводу того либо иного культового сооружения носило всего лишь рекомендательный характер. Окончательное заключение же выносилось на высшем уровне.

Список использованных источников и литературы

1 Носова, Е. В. Деятельность Совета по делам религиозных культов [Электронный ресурс] / Е. В. Носова// Вестник КРСУ. – 2009. – № 5. – С. 113–117. – Режим доступа: [http://arch.kyrlibnet.kg/](http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/Nosova%20E.V.pdf)

2 uploads/ Nosova%20E.V.pdf. – Дата доступа: 06.12. 2018.

3 Постановление СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» от 19 ноября 1944 г. //Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 98 – 99.

4 Статистическая сводка о молитвенных зданиях религиозных культов по Гомельской области на 1 января 1945 //Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 100 – 101.

5 Отчет уполномоченного по делам религиозных культов при СНК СССР по Гомельской области А. А. Боголюбского уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СНК СССР по БССР П. Маслову о регистрации действующих на территории области общин //Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 102 – 103.

6 Из отчета уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Гомельской области А. А. Боголюбского о религиозной обстановке в области во втором квартале 1945 г. //Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 109 – 111.

7 Заявление группы верующих-старообрядцев Новобелицкого района Гомеля уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СНК СССР по Гомельской области о разрешении строительства храма//Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 112.

8 Именной список подписавших заявление на строительство храма общества верующих-старообрядцев Новобелицы // Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 113 – 115.

9 Решение Гомельского облисполкома № 832 «О ходатайстве общины старообрядцев белокриницкого согласия о разрешении постройки нового храма в г. Новобелица // Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 115-116.

10 Письмо председателя Новобелицкого райисполкома уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СМ СССР по гомельской области В. И. Сафонову о невозможности строительства старообрядческой церкви в Новобелицком районе // Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 138.

11 Докладная записка уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области И. Н. Максимова заместителю уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по БССР В. Ярошевичу о принадлежности молитвенного дома старообрядческой общины д. Заречье Паричского района // Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991): документы и материалы/ сост.: З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 163 – 166.

УДК 94:378.147

О. Г. ЯЩЕНКО, Н. В. КОРНИКОВА

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БССР НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ГГУ ИМЕНИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

В статье обозначены современные тенденции в интерпретации культурных традиций в БССР и охарактеризованы подходы к преподаванию истории культуры советской Беларуси студентам

исторического факультета ГГУ им. Ф. Скорины, а также раскрыто воспитательное значение изучения вопросов культуры БССР студентами исторической и музейной специальностей.

Анализ практического опыта, связанного с преподаванием культуры БССР на историческом факультете ГГУ им. Ф. Скорины, является важной исследовательской задачей. Освоение целого ряда профильных дисциплин, имеющих приоритетное значение для подготовки студентов по специальностям «История отечественная и всеобщая», а также «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)», предполагает непосредственное обращение к изучению отечественного культурного наследия, в рамках которого значимое место занимают достижения в области культуры советской эпохи. Понимание студентами динамики социокультурных процессов советского периода всячески способствует сохранению исторической памяти, осознанию важности материального и духовного творчества белорусского народа в общеисторическом контексте и формированию чувства патриотизма. Современные стандарты и тенденции развития образовательного процесса определяют формирование новых подходов, связанных с совершенствованием методологических принципов и педагогических методик, применяемых в высшей школе, в том числе в процессе преподавания истории культуры БССР, что также указывает на актуальность и исследовательский интерес к выбранной проблематике.

Цель работы – показать место культуры БССР в образовательном процессе обучающихся по гуманитарным специальностям на историческом факультете ГГУ им. Ф. Скорины и представить новые подходы к интерпретации изучаемого студентами материала.

Преподавание культуры БССР на историческом факультете при подготовке студентов дневной и заочной формы обучения по специальностям «История отечественная и всеобщая», а также «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)» осуществляется в рамках ряда курсов и спецкурсов: «История культуры Беларуси», «Культура городов БССР (1945–1991)», «Музеи истории города на Беларуси», «Музеи Беларуси».

В образовательный процесс вводятся материалы новейших академических изданий, актуализирующие знания об отечественном историко-культурном наследии и различных аспектах культуры Беларуси советского периода, а также сочинения, знакомящие студентов с современными достижениями научной мысли по указанной тематике. Примером подобных фундаментальных изданий

могут служить «Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т.4. Культура XX – пачатку XXI ст.» [1], энциклопедические и иные издания «Культура Беларусі» [2], «Тэатральная Беларусь» [3], соответствующие тома издания «Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце. Архітэктура XX – пачатку XXI ст.» [4] и т. д.

Для эффективного преподавания культуры БССР студентам исторического факультета необходимым видится знакомство будущих специалистов с современными теоретико-методологическими подходами и взглядами по отмеченной проблематике, представленными в отечественной историографии и исторической науке в целом. Особую важность данное обстоятельство приобретает в связи с тем, что на современном этапе в трудах отечественных историков наблюдаются тенденции, связанные с пересмотром устаревших исследовательских позиций и переоценкой ранее устоявшихся научно-методологических подходов, выработанных относительно представления историко-культурных процессов в БССР. Благодаря исследовательской работе в архивах, активизировавшейся на современном этапе, выявляются новые ценные документальные свидетельства. Открываются малоизвестные страницы отечественной истории, которые расширяют представления современников о таких негативных факторах, влиявших на динамику социокультурных процессов в БССР, как политические репрессии 1920-30-х гг. деятелей белорусской науки и культуры, а также цензура, идеологически и политически ограничивавшая и регламентировавшая развитие издательского дела, литературы, изобразительного, театрального, музыкального, кинематографического искусства и пр.

Стоит обратить внимание на то, что современным подходом в преподавании культуры БССР, также в полной мере позволяющим воплотить принцип наглядности в обучении, сделать более эффективным восприятие многих аспектов изучаемого материала, способствовать его более прочному и продуктивному усвоению, а также активизировать познавательную активность студентов, является широкое и систематическое включение в контекст изучаемого на занятиях теоретического материала фотодокументов и визуальных источников, демонстрирующих памятники культуры. Использование фотографий в качестве наглядности в значительной мере способствует более эффективному структурированию и пониманию отдельных абстрактных категорий при изучении целого ряда тем, связанных с динамикой социокультурных процессов в БССР.

Большие возможности для иллюстрирования различных аспектов, связанных с культурой БССР, изучаемых в рамках спецкурсов «Культура городов БССР (1945–1991)», «Музеи истории города на Беларуси», «Музеи Беларуси» открывает работа с визуальными источниками, представленными в Государственном каталоге Музейного фонда Республики Беларусь. Он содержит фотоизображения и описания особо ценных музейных предметов, включенных в Государственный Музейный фонд Беларуси и являющихся важными свидетельствами при изучении культуры и повседневного быта населения БССР. В каталоге представлены оцифрованные изображения вещественных, изобразительных, письменных источников, классифицированных по широкому перечню критериев, и атрибутивные сведения о данных музейных предметах. Использование подобных материалов позволяет визуализировать содержание различных тем по культуре БССР и открывает возможности для организации самостоятельной работы студентов.

Особый акцент на работе студентов-историков с вещественными источниками делается в рамках изучения дисциплин «Культура городов БССР (1945–1991)», «Музеи истории города на Беларуси». С этой целью в процессе освоения целого ряда тем осуществляется широкое привлечение предметов семейного быта 1960-1980-х гг., что является одним из важных направлений самостоятельной работы студентов. Они проводят целенаправленную поисковую деятельность по выявлению подобных вещественных источников, зачастую являющихся семейными реликвиями, и проводят опросы представителей старших поколений семьи с целью изучения различных аспектов культурных традиций городских жителей БССР. Подобные усилия, безусловно, в значительной мере способствует актуализации общественной и социальной памяти, которая получают отражение через призму истории семьи.

Необходимой составляющей в практике подготовке молодых специалистов по исторической и музейной специальностям является также внедрение в процесс обучения студентов актуальных методических подходов, соответствующих современному уровню развития гуманитарного знания. Преподавание культуры БССР на историческом факультете ГГУ имени Ф. Скорины в полной мере отвечает подобным требованиям, что находит отражение в самых разнообразных направлениях учебной работы.

Одним из современных тенденций при организации процесса обучения в высшей школе является использование в учебно-педагогической деятельности актуальных информационных

технологий. В связи с этим в рамках преподавания культуры БССР уже давно устоявшейся и привычной нормой стало использование мультимедийного оснащения и демонстрации презентаций на лекционных занятиях с целью реализации принципа наглядности обучения. Подобный подход, несомненно, способствует более эффективному усвоению и закреплению материала, его структурной подаче и восприятию.

Важным аспектом в рамках преподавания отечественной культуры советского периода студентам исторического факультета является акцентирование их внимания на особенностях социокультурных процессов в рамках локальной истории, а также на изучении и популяризации регионального историко-культурного наследия в контексте культурных достижений БССР. Решение подобной задачи сопряжено, в первую очередь, с актуализацией краеведческого материала в рамках ряда изучаемых дисциплин. Подобный подход не только способствует пробуждению интереса студентов к познанию историко-культурного наследия своей малой Родины и всяческой мотивации их научно-исследовательской активности по краеведческой тематике, но также содействует развитию патриотического самосознания и имеет важное воспитательное значение.

В рамках преподавания культуры БССР в целом оправдывает себя междисциплинарный подход, направленный на построение и актуализацию межпредметных связей с целым рядом курсов, таких как «История Беларуси», «Этнология и Этнография Беларуси», «Архивоведение», «Историография истории Беларуси», «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», «Источниковедение истории Беларуси», «Охрана историко-культурного наследия», что позитивным образом влияет на развитие логики исторического мышления и кругозора студентов, а также способствует закреплению изученного материалов по целому ряду курсов.

Еще одной эффективной формой самостоятельной работы студентов, позволяющей актуализировать изученный на занятиях материал через восприятие информационного потенциала вещественных и документальных источников, является посещение выставок, проходящих в музейных учреждениях города, тематика которых связана с культурой БССР. Это всячески способствует не только расширению контекста знаний по конкретным аспектам отечественной культуры советского периода, но также имеет большое профориентационное значение. Примером может служить посещение

студентами исторического факультета таких выставочных проектов, проходивших в музеях города в 2018 г., как выставка советской винтажной игрушки «Детство в наследство» (Картинная галерея Г. Х. Ващенко), мемориальная выставка «Причины и время – 19:17». Женеvский и гомельский периоды в судьбе революционера П. Н. Лепешинского» (Музей истории г. Гомеля), выставки «Плакаты советской эпохи», «Октябрь. Люди и судьбы», выставка советского быта «От коммуналки до хрущевки», «829 дней», посвященная 75-летию освобождению Гомеля от немецко-фашистских захватчиков, выставка произведений белорусского советского живописца В. Ф. Казаченко «Творчество на века» (Гомельский Дворцово-парковый ансамбль Румянцевых и Паскевичей) и пр. Подчеркнем, что особое значение это направление имеет в рамках подготовки студентов специальности «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)», т. к. позволяет сделать обучение практикоориентированным и способствует приобщению студентов к их будущей профессии. Мотивированию интереса студентов к подобной форме изучения культуры БССР всячески способствует деятельность студенческой научно-исследовательской лаборатории «Друзья музея», действующей при кафедре истории Беларуси. Студенты регулярно посещают и обсуждают выставочные проекты музеев города Гомеля, организуются встречи с ведущими специалистами в сфере музейного дела.

В преподавании культуры БССР также обращается внимание на формирование у студентов глубокого понимания роли культурного наследия Беларуси в контексте развития общеевропейского и мирового культурного процесса. Например, изучение достижений всемирно признанных мастеров Парижской школы – представителей авангардизма, являющихся выходцами из Беларуси (Марка Шагала, Хаима Сутина, Осипа Цадкина, Михаила Кикоина, Нади Леже и пр.), творчества широко известных в мировом сообществе художников, писателей (М. Савицкого, Г. Ващенко, В. Быкова, С. Алексиевич) развивает чувство патриотизма и гордости за достижения белорусской культуры.

Усвоение студентами культуры БССР имеет большую практическую значимость. Знания, полученные в рамках изучения курсов «Культура городов БССР (1945–1991)», «История культуры Беларуси», «Музеи истории города на Беларуси», «Музеи Беларуси» в процессе обучения на историческом факультете ГГУ им. Ф. Скорины, применяются выпускниками специальностей «История отечественная и всеобщая» и «Музейное дело и охрана историко-

культурного наследия» в их дальнейшей профессиональной деятельности. Трансляция и популяризация знаний об отечественном историко-культурном наследии имеет важное значение для реализации образовательного и воспитательного процесса молодыми специалистами в их педагогической деятельности в образовательных учреждениях в Гомельском регионе и за его пределами. Высокую степень актуальности знание этапов истории и особенностей развития отечественной культуры имеет для выпускников специальности «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия», осуществляющих деятельность в музеях и туристических организациях. Подобные познания находят непосредственное практическое применение в их профессиональной деятельности, связанной с осуществлением культурно-образовательной работы в музейных учреждениях, а также разработкой и реализацией туристических маршрутов и экскурсий.

Таким образом, преподавание культуры БССР на историческом факультете ГГУ им. Ф. Скорины в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к современному образовательному процессу в высшей школе, опирается на использование новых актуальных подходов к интерпретации исторического знания, а также характеризуется использованием передовых педагогических методик, предполагающих работу с документальными и вещественными источниками и применение информационных технологий. Кроме того, в рамках изучения студентами указанной проблематики активно реализуется патриотическая и профориентационная работа.

Список использованных источников и литературы

1 Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 4. Культура XX – пачатку XXI ст. / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – 807 с.

2 Культура Беларусі: энцыклапедыя. У 6 тт. / У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) і [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2010 – 2015.

3 Тэатральная Беларусь: энцыклапедыя: у 2 т. / Пад агульн. рэд. А. В. Сабалеўскага. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2002–2003.

4 Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. / А. І. Лакотка (гал. рэд.) і [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2005–2009.

5 Дзяржайны каталог Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь [электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://dkmf.by>. – Дата доступу: 12.12.2018.

УДК 7.044(476) 069.013 «Н. И. Обрыньба»

О. Ю. ЛАБОВИЧ

(Гомель, Учреждение

«Гомельский областной музей военной славы»)

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. И. ОБРЫНЬБЫ В МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ БССР

В данной статье представлена характеристика творческого наследия Заслуженного художника РСФСР, члена Союза художников СССР – Николая Ипполитовича Обрыньбы (1913–1985) в музейных собраниях БССР. Н. И. Обрыньба был непосредственным участником военных событий, участником партизанского движения в Беларуси. Его работы являются документальным свидетельством происходивших событий, важным звеном в сохранении исторической и духовной памяти.

Важную роль в формировании духовного богатства современного общества, в сохранении национального наследия выполняют музейные учреждения. Деятельность музеев ориентирована на изучение и осмысление истории и культуры страны, воспитание самосознания граждан, приобщение их к национальному и общечеловеческому культурному наследию. Так, в ряде музейных учреждений БССР представлено значительное количество живописных полотен о войне, в частности, работы Н. И. Обрыньбы, играющие значимую роль в популяризации военной истории, а также содействующие патриотическому воспитанию молодежи.

Большинство художественных работ Н. И. Обрыньбы представлены в отдельных собраниях и ведущих музеях БССР. Среди них: Ушачский музей народной славы, музей истории Великой Отечественной войны, Государственный художественный музей БССР, Витебский государственный исторический музей. Обширная экспозиция с работами и личными вещами Н. И. Обрыньбы находится в Ушачском музее народной славы. В ней отражается история военных событий, в частности, партизанское движение в Ушачском

районе. Особенностью данного музейного учреждения является наличие в нем реконструированной партизанской картинной галереи с работами Н. И. Обрыньбы.

Первоначально картинная галерея была создана зимой 1942-1943 годов, в штабе партизанской бригады им. Ф. Ф. Дубровского, художниками Н. Т. Гутиевым и Н. И. Обрыньбой. Для проведения выставки они использовали специальную землянку, которую называли «картинной галереей». В ней демонстрировались плакаты Н. Т. Гутиева и работы Н. И. Обрыньбы – «На задание», «Слободка», «Первый подвиг», «После ухода немцев», «Бой за Пышно», «Партизанская засада», «Выход бригады Дубова на операцию», «Фашисты прошли». Эти и многие другие работы живописца, широко демонстрировались в походной партизанской галерее и отыгрывали важную мобилизационную роль, вдохновляющие на боевые подвиги партизан [1, с. 8]. Среди партизан такие выставки пользовались большим успехом, многие из них узнавали себя и своих боевых товарищей на рисунках. С удовольствием воспринимали выполненные художниками плакаты, карикатуры на гитлеровцев, портреты партизан [2]. Данный исторический факт способствовал появлению подобной галереи в здании Ушачского музея.

Интерьер галереи напоминает партизанскую землянку и включает не только художественные работы Н. Т. Гутиева и Н. И. Обрыньбы, но и их личные вещи, фотопортреты, а также фотографию строящейся картинной галереи. Среди работ Н. И. Обрыньбы, представленных в постоянной экспозиции музея, следует отметить «Бой за Пышно» [3, КП-005194], «Выход бригады «Дубова» на операцию» [3, КП-005195], «Бой на большаке» [3, КП-006723], другие работы художника находятся в фондах музея, и используются во время проведения временных и тематических выставок.

В фондах Ушачского музея народной славы хранится около 30 работ Н. И. Обрыньбы. Формирование живописной коллекции происходило в 1970-1980-е годы, благодаря деятельности научных сотрудников, занимавшихся организацией, сбором предметов для экспозиции. Живописные произведения были подарены самим художником, некоторые из картин поступили в собрание музея из отделов изобразительного искусства музейных учреждений БССР.

Первыми работами Н. И. Обрыньбы, поступившими в 1977 году в собрание музея стали картины: «Подвиг Нади Костюченко» [3, КП-001831], «Герой Советского Союза – Тимчук Иван Матвеевич – комиссар партизанской бригады 1-ой Антифашистской» [3, КП-001832], рисунок «Лобанок с товарищами» [3, КП-001833]. В 1980-е

года пополнение живописной коллекции происходило за счёт передачи предметов из фондов музейных учреждений БССР. Так, в 1980 году на основании распоряжения Министерства культуры БССР №2/6073 от 29.04.1980 года из отдела изобразительного искусства Витебского государственного исторического музея была передана картина «Ф. Ф. Дубровский и В. Е. Лобанок». В 1982 году фонды Ушачского музея пополнились рисунками Н. И. Обрыньбы («Обстрел эшелона», «По дорогам войны», «Савченко-разведчик», «Миша Чайкин», «Партизанская кузница», «Встреча партизан в д. Путилковичи», «Партизанское знамя») из музея истории Великой Отечественной войны. В 1983 году коллекцию пополнили две наиболее известные работы художника – картины «Бой за Пышно» и «Выход бригады «Дубова» на операцию» из Лепельского краеведческого музея в 1983 году. Также картины были переданы из фондов Государственного художественного музея БССР в 1986 году («Моим товарищам, погибшим в борьбе с фашизмом посвящая», «Мост на Западной Двине», «25-летие Октябрьской революции», «Бой на большаке») [3]. Часть выше перечисленных картин представлена в постоянной экспозиции музея («Ф. Ф. Дубровский и В. Е. Лобанок» [3, КП-003837], «Партизанское знамя» [3, КП-004974], «Моим товарищам, погибшим в борьбе с фашизмом посвящая» [3, КП-006385], «Мост на Западной Двине» [3, КП-006386], «25-летие Октябрьской революции» [3, КП-006722]).

Значительную часть живописной коллекции Ушачского музея народной славы составляют графические рисунки художника, насчитывающие около 20 работ, с изображением боевых операций, партизан и командиров партизанской бригады, характеризующие творчество Н. И. Обрыньбы 1940-х годов. Среди них: «Миша Чайкин» [3, КП-004965], «Савченко – разведчик» [3, КП-004964], «Юный партизан бригады «Дубова» Федя Мощев» [3, КП-003767], «Обстрел эшелона» [3, КП-004962], «Партизаны бригады «Дубова» в Соснянской пуще» [3, КП-003768], «Перед наступлением на Ушачи. Партизаны бригады «Дубова» ожидают темноты для начала операции против гарнизона в Ушачи» [3, КП-003769], «Первый выстрел по фашистскому эшелону пушкой бригады «Дубова» [3, КП-003770], «Землянка первая В. Е. Лобанка в урочище «Соснячи» 1941 год» [3, КП-003772], «Помещение штаба партизанской бригады «Дубова» в Антоновском лесу, где зимой 1942-1943 гг. размещалась партизанская картинная галерея партизан-художников Н. И. Обрыньбы и Н. Т. Гутиева» [3, КП-003773], «Засада партизан «Дубова» [3, КП-003774], «По дорогам войны» [3, КП-004963], «Партизанская

кузница» [3, КП-004966] и другие. Необходимо отметить, что в фондах Ушачского музея наряду с картинами и графикой хранятся также листовки, выпускавшиеся Н. И. Обрыньбой в военные годы, во время нахождения в партизанской бригаде. Среди них: «Почему ты не партизан? Все на борьбу с фашизмом» [3, КП-003765], «Строго по плану» [3, КП-003766], подаренные музею самим художником. Таким образом, Ушачский музей народной славы обладает самой большой коллекцией живописных работ Заслуженного художника РСФСР – Н. И. Обрыньбы, насчитывающей около 30 единиц хранения.

Работы Н. И. Обрыньбы представлены также в крупнейших музеях БССР. Так, в музее истории Великой Отечественной войны работы художника находятся в коллекциях «Живопись» и «Графика». В музейном собрании произведений изобразительного искусства, коллекция графики самая обширная – она составляет около 2,5 тысяч единиц хранения. Формирование коллекции началось после освобождения Минска в 1944 году, когда в Беларусь из партизанских отрядов, госпиталей, эвакуации вернулись советские живописцы, графики и скульпторы. В фондах музея хранится более 1000 зарисовок, карикатур, мини-плакатов из жизни и борьбы партизан, выполненные В. П. Суховерховым, Н. Т. Гутиевым, Н. И. Обрыньбой, Г. Ф. Бржозовским, Л. С. Бойко, О. В. Луцевичем, в период их пребывания в партизанских отрядах (1942–1944 гг.). Эти работы дают возможность передать разнообразные стороны жизни партизанских формирований.

Значительную часть коллекции графики составляет фронтовой рисунок, насчитывающий свыше 400 единиц хранения. Формирование коллекции было начато в 1946-1949 годах, когда в музей было передано свыше 100 рисунков и эскизов с выставок Первого и Третьего Белорусских фронтов, из Центрального музея Красной Армии и Военной Академии им. В. И. Ленина. Достаточно полное представление о фронтовом рисунке, дают коллекции зарисовок художников-фронтовиков: С. А. Андруховича, И. А. Давидовича, А. Ф. Ковалева, В. Н. Савицкого, В. И. Сахненко, Н. И. Обрыньбы. Среди рисунков Н. И. Обрыньбы следует отметить: «Партизанские минеры», «Уничтожение эшелона», «Портрет Гергашвили Вано Егоровича», «Портрет гармониста Юрия», «Привал на селе», в которых художником была воссоздана боевая жизнь на фронте (труд саперов, работа артиллеристов и минометчиков), военный пейзаж, портреты боевых товарищей и будни фронтовой жизни [4]. В основном преобладает карандашный рисунок («Портрет Гергашвили Вано Егоровича», 1942), но есть работы выполненные

тушью («Уничтожение эшелона», 1942) либо акварелью на бумаге («Партизанские минеры», 1942). Это наброски, сделанные художником с натуры в окопе, блиндаже партизанской бригады им. Ф. Ф. Дубровского.

Необходимо отметить, что значимой коллекцией в музейном собрании является коллекция живописи, включающая более 500 единиц хранения. Период интенсивного пополнения коллекции приходится на 1960-1980-е годы, когда в фонды музея поступили десятки произведений выдающихся живописцев на тему Великой Отечественной войны. В частности, работы Н. И. Обрыньбы («Фашисты прошли» (1943), «Партизанская засада» (1943) и другие) [5]. Таким образом, в собрании музея истории Великой Отечественной войны представлено более 20 работ Н. И. Обрыньбы.

В единичных экземплярах картины Н. И. Обрыньбы хранятся в Государственном художественном музее БССР, а также в Витебском государственном историческом музее. В собрание Государственного художественного музея работы художника поступили посредством закупки в 1960-1970-е годы и хранятся в его запасниках. На временных выставках чаще всего демонстрируется картина «Портрет П. К. Пономаренко» (1974) [6, КП-015331], поступившая в музей в 1975 году.

Основу живописного собрания Витебского государственного исторического музея составляют графические работы, рисунки, сюжетные зарисовки, портреты, сатирические плакаты и карикатуры, выполненные в 1943-1945 годах художниками, находившимися на фронте и в партизанских отрядах на Витебщине. В музее хранятся и экспонируются работы Е. А. Зайцева, С. Ли, В. П. Суховерхова, П. В. Масленникова, В. В. Волкова, В. К. Цвирко, С. А. Андруховича, Н. М. Воронова, И. О. Ахремчика, Г. Ф. Бржозовского, Н. Т. Гутиева, А. В. Ткаченко, А. П. Мозолёва, Э. С. Куфко, Н. И. Обрыньбы [7]. Не все они являются уроженцами белорусской земли, но их судьбы тесно переплелись с нашей страной: они освобождали Беларусь от немецко-фашистских захватчиков, многие затем работали в учреждениях культуры и образования нашей страны, которая стала им второй Родиной. Ярким примером является творчество Н. И. Обрыньбы, чье творчество неразрывно было связано с Беларусью. Большую ценность представляют акварельные рисунки, выполненные им в 1942–1943 годах, находясь в партизанской бригаде в Витебской области. В своих работах художник пытался отразить боевые действия партизан, создавал портреты боевых товарищей, отражал их боевые подвиги, воссоздавал боевую жизнь и будни фронтовой жизни. Так, в музее

представлены следующие его работы: «Артиллерист Сергей Маркин» (1943) [7, КП 17377/1], «Комбриг Дубровский и Лобанок» (1943) [7, КП 17377/3] и «Портрет Сергея Марковича» (1943) [7, КП 17377/2].

Таким образом, Н. И. Обрыньба внес значительный вклад в развитие советского и белорусского изобразительного искусства. Его работы представлены в ведущих музейных учреждениях БССР (Ушачский музей народной славы, музей истории Великой Отечественной войны, Государственный художественный музей БССР, Витебский государственный исторический музей). В условиях боевых действий на фронтах или в партизанских формированиях очень трудно сберечь графические работы, но Н. И. Обрыньбе удалось их сохранить. Сегодня его работы воспринимаются как бесценные художественные документы того времени, как уникальные произведения репортажной графики военного периода.

Список использованных источников и литературы

1 Ганчароў, М. І. Мастацтва мужнасці і гераізму: Адлюстраванне ўсенароднай партызанскай барацьбы ў беларускім выяўленчым мастацтве / М. І. Ганчароў. – Мінск: Беларусь, 1976. – 159 с.

2 Васілеўскі Я., Пацыенка А. Галерэя ў землянцы [Электронны ресурс] / Я. Васілеўскі, А. Пацыенка // Культура. – № 27 (1101). – 2013. – Режим доступа: <http://www.kimpress.by/index.phtml?page>

3 =2&DomainName=kim&id=9027 – Дата доступа: 27.03.2017.

4 Ушачский музей народной славы им. В. Е. Лобанка. Список работ Н. И. Обрыньбы / Основной фонд. – КП-№: КП-001831, КП-001832, КП-001833, КП-00290, КП-003765, КП-003766, КП-003767, КП-003768, КП-003769, КП-003770, КП-003771, КП-003772, КП-003773, КП-003774, КП-003837, КП-004348, КП-004349, КП-004962, КП-004963, КП-004964, КП-004965, КП-004966, КП-004967, КП-004974, КП-005194, КП-005195, КП-006385, КП-006386, КП-006722, КП-006723.

5 Государственный каталог музейного фонда Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://dkmf.by/catalog?authors=abrinba-m-mkalaji-paltavch> – Дата доступа: 10.02.2019.

6 Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Коллекция живописи. – Минск, 2013. – Режим доступа: <http://www.warmuseum.by/index.php/2015-02-03-13-59-04/izobrazitelnye-istochniki/159-zhivopis>. – Дата доступа: 20.03.2017.

7 Национальный художественный музей Республики Беларусь. Список работ Н. И. Обрыньбы / Основной фонд. – КП-№: КП-015331.

8 Витебский областной краеведческий музей. Список работ Н. И. Обрыньбы / Основной фонд. – КП-№: КП-17377/1, КП-17377/2, КП-17377/3.

УДК 94(476): 336.77

М. В. ТОЗИК

(Минск, УО «Белорусский государственный университет»)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ЧАСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье представлены предполагаемые варианты реформирования модели социально-экономического развития Республики Беларусь, и реорганизации банковской системы, как составляющей её части. На основе анализа программ перехода к рыночной модели развития и различных концепций денежно-кредитной системы сделан вывод о том, что реорганизация банковской системы прошла в соответствии с принятой рыночной моделью хозяйствования. Отдельное внимание было уделено реакции на происходящие процессы со стороны политических и научных деятелей. В статье была отмечена критика, и ряд предложений с их стороны по совершенствованию модели социально-экономического развития.

С 1990 г. в Беларуси шёл процесс выработки наиболее оптимального пути перехода к рыночной модели развития. Существовало две программы, в которых прописывался путь перехода к рыночной экономике. В качестве первой выступала разработанная Советом министров БССР программа, которая впоследствии и была утверждена 13 октября 1990 г. В соответствии с ней, переход к рынку предполагалось начать с 1 ноября 1990 г. Все преобразования планировалось закончить за 1,5–2 года. В качестве основы данной программы была взята новая экономическая доктрина академика С. С. Шаталина [1, с. 56].

Программа предполагала сокращение расходов на содержание государственного аппарата, создание различных форм собственности

(государственной, акционерной, кооперативной, частной) для стимулирования частной инициативы населения, а также прекращение финансирования убыточных предприятий с целью борьбы с инфляцией и перенаправления средств в иные, не менее важные сферы. Помимо этого, значительное внимание уделялось социальной защите населения. Планировалось установить минимальный размер заработной платы, материальной помощи нуждающимся, а также индексирование доходов относительно инфляции [2, с. 166].

В этой Программе были заложены основные принципы становления рыночной экономики, среди которых: свобода предпринимательства и реализация на практике прав собственности; свобода выбора форм экономической деятельности для всех граждан; сосуществование в экономике рыночных и государственных факторов; регулирование экономики в интересах граждан; открытость экономики; независимость республики в вопросах разработки и принятия законов и нормативно-правовых актов [3, с. 298].

Отдельным вопросом стояло создание собственной банковской системы. С этой целью была создана специальная рабочая комиссия, разработавшая концепцию под названием «О создании республиканской денежно-кредитной системы в соответствии с Декларацией Верховного Совета БССР «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики». В данном документе обосновывалась необходимость создания собственной денежно-кредитной системы, ставились главные задачи создания независимой банковской системы, намечались пути её преобразования. Кроме того, предполагалось возможность введения собственной валюты [4, с. 60].

В разработанной концепции рассматривались три варианта будущей банковской системы. Первый вариант предполагал создание автономной денежно-кредитной системы, которая являлась бы институтом суверенного государства, как в экономических, так и политических отношениях. Республика должна была базироваться на рыночной экономике. Регулирование деятельности такой системы предполагалось осуществлять исполнительными и законодательными органами государства. Второй вариант отличался от первого только тем, что предлагалось войти в экономическое сообщество (наподобие Европейского общего рынка), где регулирование рынка осуществлялось самим государством, но относительно решений всего сообщества. При таком варианте структуры банковской системы должны были быть интегрированы в аналогичные структуры

сообщества. Третий вариант предполагал создание денежно-кредитной системы, которая бы соответствовала рыночной модели социально-экономического развития, но государство при этом бы входило в федеративный союз с другой республикой, что делало бы такую систему лишь автономной, но не независимой. Фактически, на практике был осуществлён первый вариант банковской системы данной концепции [5].

Этот документ стал руководящим для действий по формированию денежно-кредитной системы Республики Беларусь. Положения Концепции были использованы во время разработки законов «О Национальном банке Белорусской ССР» и «О банках и банковской деятельности Белорусской ССР», принятых 14 декабря 1990 г. Верховным Советом Белорусской ССР.

Как уже отмечалось ранее, существовало несколько проектов перехода к рыночной экономике. Это же касается и проектов создания банковской системы. Многие идеи из альтернативных документов были учтены при разработке законов, хотя и здесь имелись разногласия. Например, в одном из вариантов оспаривалась надзорная функция Национального банка. Её отождествляли с непопулярным для того времени понятием «контроль». Оппоненты предлагали иной принцип регистрации банков второго уровня, заключающийся в элементарном уведомлении Национального банка о возникновении нового коммерческого учреждения. Однако, данная идея не была воплощена в жизнь [4, с.62].

27 июля 1990 г. был провозглашён суверенитет БССР. В дальнейшем, в связи с распадом СССР, БССР получила независимость. Это стало главным политическим фактором осуществления программы перехода к рынку. С началом её реализации Верховный Совет БССР принял ряд законов, обеспечивающих правовую основу этого процесса. Среди этих нормативных актов были законы «О собственности», «О предприятиях», «Об аренде», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О местном самоуправлении и местном хозяйстве», «О национальном банке и деятельности банков на территории республики», «Об индексации доходов населения с учётом инфляции», и Кодекс о земле. Опираясь на названные документы, правительство республики начало осуществлять практические меры по переходу к рыночной экономике. Также были сделаны первые шаги по преобразованию государственных предприятий в акционерные общества и хозяйственные товарищества [6, с.2].

Все вопросы, связанные с разработкой законопроектов, были

включены Советом министров в тематический план научных и исследовательских разработок НИИ экономики и экономико-математических методов планирования при Госплане БССР. Данному институту поручалось для разработки проектов формировать специальные творческие группы. Готовые проекты законов поступали в Верховный Совет для рассмотрения [4, с.62].

Стоит отметить, что рекомендации по реформированию экономики Республики Беларусь поступали и из других стран. Американский профессор Скот Норвуд предлагал два варианта развития в Республике Беларусь так называемых «двойных предприятий». Суть первого варианта сводилась к тому, чтобы с помощью иностранного капитала наладить производство в тех товарах, которые хорошо зарекомендовали себя на мировом рынке. Белорусские работники должны были пройти школу менеджмента, познакомиться с конъюнктурой всемирного рынка с целью постепенного выкупа предприятия и превращения себя в полноправных собственников. Система оплаты труда предполагала, что примерно 50 % заработной платы будет выплачиваться в советских рублях, а около 30 % – в специальных купонах, которые можно будет потом обменять на товары, поступившие из-за рубежа, 20 % заработной платы должно было выплачиваться в иностранной валюте. Но выдача на руки заработной платы не предполагалось. Планировалось, что эти средства пойдут на оплату оборудования и используемых в производстве машин. Другими словами, за эти 20 % от заработной платы выкупалось всё то оборудование и машины, что были предоставлены иностранными компаниями за их капитал. Товары, которые будут производиться на таком виде предприятий, должны были продаваться на заграничном рынке, а после его насыщения этими товарами – на внутреннем, т. е. в Республике Беларусь [7, с.3].

Второй вариант был рассчитан на реализацию новейших советских разработок по выпуску машин и механизмов, что могут конкурировать с лучшими мировыми образцами, или вообще не имеют аналогов в мире. Планировалось, что западные страны будут вкладывать средства, поставлять необходимые детали и узлы, если речь идёт о каком-то механизме, либо машине, а также обеспечивать выход готовой продукции на мировой рынок. Работать на таких предприятиях должны были советские рабочие и специалисты по советским технологиям и на советском оборудовании. Представители западных фирм должны были осуществлять контроль за соблюдением всех необходимых стандартов и качества изготовления. Второй

вариант двойного производства предполагалось применить на практике в Минске, в научно-производственном объединении «Центр», возглавляемым Валерием Шоплыкой. [7, с.3].

Через некоторое время был предложен альтернативный вариант реформирования экономики. 16 апреля 1992 г. на страницах «Народной газеты» была опубликована предложенная оппозицией от БНФ «Концепция экономической реформы в Республике Беларусь». Она была разработана Владимиром Заболоцким, Сергеем Попковым, и Зеноном Позняком. Основная идея сводилась к созданию эффективной экономики, способной обеспечить высокий уровень жизни граждан и экономический суверенитет Республики Беларусь. Отличительной чертой концепции являлось стремление перейти к рыночной модели хозяйствования, используя административно-командные методы. После перехода к рыночной экономике предполагалось сохранить некоторое влияние государства в экономической жизни, но только на микроуровне [8, с. 3].

Реформирование экономики Республики Беларусь должно было основываться на принципах неприкосновенности собственности и сохранения права собственности, свободы экономической и географической деятельности физических и юридических лиц, свободы потребления субъектам на рынке. Главным также объявлялось наличие конкуренции производителей. Несмотря на намерение перехода к рынку административно-командными методами, одним из принципов реформы являлось недопущение смешивания на предприятиях рыночных и командно-административных элементов. Планировалось создания частного сектора экономики путём проведения приватизации, и проведения государственной политики поддержки предпринимателей. В планы также входило привлечение инвестиций в экономику Беларуси. Озвучивалась идея сокращения военных расходов. В рамках денежно-кредитной политики отмечалась необходимость проведения валютной реформы и законодательного закрепления за национальной валютой статуса единого платёжного средства на территории Беларуси [8, с. 3].

Анализируя отдельные части документа, которые в подробностях раскрывали суть предполагаемых преобразований, некоторые профессиональные исследователи выделили в нём ряд недостатков. Доктор Белорусского экономического университета Евгений Герштейн отметил наличие планово-административных моментов в программе и задержку с приватизацией, которая должна была проводиться на четвёртом этапе реформ. Сомнения у специалиста вызвало стремление создать 100–150 тысяч юридических лиц на

третьем этапе реформ. По его мнению, в сложившихся условиях сделать это было весьма проблематично. Процесс приватизации предполагалось проводить на четвертом этапе, а увеличение юридических лиц – на третьем. Это также вызывало у специалиста сомнение по поводу объективности идей, заложенных в программе. Именно увеличение количество предпринимателей стимулирует процесс приватизации, а не наоборот. Главный специалист Союза предпринимателей и арендаторов Беларуси А. Савин также критиковал идею о задержке приватизации [9, с. 1].

Заведующий отделом Института экономики, доктор экономических наук В. Клетский также отмечал некоторые противоречия в документе. Несмотря на стремление к принципу неприкосновенности собственности, предлагалось аннулировать безналичные средства на счетах юридических лиц. Принятие этого предложения, означало конфискацию у широкого круга товаропроизводителей заработанных денег, и тем самым лишить рабочий коллектив итогов их работы. Также с критикой была воспринята идея постоянного подтверждения документом законности каждого поступления средств на счёт производителя. Введение такого порядка означало бы слежку за всеми действиями производителя, что увеличило бы штат контролирующих лиц [9, с. 1].

Период 1991–1995 гг. отличился заметными изменениями в экономической и социальной жизни республики. В результате распада СССР и разрыва существовавших ранее экономических связей, нарушилась работа всей экономической системы Беларуси. В связи с этим возникла необходимость реформирования модели социально-экономического развития. Из-за разочарования в советской системе хозяйствования и невозможности её существования в новых политических условиях, было принято решение о переходе к рыночной модели развития. С переходом к рынку в республике были введены рыночные цены на большинство товаров и услуг, началось развитие предпринимательства, проводилась приватизация государственной собственности.

Одним из немаловажных явлений в экономической жизни стало возникновение независимой банковской системы, которая дала возможность самостоятельно заниматься организацией республиканских рынков кредитных, валютных ресурсов, ценных бумаг, фондовых бирж, введением механизма управления совокупным денежным оборотом, применением экономических методов контроля за деятельностью банков. Также возникла возможность иметь свой собственный как алмазный и валютный

фонды, а также золотой запас. Ряд исследователей и политических деятелей отмечали недостатки в работе новой модели социально-экономического развития, и банковской системы в частности. Эти недостатки в дальнейшем сказались на функционировании экономики, что привело к новым поискам наиболее оптимального пути развития экономики.

Список использованных источников и литературы

1 Мандрик, И. В. Переход к рыночной экономике в Республике Беларусь: проблемы формирования социально ориентированного государства (1991–2010 гг.) / И. В. Мандрик, В. В. Акунович // Сб. науч. тр. / Витеб. Гос. ун-т. – Витебск, 2011. – Том 12: Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – С.49–62.

2 Павловец, Ю. С. Экономика Белоруссии: исторические очерки XX—XXI века / Ю. С. Павловец // Поиски путей перестройки экономических отношений во второй половине 1980-х –1991 гг. Программа перехода к рынку / Ю. С. Павловец. – Москва, 2017. – Гл. 4. – С. 143–175.

3 Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. / редкол.: М. П. Костюк (глав. ред.) [и др.]. – Минск: Институт Истории НАН Беларуси, 1995. – Ч. 2 : Нарысы гісторыі Беларусі / М. П. Костюк [и др.]. – 1995. – 560 с.

4 Кузьмич, Н. А. Современная банковская система Республики Беларусь: Создание, развитие, оценки / Н. А. Кузьмич // Банкаўскі веснік. – 2013. – № 34. – С.60–65.

5 Концепция создания республиканской денежно-кредитной системы в соответствии с Декларацией Верховного Совета БССР «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической республики» // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 196. Оп. 1. Д.82.

6 Экономика Республики может выйти из кризиса // Народная газета. – 1991. – 17 мая. – С.2–3.

7 Скот, Н. Дваіныя прадпрыемствы / Н. Скот // Звязда. – 1991. – 12 июля. – С. 3.

8 Канцэпцыя эканамічнай рэформы ў Рэспубліцы Беларусь // Народная газета. – 1992. – 15 апреля. – С. 3–4.

9 Канцэпцыя БНФ: меркаванні і прагнозы // Звязда. – 1992. – 12 февраля. – С. 1.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Мязга Мікалай Мікалаевіч, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі, дэкан гістарычнага факультэта, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны.

Романовский Иван Федорович, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени, Белорусский государственный университет.

Лазько Рыгор Рыгоровіч, доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны.

Дубровко Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Бабков Анатолий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины

Міхедзька Валянцін Аляксеевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны.

Елизаров Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого .

Лешков Александр Викторович, старший преподаватель кафедры права и экономических теорий, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации.

Старовойтов Михаил Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Лебедзева Валянціна Міхайлаўна, даследчык.

Нарижная Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры права и экономических теорий, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации.

Колос Андрей Васильевич, магистр исторических наук, соискатель, Институт истории НАН Республики Беларусь.

Марченко Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Друзенок Ольга Владимировна, магистр исторических наук, преподаватель-стажер кафедры истории Беларуси, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Яценко Оксана Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедры истории Беларуси, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Корникова Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры истории Беларуси, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Лабович Оксана Юрьевна, старший научный сотрудник, магистр исторических наук, «Учреждение Гомельский областной музей военной славы»

Тозик Максим Викторович, магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени, Белорусский государственный университет.

ЗМЕСТ

Мязга М. М.	Канцэпцыя федэрацыі і перспектывы беларускай дзяржаўнасці.....	3
Романовский И. Ф.	Разработка политическими партиями и организациями концепции белорусской государственности в период революционных преобразований (1917–1918 годы).....	9
Лазько Р. Р.	Усебеларускі з’езд 1917 года: адмовіцца ад ненавуковых штампаў у яго трактоўцы.....	15
Дубровко Е. Н.	Белорусская Народная Республика в отражении американской прессы 1918 года.....	30
Міхедзька В. А.	Грамадскія ідэалы і каштоўнасці ў дзяржаватворчых дакументах БНР і БССР.....	37
Бабков А. М.	Белорусский вопрос в литовской политике Германии в первой половине 1917 года.....	41
Елизаров С. А.	Система местных органов советской власти и управления Беларуси (осень 1918 – 1921 годы).....	49
Лешков А. В.	Гомельские профсоюзы: от I губернского съезда профсоюзов до Рижского мира.....	56
Старовойтов М. И.	Формирование межгосударственной белорусско-украинской границы (1918–1929 годы).....	62
Лебедзева В. М.	Гомельшчына: памежжа Беларускай Народнай Рэспублікі.....	75
Нарижная А. П.	Становление массового физкультурного движения как часть социокультурного развития Советской Беларуси	88

Колос А. В.	Механизация в БССР на примере Гомельского региона в период 1929–1941 годов.....	95
Марченко О. В.	Деятельность советского антифашистского подполья в Житковичском районе Полесской области в годы Великой Отечественной войны.....	104
Друзенок О. В.	Деятельность уполномоченного по делам религиозных культов по открытию молитвенных зданий на Гомельщине (середина 1940-х – середина 1960-х годов)	111
Ященко О. Г., Корникова Н. В.	Из опыта преподавания культуры БССР на историческом факультете ГГУ имени Франциска Скорины.....	117
Лабович О. Ю.	Творческое наследие Н. И. Обрыньбы в музейных учреждениях БССР.....	124
Тозик М. В.	Реорганизация кредитной системы Республики Беларусь как часть трансформации модели социально-экономического развития.....	130
Звесткі пра аўтараў.....		137

Навуковае выданне

**ДЗЯРЖАЎНАСЦЬ БЕЛАРУСІ
Ў XX СТАГОДДЗІ**

Да 100-годдзя абвяшчэння
Беларускай Народнай Рэспублікі
і Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі

Зборнік навуковых артыкулаў

Падпісана да друку 25.06.2019. Фармат 60x84 1/16.
Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 8,14.
Ул.-выд. арк. 8,9. Тыраж 15 экз. Заказ 552.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 3/1452 от 17.04.2017.

Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ